ДАГЕСТАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
Факультет иностранных языков
Лаборатория эксплanаторной лингвистики

И.Ш. Абдуллаев

ПРАЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА ДАГЕСТАНЦЕВ И ВАЙНАХОВ
(Опыт реконструкции исторической памяти слова)

Монография

Махачкала 2023

УДК 811
ББК 81
А-13

Рецензенты:

Гебекова З.Г. – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Дагестанского государственного университета народного хозяйства;

Абдулжалилов И.Г. – кандидат филологических наук, доцент факультета иностранных языков Дагестанского государственного педагогического университета.

Абдуллаев И.Ш.
А-13 Праязыковая картина мира дагестанцев и вайнахов (Опыт реконструкции исторической памяти слова). – Махачкала: Издательство АЛЕФ, 2023. – 106 с.

ISBN 978-5-00212-229-5
DOI: 10.33580/9785002122295

В монографии на основе последних достижений современных общего и дагестанского языкознания предпринята попытка объяснить мотивацию наименований исконной лексики нахско- дагестанских языков - требование, которое в общем языкознании остается декларативным со времен младограмматиков XIX века, повторяющееся и в наши дни.

ISBN 978-5-00212-229-5

Именем Аллаха милосердного, милостивого
светлой памяти моего деда Рамазана,
имама мечети сел. Хив, шахида ислама сие посвящаю.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящая работа - первое монографическое исследование, посвященное реконструкции исторической памяти исконной лексики нахско-дагестанских языков. Опираясь на общепринятый принцип экономии языковых средств А. Мартине и на свои работы «Введение в генетику дагестанских языков. Махачкала, 1999», «Действо как бытие ситуации (К проблеме этимологической семантики компонентов содержательной структуры дагестанского глагола) -Махачкала, 2003», «Индоевропейцы: реальность и мифы. – Махачкала, 2021»; «До-ПОТОП-ная картина мира, или пиар экспликативной лингвистики. – Махачкала, 2022», автор придерживается тезиса о том, что современная лексика являет собой аббревиации исторических синтагм из двух и более автономных слов. И это в том случае, если современное слово не имеет исторической структуры СГ. Этот тезис, подтвержденный материалами индоевропейского праязыка и его диалектов, равно как и семитских, тюркских, арабского и отчасти дагестанских языков (Абдуллаев, Гаджиалиева, 2016, 2019а, 2019 б) успешно применяется и к реконструкции исторической памяти исконной лексики нахско-дагестанских языков.

Критический анализ формы и семантики материалов СИЛДЯ и СССДЯ позволил И.Ш. Абдуллаеву восстановить мотивацию соответствующих наименований и концептуализацию номинируемой реальности в этническом сознании древних дагестанцев и вайнахов.

Так, семема *солнце* в нахско-дагестанских языках предстоит как: авар. *бакъ <*баракъа* «*это свет сияние», дарг. *бар-х1и* < **бара-х1и* «*это свет кроваво-красный», лак. *баргъ* < **ба-ра-гъан* «*это свет явление», лезг. *рагъ* < *ра-гъун* «*свет ноша» и имеют общекорневым сонант *–р-* «*свет». Послекорневые согласные суть дифференциальные компоненты и не восходят к **къг* (по СИЛДЯ, 184), поскольку несводимы к единой семеме. В этом плане могут быть объединены лакский -*гъан* «явление» и лезг. -,*гъун* «ноша». Чеченский *б1а-р-г <*б1а-ра-го* (*это свет круг) «*солнце» > «глаз» обозначает реальность «глаз» по метафоре (автор считает, что классные показатели в сочетании с гласными – это отчасти субстантированные местоимения).

Реконструкция исторической памяти слова даже при почти одинаковом компонентном составе и единстве значения может свидетельствовать о различной концептуализации номинируемой реальности. Так, семема «сливочное масло», обозначаемое словами авар. *к1ама,* таб. *к1аму,* при одинаковом значении этих слов, по-различному концептуализирует обозначаемый денотат: в аварском языке сливочное

масло предстоит в образе желтых бусинок на поверхности айрана, а древним табасаранцам этот продукт виделся как желтые зерна овса на поверхности айрана.

Не лишено основания утверждение автора о том, что моноконсоннантность глагольного корня не абсолютна, например, табасаранский глагол в значении «рассыпать»: (*дар>ттар* «не есть» +-а «есть» + -*хьуб* «бытие») > *ттар-а-хьуб* «разрушаться». Более того, отмечены глаголы, не имеющие корневой морфемы, обозначающей номинируемую реальность. Так, глагол «делать» состоит из указательных местоимений, классных показателей и суффикса инфинитива (грамматикализовавшееся имя) и моновокалической семемы *и* «бытие», ср. авар. *гьа-(б-,в-,й-)-и-зе*; лезг. *и-й-и-з*, где суффикс инфинитива – *зе,- з* < **за* «вешь, нечто» при лакском *за* «вещь, нечто». Ср. также лак. *а-н, д-а-н, б-а-н;* чечен. *д-а-н* в том же значении «делать» при *–а-* «есть, имеется, становится» с транспозицией в «делание».

Релевантность технологии реконструкции исторической памяти слова, раннее апробированная автором на материале индоевропейских языков, оправдала себя и применительно к нахско-дагестанским языкам.

Работа И. Ш. Абдуллаева не лишена недостатков (этимология с реконструкцией концептуализации номинируемой реальности!), но она не только инновациона, но и эвристична, она своего рода введение в эксплanаторную этимологию и предполагает критический подход к устоявшимся представлениям о степени родства нахско-дагестанских языков на уровне сформировавшихся коммуникативных систем с грамматическими категориями - проблема, которая была затронута в одном из ранних исследований И. Ш. Абдуллаева.

Полагаем, что настоящая работа заслуживает того, чтобы быть представленной широкой филологической общественности.

Мусаева Зухра Холадаевна,
к.ф.н., доцент ГАОУ ВО «Дагестанский государственный университет народного хозяйства»

ВВЕДЕНИЕ

Представленная работа – первое монографическое исследование, посвященное реконструкции исторической памяти исконной лексики нахско-дагестанских языков. Она – продолжение наших многолетних изысканий в области происхождения языка (Введение в генетику дагестанских языков –Махачкала, 1999 – 174 с.) и реконструкции исторической памяти слова (Действо как бытие ситуации – Махачкала, 2003- 42 с.), трех выпусков «Картины мира древних народов» Вып. 1, Махачкала, 2016, -43 с.; Вып. 2. Махачкала -2019, 140 с.; Вып. 3. Махачкала, 2019а -16 с. (в соавторстве с М. Г. Гаджиалиевой); «Индоевропейцы: реальность и мифы. Махачкала, 2021 - 80 с.»; «До-ПОТОП-ная картина мира, или пиар экспликативной лингвистики. – Махачкала, 2022»

Актуальность настоящего проекта «Праязыковая картина мира дагестанцев и вайнахов» (Опыт реконструкции исторической памяти слова) обеспечивается тем, что:

1. Данный проект – первая в нахско-дагестанском языкознании экспланаторная монография, которая на научной основе пытается объяснить почему та или иная реальность называется так, как она называется;

2. Полученные результаты эвристичны: - реконструируется языковая картина мира древних дагестанцев и вайнахов, равно как и других носителей нахско-дагестанских языков;

3. Разработанная технология реконструкции исторической памяти слова универсальна (во всяком случае она оправдала себя на материалах индоевропейского праязыка и его диалектов: древнегреческого, латинского, славянских, иранских, равно как и на материале тюркских и семитских языков;

4. Наше исследование может инициировать не только собственно этимологические, но и экспликативные изыскания с постановкой проблемы «Почему это так называется?»;

5. Настоящая работа значима и в практическом плане: она может быть методическим пособием по реконструкции исторической памяти слова, материалом курсов по языкознанию и предметом дисциплины «Древние языки и древние культуры».

ГЛАВА I. ТЕХНОЛОГИЯ РЕКОНСТРУКЦИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ СЛОВА

Последние годы отмечены серией работ экспликативного характера, в которых языковые явления не только описываются, но и объясняются: «почему это так называется?» [Абдуллаев, 2021; 2022; Абдуллаев, Гаджиалиева, 2016, 2019а, 2019 б]. Тем самым реконструкция исторической памяти слова - проблема, находившаяся2 на уровне обсуждения [Добродомов, 2002; Николаева, 2002; Самигулина, 2009]- нашла реализацию в конкретных исследованиях.

Краткий обзор ограниченной и малодоступной литературы на данную тему (в связи с очень ограниченным тиражом работ) и репрезентация новых данных на материале нахско-дагестанских языков представляется актуальным для дальнейшего развития этимологии, языкознания вообще и технологии этимологических изысканий, в частности

В языкознании до сих пор бытует мнение о непознаваемости происхождения языка. Однако еще в конце прошлого столетия на основе ретроспективного анализа 28 дагестанских языков, не считая говоров и диалектов, был предложен возможный механизм образования естественной человеческой коммуникативной системы. Обращение к материалам этого исследования важно для экспликации нашей технологии реконструкции исторической памяти слова. Поэтому позволительно в тезисной форме изложение основных положений этой работы, согласно которой происхождение языка предполагает четыре этапа.

1. Доречь. Собственно речевым компонентом общения является присущий гоминоиду от природы вокал **О* средний между *а* и *о,* произносимый глубоко в гортани и имеющий инвариантное значение бытия, действа и дейксиса. Фонация *О, сопровождаемого жестом со зрительной опорой на экстралингвистическую реалию, и есть коммуникативный акт. При этом ситуативно можно выразить суждение, волю, обозначить предмет или процесс.

2. Проторечь. *ХХ – глубоко гортанный хрип, присущий каждому гоминиду в отдельности и всему данному сообществу, напоминающий характерный шум при хлебании воды, становится самопонятным знаком пития и воды. В сочетании с фоносемемой *О образуется лингвогенетическая основа *ХХО с инвариантными значениями «вода», «водный объект», «пей!», «пьет». «выпил».

По аналогии с *ХХО (тоже мотивация) образуются лингвогенетические основы: **КЬО*, где **КЬ* – глубоко гортанный смычный

абруптив с семантикой «пища (мясо)», «инструмент добывания пищи», «убиение»; *ГЪО*, где *ГЪ*- глубоко гортанный звонкий хрип, который ассоциируется с представлениями «антропоморф», «рождение», «плод», «ноша»; *ГО, в структуре которой согласный компонент -глубоко гортанный звонкий фрикатив – связан с представлениями «огонь», «свет» и «есть/не есть», соответственно. Вокал **О* в морфологии **ХХО. *КЬО, *ГЪО и *ГО* и вне их сохраняет семантику действия, бытия и указания. Согласные компоненты этих первичных «синтагм» вне гласного не могут быть коммуникативными единицами в связи с их недистантностью, но существуют в сознании данного сообщества как «языковые» единицы.

На уровне приведенных лингвогенетических основ возможна контекстно ограниченная ситуативная коммуникация, но необходимость в зрительной и жестовой фиксации номинируемой реалии сохраняется.

3. Собственно речь. Лингвогенетические основы СГ и, после редупликации корневых протосогласных, образуют морфологически все усложняющиеся структуры СГ, СГС, СГСГ, либо остаются на уровне СГ. Эти модели одновременно с фонетической эволюцией исходных лингвогенетических основ в направлении к переднеязычной фонации формально и семантически все более конкретизируют исходные общие ситуативно разграничиваемые значения (фонетический облик слова заменяет ситуативность). Это обусловливает образование грамматически неоформленных слово-основ. Визуально-жесто-вокалическая опора на реалию заменяется слово-основой, но экстралингвистический контекст остается релевантным. Ситуативность сохраняется в области передачи грамматических значений.

4. Язык. От лингвогенетической основы *ГО «ситуативно «есть/не есть», либо от протогласного *О «дейксис/бытие/императив» с последующими фонетическими изменениями образуются аффиксы. Присоединение последних к ситуативно глагольной/именной основе образует показатели грамматических времени, числа и падежа. Всякая согласная фонема языка восходит к протосогласным *ХХ, *КЬ, *ГЪ, *Г и имплицитно содержит четыре значения «вода», «пища», «антропоморф», «огонь», либо производные от них. Всякая гласная фонема имплицитно содержит значения «дейксис/ бытие/императив».

5. Сознание возникло задолго до собственно языка, и первый протосогласный первичной жестовокалической коммуникации с визуальной опорой на денотат/явление исторически мотивирован.

Наши дальнейшие исследования на материале разнотипных языков, с опорой на общеизвестный принцип экономии языковых средств А. Мартине, показывают, что после формирования отдельных слов, ментальные сущности номинируются не только отдельными словами, но и синтагмами из двух и более лексических единиц, ср.:

1) латинские ex geno meae matre (из рожденных моей матерью) > egomet (*я сам*) > ego *я,* (каждый «я» рожден свей матерью); ve super visius (сверх виданное горе) > Ve-su-vius «Везувий (вулкан)», visum nutum (шатающийся вид, походка) > vi-num «вино»;

2) древнегреческие: *Эллания (Эллада)* на морфемном уровне «страна каменных храмов», *Одиссей*» - «гонимый срадалец», *Пенелопа* -«большая печаль и страдания»

3) славянские: *Ру-е-вит* (обвитый мечами*);* *Ру-си *(*меч/ орудие *+ страна (ве)-си)> Русь «*Страна кузнецов*»; ясная сень> я-сень;* solum lucens (одиноко светящий)> Солнце; *мороки> *кимора> Кикимора*;

4) авестийский *Заратуштра* (несчастный, изгнанный врагом); перс. «путник, пасущий скот, скотовод»;

5) тюркские: *TU*- (mel) (be)-*R*-(i) *K*-(ishi) (всякий на этой стороне человек, «свой»)> *tu-r-k; *би-ри* «без сторон) т.е. «точка» > *бир* «один»; **бе-ри-ки* «есть сторона + сторона) > **берики* «две стороны» > **рики* > *и-ки* «два;

6) нахско-дагестанские: лакское **ба-ра-гъан* (это свет явление)> *ба-р-гъ* «солнце»; лезгинское *ра-гъун* (*свет ноша) > *ра-гъ* «солнце»; чечен.*б*1а-ра-го* (это свет круг*) > б1арг > «**солнце» > «глаз»;

7) арабское *катаба* «письмо»: *ка*- «завязывание» - *та*- «удлинение» - *ба* «кручение» > «связыание > (связывание букв) >«письмо».

Современные модели словообразования, равно как и исторически зафиксированные, повторяют цитированные исторические слоговые структуры на уровне слов, а не слогов и являют собой стяжения из двух и более синтагм (после стяжения исходной синтагмы слова становятся слогами/морфемами), ср. CO-rona VI-rus VAC-cina> CO-VI-VAC, *RO-MU-s LU-pus> RO-MU-LU-s «Ромус-волк,» (прозвище). Словообразование посредством стяжения синтагм и реконструкция внутренней формы этим технологическим приемом (абревиация) в языкознании не новы, например, общеизвестная внутренняя форма HERA KL-ad-ES (Слава Геры) > HE-RA-KLES . Однако этот прием не нашел широкого применения в этимологии. Она (этимология) ограничивалась и ограничивается анализом формы и (крайне редко - содержания внутри данной единицы), не обращаясь к языковым коррелятам морфем, композиционная семантика которых образует это слово (см., например,

«Этимологический словарь русского языка М. Фасмера; A. Ernout, A. Meillet. Dictionnaire etymologique de la langue latine, Paris 2001). Мы лишь реанимировали очевидную (оставшуюся незаметным в этимологии) экономию языковых средств в «невероятное» с опорой на результаты нашего «Введения в генетику дагестанских языков. - Махачкала, 1999». Мы рассматриваем всякое слово как результат стяжения двух и более компонентных синтагм, если только это исторически не структура СГ. Наша технология реконструкции исторической памяти слова с опорой на исторические прототипические синтагмы, как стянувшиеся в отдельные лексические единицы, оправдала себя как научный метод в трех выпусках «Картины мира древних народов. – Махачкала, 2016, 2019а, 2019 б.» на материалах индоевропейского праязыка, латинского, арабского, тюркских и нахско-дагестанских языков (см. библиографию).

Генетическое родство исследуемой лексики определяется по данным СИЛДЯ и СССДЯ, которые, наряду с другими лексикографическими справочниками нахских и дагестанских языков, явились основным материалом нашего опуса.

ГЛАВА II. ПРИРОДНЫЕ ЯВЛЕНИЯ

Солнце. Считается, что корневая морфема **къг* космонима «солнце» восходит к общедагестанскому хронологическому уровню, например. авар. *бакь,* дарг. *бархІи*, лак. *баргъ*, арч. *барх*, лезг. *рагъ,* таб. *ригъ, рикъи*, цахур *верыгъ*, будух. *вирагъ* [СИЛДЯ, 184].

Сравнение авар. *бакь,* лак. *баргъ*, арч. *бархъ*, хиналуг. *вирагъ,* лезг. *рагъ* позволяет реконструировать авар. *бакь* в праформе **баракьа,* ср. авар. ба*кьара-б* «сухой» <* *баракьа-б* (солнце –сухой). В морфологии **баракъа* морфема – *ра-* является носителем значения «свет», ср. авар. *ра-дал* «рассвет», *ро-гьин* «светать (свет приход, ср. *ин* «приход»). Об этом же свидетельствует и лезг. *ра-гъун* «*свет ноша» > *ра-гъ «*солнце.» Равным образом, ср. лак. *баргъ* < **ба-ра* «*свет» + *гъан* «поднятие», авар. *ба-*ра-кьа* = ра «*свет» - *къа* «сияние» ср. авар. *къа-ли къализе* «сиять, сверкать». Следовательно, морфология авар. **ба-ра-къа* является следствием композиционной семантики «свет- сияние» > «солнце». Если принять препозитивный б*а-* за окаменевший классный показатель, то весь комплекс *ба-*ра-кьа* будеть иметь значение «объект + свет + «сияние», композиционная семантика которых репрезентирует Солнце как (на небе) светящийся объект, что в экстралингвистическом аспекте релевантно и для реконструированных праформ лакского и лезгинского языков.

Однако концептуально лакский, лезгинский и табасаранский семемы отличны от аварского и даргинского коррелятов и приблизительно одинаково репрезентируют «солнце»: в лакском языке –«свет явление», в лезгинском - «свет ноша», в табасаранском – «свет приход». Это, с учетом возможной поздней диверсификации, можно рассматривать как исходное «* свет явление».

Даргинское *бархІи* реконструируемо в праформе **ба-ра-хІи*, где последний слог *– хІи* соответствует слову *хІи* «кровь». Следовательно, в этническом сознании древних даргинцев Солнце отразилось как «кроваво-красный свет», т.е. мотивационным признаком номинации Солнца явился его кроваво-красный цвет на раннем восходе.

Аварское **ба-ра-къа* (свет сияние) «солнце» и даргинское **ба-ра-хІи* (кроваво красный свет) «солнце» мотивированы по-разному и концептуально отличаются как друг от друга, так и от лакско-лезгинско-табасаранского вариантов.

В табасаранском языке межъязыковым омонимом относительно лакского *баргъ* «солнце» выступает слово *баІргъ* «мелкие камни, каменная мелочь». Это можно объяснить тем, что исторически в

табасаранском языке Солнце обозначалось лексемой *ба1-ра-гъ-(юб) «нечто приносящее свет» с последующим стяжением в ба1ргъ. Семантически развитие *ба1-ра-гъюб «*солнце» > ба1ргъ «каменная мелочь» закономерно: *ба-ра-гъ-(юб) «нечто приносящее свет» > «*солнце» > «речная галька, белые окатыши» (метафора) > «каменная мелочь».

В свете *ра «свет» привлекающим внимание представляется композиционная семантика слов: *ква, ка* «рука» лакского, *как* «намаз» аварского, *кап* «ладонь», *кап1* «молитва» лезгинского и *ка-ра-гун-за* « я взмолился, умолял» табасаранского языков. Композиционная семантика *ка-ра-гун-за* «рука-свет-дача» (руку свету/солнцу протянул, простер) «взмолился» свидетельствует о том, что дохристианские дагестанцы были солнцепоклонниками.

Ра «*солнце» опосредовано через ряд метонимических переносов (солнце > свет > молния > гром) становится метафорической опорой номинации речи, ср. авар.: *Дица ра-гьи аб-и* «Мной (гром > речь) это бытие (как результат) « Мной говорени» е ; лезг. *Зун ра-хазва* «Я разговариваю», таб. *Узу ул-хураза* «Я разговариваю» (для *ра* > *ул* ср. авар. *бер* > таб. *ул* «глаз». Равным образом, *РА «Солнце» может быть прототипом - консервантом света/огня, ср. таб. *чан ри-(гъ)* «свое солнце> *ра-чин* «древесный уголь» (хранитель огня и света).

Слова в значении «солнце» некоторых языков находятся в непосредственной формальной и семантической связи с соматизмом «глаз», что более всего эксплицитно при их сравнении с вайнахскими и андийскими языками, ср.: лак. *баргъ,* дарг. *бархlи,* арч. *бархъ*, лезг. *рагъ,* цахур. *виригъ,* рутул. *веригъ* «солнце» и чечен. *б1арг,* цово-туш. *б1арк1,* анд. *гьарк1у*, карат. *гьарк1а,* тинд. *гьак1а «глаз»*. Первый слоги вайнахских *б1а-рг и б1а-рк1* – классные показатели и соответствуют первым слогам андийских *гьа-рк1а*. Следовательно, первый слог *гьа-рк1а* также является классным показателем. Сонанат *–р-* в формах *б1а-р-к1 б1ар-г, гьа-р-к1а* «глаз», как было выше показано, является семемой *-*ра-* «свет». Конечный слог в морфологии андийского **гьа-ра-к1а> гьа-р-к1а*, тинд. *гьа-к1а* «глаз» имеет значение «круг, окружность», ср. тинд. *к1а-р-к1ал-уб* «круглый», ср. авар. *к1ал* «рот». Конечный согласный чеченского *б1ар-г* также имеет значение «круг, окружность», ср. чечен. *го* «круг окружность». Приведенные данные свидетельствуют о том, что каратинский *гьарк1а,* чечен. б*1арг*, цова-туш. *б1арк1* «репрезентируют семему «глаз» как «свет-круг». Тем не менее, следует отметить, что в нахских языках семема *б1арг/б1арк/б1арк1* «глаз» возводится к индо-европейским *bha, *bherag «сиять, светить, блестеть», внутренняя форма не реконструируется [ЭСЧЯ, 164].

В морфологии слов в значении «глаз,» например, авар. *бер,* ботл. *гьай*, годоб, *гьини,* карат. *гьаркIа,* лезг. *вил,* таб. *ул,* арч. *лур* и других дагестанских языков корневая морфема **л* имеет рефлексом –сонант *р* [СИЛДЯ,106].

Следовательно, *л* равно *р* и равно «свет». Если сказанное справедливо, то плавный *л* в морфологии: чечен *ма-л-х,* багв. *ми-л-гь* «солнце» должно иметь значение «свет», в табасаранском *ли-сун* «полдень» = *ли* «*свет» -*сун= сан «количество», ср. также лезг. *не-сен* «полдень».

<u>Дым-горение-горячий и железо</u>. Сравнительный анализа лексики со значением «дым» позволил представить развитие этимологического корневого согласного *г (заднеязычный звонкий спирант) этих слов виде схемы: **г - хь; *г – г –кк – к1- к1к1: … кк-к: …к1-кь.* [СИЛДЯ, 197].

Аналогично и фонетическое развитие слов со значением «горение» с этимологическим корневым **г* (заднеязычный звонкий смычный), ср.: ингуш. *да-г-а,* дарг. у-*г-ес*, таб. *ур-г-уз,* анд. *би-к-уду* лезг. *кк-уз,* дарг. *ч-ибигара* авар. *ру-к1и-зе*, цезские *ри-к1и-, ла-к1в-а*, лак. *ла-к1-ан*, лезг. *чи-ми, чучч-лан*, которые дополняют выше приведенную схему даргинским <u>*ч-*</u> и лакским *–чч-*. Это фонетическое движение повторяется и в структуре слов со значением «горячий/теплый», ср. таб. *уб-г-руб,* агул. *кучеф*, лезг. *к-удай,* рут. *би-к1-ед, ди-к1-ерды*, цезские й-*к1-едо, ре-к1е-ро*, лак. *к1-ирисса,* удин. *би-ч1-у-к1*, арч. *кь1-ердут*. Выше приведенная схема дополняется лезг. и дарг. *–ч-,* удин. *ч1,* арчин. *кь.* Повторение одних и тех же корневых согласных в морфологии слов со значениями «горение/дым/горячий» вполне естественно, ибо «дым» и «горячий» суть явления одной и той же сущности – горения.

<u>Железо/свинец.</u> Корневые морфемы слов, обозначающих приведенные в подзаголовке металлы, соответствуют, в общем, корневым согласным лексики, обозначающей понятия «горение/дым/тепло». Ср. железо: чечен. *эчи-г, э-чик,* рутул. *йила-г,* цезские г-*ер, к-ел, к-ер:* андийские *к-оба, к-уба, кк-уб*, дарг. *ч1-ят1* «свинец», лак. *ч1-ату* «свинец», ахвах. *ра-ч1и-ххе*, *ра-ч1и-миххи* «железо», лезг. *ра-кь,* агул., таб. *ру-кь* «железо». В эту группу мы включаем и авар. *рахъ,* карат. *рахъе,* багв. *рахъ* «медь»

Мотивация наименования «железо» реконструируется на материале лезг. *ра-кь,* авах. *ра-ч1и-миххи* «железо». В морфологии лезг. *ра-кь* «железо» (акт. пад. *ра-кьун-и*, дат. пад. *ра-кьун-из*) выделяется основа *ра-кьун,* где *ра-* «солнце/тепло»: *рагъ-кьун* (солнце/тепло держание) > акт. пад. ра*кьун*-и. *Ракь* репрезентирует железо по его способности быстро нагреваться на солнце. Но железо» - это продукт переработки, а не первичного знакомства с этим металлом. Поэтому первичным

считаем номинацию железа как вербализацию свойства железной руды - тяжелого и быстро согревающегося на солнце «камня». Возможно, что первичным была семема «медь» как это имеет место в приведенных аваро-андийских языках с транспозицией в «железо», «свинец» по метонимии.

В случае ахвах. *ра-ч1и-ххе, ра-ч1и-миххи– и миххи «железо»* вторые компоненты являются заимствованиями из персидского языка, как и прочие *мах, мехх, михх* «железо» и лезг., таб. *мих* «гвоздь», ср. перс. *мих* «гвоздь». В таком случае ахвахские *ра-ч1и –ххе, ра-ч1и-миххе* являются гибридными ахвахско-персидскими названиями. Префикс *ра-* в морфологии ахвах *ра-ч1и-ххе* должен обозначать «солнце/тепло/горячо. (примеры уже приводились (см. Солнце), тем не менее ср. авар. *ро-дал* «утром», где второй слог *–дал* окончание. Второй слог в структуре *ра - ч1и* должен обозначать «хранение, держание», ср. ахвах. *ч1и-нурулъ1а, ч1и-нулъахъе* «хранить, держать». В случае *ч1и-нуру-лъа* второй компонент -*нуру*- должен быть заимствованием, ср. араб. *нурун* «свет, сияние». Таким образом ахвахские *ра-ч1и-* «хранение тепла» > то, что хранит тепло, быстро нагревающийся камень, руда» должен обозначать «медь». Тогда становится понятным логика синтагмы *рач1и-миххе* (*медь-железо) > «железо»: железо номинируется единством уже имеющегося слова, денотат которого отличается от железа и заимствованным *миххе,* денотот которого отвечает свойствам номинируемой реалии. Ахвахские варианты номинации железа *ра-ч1и-миххе* «*медь-железо» свидетельствуют о том, что на уровне знакомства с медью *рач1и < *ра-кьи* прадагестанцы могли быть лингвистически единым социумом, ср. дарг. *бухуьт1а мигь* «медь», где *мигь* соответствует авар. *махх*, лак. *мах,* «железо» лезг. *мих* «гвоздь» и заимствованы из прсидского *мих* «гвоздь»

Медь. Авар. *пахь*, анд. *гьир*, ахвах *бахьи*, *пахьи,* гинух *пак,* гунз. *бахь*, чам. *бахь*, дарг. муир. *бухьут1а мигь*, агул. *иф*, арч. *дук*, таб . *йиф, йифи*. Приведенные лексемы генетически родствены [СССДЯ, 70]. Исходным корневым должен быь глухой спирант хь: хь > к; хь> ф; хь > гь (ослабление фонической энергии). Концептуализация наименования семемы «медь», номинируемой цитированной лексикой остается неизвестной

Небо в большинство дагестанских языков послужило прототипической основой аналитической номинации цвета «голубой» в синтагмах типа авар. *зодикъераб <зоди къераб* «неба цвет» при *зоб* «небо».

В некоторых языках синтагмы типа «неба цвет» (голубой) утрачивают этимологическую семантику и обозначают семему «голубой»

без ассоциативной связи с небом. Так, в табасаранском языке семема «голубой» номинируется лексемой *жангар,* и с точки зрения современного состояния табасаранского языка демотивирована. Мотивация этого наименования становится прозрачной при сравнении авар. диал. *жо-ди* «небо» и табасаранского *жав «небо» (*ранг* «цвет», заимствованного из персидского языка). Возможна реконструкция: **жав* «небо» + *ранг* «цвет > **жав-ранг* «небо цвет» > *жангар* «голубой». Из сказанного следует: 1) сибилизация *ж > з* (**жав > зав* «небо») в табасаранском языке имело место позже персидско-табасаранских контактов; 2) семема *зав* «небо» мотивировано, как и в других дагестанских языках, голубым цветом. Исторический *з имеет звукосоответствиями *ж, з* в аварском языке [СИЛДЯ,54], что, как следует из приведенных примеров, релевантно и для табасаранского языка.

Луна- на основе фонетического анализа авар. *моцIцI,* карат. *борцIцIо*, дарг. *водз*, лак. *барз*, лезг. *варз,* таб *вадз* и других, менее фонетически информативных лексем дагестанских языков, реконструируется в праформе **бордзв* [СИЛДЯ, 193].

Обращает на себя внимание изоморфизм морфологии и идентичность компонентного состава, за исключением последнего элемента слов в значениях «солнце» и «луна», ср.: авар. *б*а-ра-къ/ба-къ* «солнце» и карат **бо-ро-цIцIо/ бо-р-цIцIо* «луна», ботл. **пу-ру-цIцIу/пурцIцIу*; дарг.**ба-ра-хIи/бархI,* « и **вардз /вадз* «луна», лак. **ба-ра-гъ/баргъ* «солнце» и *ба-р-з* «луна»

Семантически наиболее информативным представляется карат. *борцIцIо*, которое мы восстанавливаем в праформе **бо-ро-цIцIо*. В структуре последней срединная морфема -ро -должна иметь значение «свет», ср. лезг. *ра-гъ* «солнце», авар. *ро-гьин* «рассвет». Последний слог *– цIцIо* должен ассоциироваться со звездой, ср. авар. *цIцIа*, ахвах *цIцIари*, карат., *цIцIва,* ботл. *цIцIай* «звезда» дарг. *вадз* «луна» и з*ури* «звезда», лак. *барз* «луна». Это свидетельствует о том, что в сознании древних дагестанцев луна отразилась как единение света и звезды, в отличие от других звезд в ночи, которые мерцают, но не освещают.

Радуга в дагестанских языках обозначается как на лексическом, так и на синтагматическом уровнях. Последняя номинация, например, *нуралъул* к*Iамури* (блестящая светом арка) «радуга» «позднего образования, ср. араб. *нур* «свет» и *камарун 1) арка «*пояс, кушак*»; камартун «балка, брус*». Определенный интерес представляют народно-этимологические номинации радуги в лезгинских языках, например: лезг. *йаргъи руш* (длинная девушка) «радуга», таб. *йархи риш* (длинная девушка) в том же значении «радуга». Реконструкция исторической

памяти компонентов, содержательной структуры цитированных синтагм, дает основание утверждать, что радуга отложилась в этническом сознании древних лезгин и табасаранцев, как «солнцем порожденные краски» Ср. лезг. *йар* < * *ра-и* «солнце в акт. пад.» + *гъи* < *гъайи* «рожденный» от глагола *гъун* «приносить, порождать” + лезг. таб. *шир* «краска». В комплексе имеем. **ра-и гъайи* шир (солнцем порожденная краска»; *йар-гьи шир* > *йаргъи руш* «радуга» по народной этимологии. Равным образом в табасаранском языке: **ра-и гъахи шир* (солнцем принесенная краска) *йархи шир* > *йархи риш* по народной этимологии. Отсюда и прилагательные *яргъи и ярхи* «длинный» в лезгинском и табасаранском языках, соответственно.

«<u>Свет</u>» на основе сравнения слов. чечен. *серло*, авар. *кан-льи,* цез. *шело*. анд. *кону*, дарг. *чура, шела*; лак. *чани.* арч. *акон.* лезг. *экв*, таб. *акв* сводим к корневой праформе **кв*. Фонетическое движение последнего в направлении к переднеязычной фонации закономерно, ср.**кв – кв – к- ч-ш-с*. Однако ментальная сущность «свет», обозначаемая корневыми морфемами таб. *а- кв* «свет, лезг. *ра-гъ* «свет/солнце» и авар. *рогьин* «рассвет»,(различна. В случае *ра-гъ* речь идет о естественном солнечном свете, в случае *а-кв* «свет» имеется в виду искусственный свет, ср. лезг. *кун* «гореть» (огонь и свет едины). Следовательно, прототипом семемы «свет», обозначаемой цитированными словами, является в самом примитивном случае свет огня. Сказанное подтверждается и внутренней формой слова *чи-ра-гъ* «светильник» (горение-свет-ноша) ср. дарг. *чу-ра (*горение/ свет)* «свет», ср. лак. *ччичван* «гореть», *чани* «свет». Возможность реконструкции исторической памяти рассматриваемого слова с позиции дагестанских языков свидетельствует о его автохтонности, а не «заимствовании из персидского языка» [Эфендиев, 2010 : 42].

<u>Звезда</u> на основе сравнительного анализа авар. ц1ц1ва, ахв. ц1ц1ари, карат. *ц1цвай,* багвал. *ц1ц1вара,* дарг. *зури* и других, менее фонетически нагруженных слов дагестанских языков в значении «звезда», возводится к корню **дз*. Исследуемая единица мотивирована миганием, сверканием номинируемого объекта, ср. таб. и лезг. редуплицированные *ц1ар-ц1ар «*мигание, блестящее мелькание, сверкание», ср. также лезг. *ц1и-вин* «тлеющий уголек», который также пульсирует светом как и звезда. Более точно внутренняя форма семемы «звезда» номинирована в морфологии багвалинского *ц1ц1ва-ра* *«мелькание-солнце-свет».

Типологически мотивация сememы «звезда» дагестанских языков близко к мотивации арабского «звезда» - аналогия с тлеющим угольком в ночи [Гаджиалиева, 2019, 95].

Другая группа слов в значении «звезда» включает: таб. *ч1из, ч1ич1,* крыз. *х1аьч1*, таб. *ха1д, хедж*, цахур. *хаьне*, удин. *хъабун*, дарг. *ургъа, лезг. гъед.* В случае таб. *ч1из, ч1ич1* корневая морфема *ч1-* продолжает развитие лак. *чани* «свет», *ччу-члан* «гореть» таб. *ч1ич1* «звезда». Исходным корневым согласным для остальных цитированных форм принимается звонкий лабиализованный фрикатив **гъв.* Семантика последнего вычленяется из истории лезгинского *ц1ивин* «уголек, головешка» < (**ц1ин ви* < *ц1ин *гъви* «огня мерцание» исходя из особенностей денотата – мерцать. Таким образом корневые морфемы искомых слов, именующих семему «звезда», мотивированы световым мерцанием.

«Огонь», равно как и «звезда», номинирован на основе фоносемантики. В случае номинации огня звукоизображаются треск хвороста при горении, искрение и сполохи огня, ср. фоническую репрезентацию: авар. *ц1а*, чамал. *ц1ай*, дарг. *ц1а*, лак. *ц1у*, лезг. *ц1ай*, таб. *ц1а,* аналогичную «звезде»

Вчера на основе сравнительного анализа_аваро- андо-цез: *сон, суни*, арч. *сан-*гъ*и* «букв. вчера-день», цахур. *сан-хьа* ««вчера день», (последние два случая рассматриваются как способ образования нового понятия(слова) и сводятся к праформе **сван* [СИЛДЯ, 194-195]. Этот список можно дополнить лезг. *сен-физ* «прошлой ночью» < *сен *йифиз*. В табасаранском языке *сан 1* имеет значение «вчера ночью» и *сан 2* «количество». *Сан 2* «количество» в применении к временной локализации может иметь значение «минус один». И тогда, арчинское *сан-гъи* (минус день) воспринимается как «вчера», равно как и лезгинское *сен-физ сен <йифиз* «минус одной ночью», концептуализированное как «прошлой ночью». *Сан* «количество» в постпозиции может быть плюсовым показателем интенсивности света, ср. лезг. **ра-(гъ)* - *син* «солнце-количество» > **расингъ >* ри-син* (сингармания) *ни-син* (р > н) «полдень». Ср. также таб.. *хъа* «нахождение за, после» > *хъа сан* «после, за количества (времени) > **хъасан* > *хъасна* «затем, потом» В качестве минусового показателя света *сан «*количество, число» реализуется также при кодификации семемы «тень», ср. таб. *сан ри-гъ* «малое количество солнца»- > *санригъ* > **сарингъ* > сирин «тень» Однако возможный вариант предполагает *асин ригъ* (низкое солнце) > **син ригъ* > **сирингъ* > *сирин* «тень»

Вчера ночью лексически подразделяется на три группы. Первая рубрика образована: авар. *рельеда* «ночью», андийскими *релъа, рел1а;* лак. *хьхьу,* цах. *эхьа*, лезг. *йиф*, таб. *йишв,* агул. *lуьш.*

Семантически наиболее информативно аварское *релъеда* «ночью» (местный падеж первой серии, отвечающий на вопрос «где?» с транспозицией во временную локализацию). *Релъеда* производна от *ре(-лъен- да),* ср. *бе-, ре -ве-лъен* «окрас, окрашивание «. Однако в морфологии *релъеда <*релъен-да* приставка *ре-* не является классным показателем, а коррелирует с *ро-гьин* «рассвет, восход солнца, где *ро-* «солнце», ср. лезг. *ра-гъ,* таб. *ри-гъ* «солнце». Следовательно, **ре-лъен-да* «солнца окрас» (Солнце окрашивается либо на рассвете, либо на закате) >*ре-лъеда* «где Солнце окрасилось» > «когда окрасилось солнце» > «вечером, ночью». Фонетически развитие корневой морфемы представлено как:**л1в >лъв > хьв > ф; . . .хьв > шъ* [СИЛДЯ, 180].

Более справедливым представляется: **хьхьв* > (ср. лак. *хьхьу «*ночь») > *хьв-* ф; **хьхь *хьхьвл > лъв >* л1; * *хьхьв > хьв > шъ (шв) > ш.* [Абдуллаев, 1999:32].

Вторая группа лексики, объединенная общностью значения «ночь», отмечена цезскими *нише, неширу, неса;* арч. *иш,* хиналуг. *сан,* цахур. *мисин* «время ночного намаза».

Концептуально и формально легче всего реконструируемо цезское *не-шир-у* в сравнении с авар. **ре-лъен*: *не <ре-* «свет, солнце», *шир < лъен* «краска, окрас», ср. *шир, сир* «краска» во многих дагестанских языках. Таким образом, семантически *не-шир-у < ре лъен* «солнца окрас (закат)» > ночь» в принципе повторяет концептуализацию семемы «ночь» в аварском языке. Фонетически выше приведенную схему можно завершить согласными *ш, с:* * *хьхьв >*хъв >шв > ш > с.* Это позволяет объединить первые две группы в одну генетически общую рубрику.

Третья по СИЛДЯ генетически общая группа слов со значением «ночь, «вечер» включает ботл. *хадал,* лезг. *негъен*, таб. х*а1ба1хъ*, цах. *ха1н-ъел* «вечер» и рутул. *на1х,* цахур. *ха1м* «ночь», которые возводятся к праформе **гъа1д* [СИЛДЯ, 181], ср. лезг. *гъед* «зведа», таб. *гъяд* «звезда»

Концептуально и формально эксплицируется табасаранское слово *ха1бахъ,* которое производно от *ха1ба1хъган* «вечером». В морфологии х*а1ба1хъ-ган* морфема *–ган* заимствована из персидского *ган «*время, пора*»*. Начальная морфема *ха1б-* в метатизированной форме *ба1х* - коррелирует с цезскими *бохъ*, *бухъ* «солнце». Тогда

непротиворечиво * *ба1х- ахъ-ган* «когда упало солнце»> *ха1бахъган* «вечером»; **ба1х-а1хъ* «падение солнца (закат)» >*ха1ба1хъ* «вечер».

Лезгинское *не-гъен* «вечер» в части *-гъен* должен соответствовать слову *гъед «*звезда*»* при одной и той же корневой морфеме *гъ «*мерцание». Носовой согласный *н-* префикса *не-* соответствует вибранту *р* в морфологии *не-гъен* «вечер», ср. *чин* «лицо – *чи-р хьун* «знать, узнать». Следовательно, **ре-гъен* «свет- звезда» (ср. лезг. *ра-гъ «*солнце*»* - *рекъини*, акт. пад.) > не- *гъен* «вечер». Из этого следует, что *гъен,* в отличие от *гъед* «звезда», обозначает вечернюю звезду.

В андийских языках семема «солнце» номинирована словами *милъи, милгь, милъе.* Постпозиция корневой морфемы *лъ* послелогом *хъа* «за, после» в тиндинском образует слово *лъа-хъа (*за солнцем*)* «вечером». «вчера вечером»; в багвалинском при *мил-гь* «солнце» формируется композита *гьа-хъи* (после солнца) «прошлой ночью, вечером»

Утро. Лексика, обозначающая семему «утро» в дагестанских языках, не имеет межъязыковой генетической общности [СССДЯ, 97], однако реконструкция исторической памяти слов, соотнесенных с рассматриваемым значением в данном языке, возможна на уровне отдельных языковых групп.

Историческая память табасаранского *гвач1ин* «утро» реконструируется на основе сравнения семемы «свет» в лезгинских языках, ср.: арчин. *окон,* лезг. *экв,* таб. *акв* и первый слог слова *гва-ч1ин,* которые позволяют восстановить праформу **гван* «свет». Композиционная семантика **гван»* свет + таб. *ч1и-з, ч1и-ч1* «звезда»> * *гван-ч1и* «свет-звезда > *гвач1ин* «утро» свидетельствует о том, что в табасаранском этническом сознании «утро» отложилось как явление утренней звезды.

В других лезгинских языках семема «утро» имеет формы: агул. *багам,* лез. *пакама*, арчин. *аккамис*, которые имеют формальную общность с значением «завтра», ср. будух., лезг. *пака,* рут. *бага, быга,* хиналуг. *пага, ппагочу*. Сравнение приведенных лексических единиц позволяет реконструкцию праформы *багва, в морфологии которой первый **ба* - должен быть застывшим классным показателем, а второй *–гва* - корневая морфема со значением «свет», ср. таб. *гва-ч1ин*, «утро», «первый слог которого имеет значение «свет». В морфологии лезг. *пакама* «утро» < *багв-а-ма вторые две морфемв *а-ма* являются недостаточным глаголом *а-ма* «все еще есть, но недостаточно» и состоит из *а* «есть имеется» и *–ма* отрицательная частица *не.* Композиционная семантика *а-ма* «есть-нет» создает образ наличия чего-либо при его (нечто) недостаточности. Это свидетельствует о том, что в структуре *пакама* «свет есть-не есть» номинируемая реальность «утро» предстоит

как «свет есть, но его мало», что является особенностью очень раннего утра. Лезгинское *пака* «завтра», первая часть слова *пакама* «утро» < *_багва_ «свет есть > «рассвело» > «завтра» репрезентирует денотат как «рассвело», как свершившийся факт в оппозиции к предшествующей ночи.

В некоторых цезских языках семема «завтра» *гъваде, гъоде, гъуде* имеет и формальную общность с лезгинским *гъед,* таб. *ха1д* «звезда», историческая корневая морфема которых *_гъва_ соответствует корню *гъва-* слова *гъва-де* «завтра». Полагаем, что вторая морфема *–де в* структуре *гъва-де* является показателем падежа покоя первой серии, отвечающей на вопрос «где?». Тогда непротиворечиво *гъва-де «*звезда где есть» *с* транспозицией во временную локализацию «когда звезда есть» т.е. когда появится звезда – «завтра».

В аварском языке семемы «утро» и «рассвет» совпадают в форме *рогьел,* которая почти полностью совпадает с лексемой *рогьин* масдаром глагола *рогьине* «светать». Масдар *ро-гьин* предполагает *ро* – «солнце», (ср. лезг. *ра-гъ*, таб. *ри-гъ* «солнце») + *гьин* «* ход», ср. *ине* «идти, ходить», который утратил корневой согласный *гь.* Таким образом, рассвет в сознании аварцев отложился как восход Солнца, который и есть определенный момент утра.

«Весна» в дагестанских языках по генетическому признаку различна [СССДЯ, 96.]

В табасаранском языке «весна» отмечена формой: *хьаду-кар* < *_«хьадну-кар «летом дело»_. Слово - гибридного происхождения: ср. таб. *хьад* «лето» + перс. *кар* «дело» > «летнее дело» с транспозицией в «весенние дела» > «весна». В лезгинском языке семема *гатфар* «весна» является стяжением *гатун фуар* (ср. *фу* «хлеб») «летние (яровые) хлеба» > «весна».

В аварском языке и его диалектах искомая семема отмечена формами *их/ихх* и соответствуют корневой морфеме глагола *иххизе* «поворачивать волов на пахоте (*гьаб оц ихха!* – поверни вола!). Описанный дискурс среди прочих предполагает и весенние пахотные работы, что послужило основой метонимической номинации формами их/ихх «поворот волов на пахотном поле» > *их/ихх* «весна».

В андийских языках корневая морфема слов *ре-бу, ри-бу, ре-г1ибо, ре-ъбо* «весна» коррелирует с аварскими *ри-и, ри-г1и* «лето», табасаранским *ри-гъ*, цахурским *ви-ри-гъ*, хайдакским *ба-ри,* усишинским *ба-ри* «солнце». Это дает основание утверждать, что в андийских языках *ри-бу, ре-ъбу* по смежности *ри-бу» * «*солнце/тепло» стало обозначать *ри-бу* «весна»

Лето. 1. Лезгинский *ру-гун* < **ра-гун* (исторически солнце/тепло дать) > «кипятить», равно как и таб. *ар-гу-б* < *ар-гун -за)* < **ра-гун-за* (солнце/тепло дал) «согрел, вскипятил» возводимы к праформе **ра-гван* «солнце/тепло дача». Поскольку в лезгинских языках в большинстве случаев классные показатели синкопировались, то полагаем, что аналогично это имело место и в нашем случае: **ра-гва* >**гван* при сохранении значения «солнце/тепло дача» и последующей фонетической дифференциацией: лезг. **гва-н* «солнце/тепло дача»> *гад* «лето» (солнечное и теплое время): таб. **гва-н*> **хьван*> *хьад* «лето».

2. Аварские формы *рии, риг1и, риъи* в значении «лето» коррелируют с табасаранским *ри-гъ* «солнце». Из этого следует, что на почве аварского языка исторический **ра* «свет» в композиционной семантике морфологии *ри-и, ри-г1и, ри-ъи,* где вторые слоги должны иметь значение «восход, поднятие» ср. авар. *ро-гьине* «светать», ро-*гьел* «рассвет» должно было обозначать «солнце, тепло», которое по ассоциативной связи стало обозначать «лето, теплое время года».

Зима. Корневая морфема слов в значении «зима» авар. *кььин,* бежт *л1илма,* дарг. *г1ин,* лак. *кви,* арчин. *кь1отт-ихъ,* лезг. *кьуьд,* таб. *кьюрд.* цахур. *кылдым,* крыз. *кьуд* возводится к праформе **кьв* [СИЛДЯ, 186]. Концептуально наиболее информативно табасаранское *кьюрд,* которое является стяжением синтагмы **кьван-* («позднее» + *ригь* «солнце» + *дав* «холод» > *кьван-ригъ-дав* > **кьвард* > *кьюрд* «позднее солнце и холод» > «зима». Фонетически **кьва*> *кью-* в морфологии *кьюрд* - следствие делабиализации при современном *кьан* «поздний».

Год. Авар. *сон,* андийские *решен, решин, реши*; дарг. *дус,* лак. *шин,* арч. *сан,* лезг. *йис,* таб. *йис,* агул. ис, рут. *сен*, крыз. *сан*, цах. *сен*, будух. *сан.* удин *усен.* Рассматриваемые лексемы восходят к общедагестанскому хронологическому уровню, в качестве корневого элемента выделяется согласный **ш,* который может переходить в *с.* [СИЛДЯ,182], ср. нахские *шуо/шо/шу* «год».

Экстралингвистическим фактором исчисления года явился период времени от рождения ребенка до появления у него количества зубов, которые позволяли ему принимать грубую (не материнское молоко) пищу, что равно приблизительно году. Эта особенность отражена и в морфологии лексем на фонетическом уровне, ср. авар. *со* «зуб» - *сон* год»; дарг. *сула* «зуб» - *ду-с* «год», рутул. *сыло* «зуб» -*сен* «год». Типологически ср.: араб. *синнун* «зуб» - *санатун* «год», древнееврейский *шен* «зуб»-*шан* «год».

В чеченской этимологии *шуо/шу/шо* «год» «возводятся» к праформам *шав/*шар «срез, годичное, кольцо», «круг», «год» и

предполагается связь иранским *sard, авестийским sared, классическим персидским sal «год» [ЭСЧЯ, 707].

В аварском семема «год» отмечена и словом *лъаг1ел,* которое является следствием композиционной семантики *лъаб «три» + г1ел «*достаток, обеспеченность*» = «*год*»,* результат иносказательной концептуализации ментальной сущности «год». Под *лъа-* (три) понимается три месяца зимы, обеспеченных *г1ел* «достатком» в результате 9-ти месячного труда. Эта же мысль отмечена в лезгинском *К1уьд пудахъ агакьнани*? (Девять трех достигли?) т.е. 9 месяцев обеспечили (достаток) трех месяцев (зимы)?

«Снег» на лексическом уровне отмечен общностью этимологических лексем **назв/*йизв* [СИЛДЯ,192]. Наиболее информативным из авар. *г1азу/г1азо*; багвал. *анзу,* цез. иси, лезг. *жив,* таб. *йиф* и других единиц в использованных словарях, оказалась аварская форма *г1азу*. Последняя является стяжением *г1а-(даб) з-(аррад-_у-(л)* (на пылинки, летящие в воздухе, похожие) > *г1азу «*снег*».*

Море. Авар. *ралъад*, андийские *релъа, релъо, регьа*; цезские *ралъад,* дарг. *урхьу,* лак. *хьхьири*, арчин. *лъад*, лезг. и таб. *гьуьл,* агул. *х1уьл.* Приведенная лексика генетически общего происхождения. Корневые морфемы производны от исторического латерального спиранта - *лъ, префиксальные *ре, ра, ур <*ру* (метатеза) – наращения, ко-нечные согласные являются детерминантами основы [СИЛДЯ, 190].

Рассматриваемое слово было предметом лингвогенетического анализа, и было установлено, что корневым для приведенной лексики является геминированный глухой спирант *хьхь* [Абдуллаев, 1999 :34-35}. Предложенный СИЛДЯ латеральный **лъ* производен от глухого спиранта *хь* с добавлением латерального фонационного компонента и поэтому вторичен от *хь,* который при продвижении вглубь гортани неизбежно переходит в хриплый спирант *х*. Конечные согласные – *л, -д, -т* –аналоги классных показателей с инвариантным значением «не-что». Применительно к *д-т* ср. *да* «вещь, нечто» каратинского (Ту-кита), *на* «вещь, нечто» ботлихского (*н - р -л*) [СЯиДНСК, 527] языков.

В семантическом аспекте препозитивные *ра -, ре-* имеют значение «солнце (примеры уже приводились), основы – *лъад* и др. имеют значение «вода», ср. авар. *лъад, лъин, лъим,* агул. *хьед* «вода». Композиционная семантика *ра-* «солнце» + *лъад* «вода» = бежт. *ра=лъад* «море» свидетельствует о том, что оно (море) воспринималось древними дагестанцами как вода на восходе Солнца. Принимая во вни-мание географию Дагестана (Солнце «выходит» из Каспийского моря), предложенная нами интерпретация семемы «море» представляется обоснованной.

ГЛАВА III. СОМАТИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА

Бровь. Слова, обозначающие «бровь», подразделяются на две группы. Первая группа соматизмов объединяет аваро-андо-цезские, лезгинские и лакский и чеченский языки: авар. *кьенссер*; чам. *кьессал;* гиинух. *ц1ец1*: лак. *иттац1ани;* лезг. *рац1ам;* таб. улч1вам: чечен. *ц1оцкъам*. Корневые согласные возводятся к историческому **ц1* [СИЛДЯ, 105]

Семантически наиболее эксплицитна табасаранская историческая синтагма *ул-ч1вам* - фразеологический синонимом лезгинского *вилин цам1 (глаза стебель) «бровь»,* где *ц1ам «стебель» (*метафора). Кореляция лезг. *ц1* и таб. *ч1в* непротиворечива, ср. лезг. *яхц1ур* «сорок» и таб. *яч1вур* «сорок». Следовательно, морфология табасаранского *ул-ч1вам* предполагает *ул* «глаз» + *ч1вам* «*стебель» и является историческим синонимом лезгинского фразеологизма *вилин ц1ам* (глаза стебель) «бровь».

В самом лезгинском языке *вилин ц1ам (*глаза стебель) *«бровь»* имеет лексическим синонимом *рац1ам* «бровь». Принимая во внимние лезг. *буьр-кью* «слепой» и таб. *бюркью* из **бер-кьуь* и **бер-кью*, соответственно, (частичная сингармония в обоих языках закономерна) можно утверждать, что в лезгинском варианте: **бер* «глаз» (ср. авар. бер «глаз) > *беран ц1ам* «глаза стебель) > *рац1ам* «бровь» с синкопой первого слога - *бе* и конечного *–н.*

Аварское *кьен-(сер)* коррелирует с лезг. и таб. *кьен, кьин* «стелющийся на поверхности корень растения (например, тыквы)». Тогда *кьен-ссер* «бровь» должно быть метафорой от *кьен* «*стелющийся» **ссер* «дуга», ср. *ссвер* «поворот».

Лакская форма *иттац1ани* (*глаза стебель) должна быть стянувшимся фразеологизмом. Применительно к «глаз» ср. лакское *итта-в* «в глаза», *итта-ту* «с глазу на глаз». Второй компонент также вызывает представление об изгибе брови, ср *ц1ал-ц1и* «стружка». Таким образом лакское *иттац1ани «бровь»* исторически стянувшийся фразеологизм: *итта ц1ани* (глаза стружка) «бровь».

В нахской этимологии семемы *ц1оц1ц1ам/ц1окьам «*бровь», «ресница» интерпретируются двояко: 1) как суффиксальные производные от от основы *ц1ац1* (<**цац* «ресница, решето») >*ц1оц1-ам*; 2) как редупликативное образование *ц1ам (< *к1ам),* возможно, идентичного нахско-дагестанскому **к1ам* «гребешок, расческа» [ЭСЧЯ, 668].

Веснушки. Слова, обозначающие семему «веснушки» в дагестанских языках: авар. *т1онтро, к1вет1ел;* карат. *к1унт1аби*, гунз.

тадору, дарг. *зунт1ри, к1унт1ри*, лак. *т1ант1а,* лезг. *т1ет1вал*, таб. т*1урхъар*, агул. *т1алт1ам-ар,* будух. *т1ик1ен* за исключением небольших отклонений, возводимы к корневым *т1онт1, к1унт1* [СИЛДЯ, 105].

В семантическом аспекте наиболее эксплицитно лезгинское слово *т1ет1* «муха», дополненное морфемой «-вал» со значением «со-стояние», композиционная семантика которых воспроизводит «вес-нушки» как «мушиное, насиженное мухами состояние». Еще более убедительным представляется табасаранское *т1ит1 «в*еснушки*», при* сравнении с лезгинским *т1ет1 «муха»,* ср. также семему «муха» т*1ут1, т1унт1у* в аваро-андо-цезских *и тент1 - в* даргинском языках.

Волос. 1*)* авар. *ч1ирикь,* андийские *кари, кара, мич1а, кенйа, каде, чуд, муч1*; лак. *ч1ара*; лезгинские *ч1ари, ч1ар, ч1ер, ч1а1р.* Приведеные лексемы общедагестанского хронологического уровня с исходным корневым согласным **к'*(палатализованный [СИЛДЯ,105]. В семанти-ческом аспекте информативна аварская форма *ч1ир-икь <*ч1ир-кьи*. Первое слово приведенной композиты имеет значение «волос» и обра-зовано по метафоре от авар. *ч1ар* «трава»: второй компонент *икь < кьи* из аварского диалектного *кьир* «ряд» [ДСАЯ, 209], т.е не разбросанные, взлахмоченные волосы,; 2) авар. *рас, раш, ссан»* волосы*»* [СЯиДНСК,178] образованы по метафоре с последующей метатезой: **рас* «*шерсть» > *рас* «*волосы*»., ср. лезг. *сар* «шерсть»

Глаз восходит к нахско-дагестанскому хронологическому уровню: авар. *бер*, беж. *гьаьй,* дарг. *х1ули*, лак. *йа,* арч. *лур,* лезг. *вил*, *ул*; таб. *ул,* уд. *пул*.

Концептуализация семемы «глаз» реконструируется на матери-але аварского языка: *бер* «глаз» является стяжением **бе-рогьин,* где *бе-* «нечто» (классный показатель), *рогьин* «свет, свечение» масдар гла-гола *рогьине* «светать». Композиционная семантика **бе рогьин* «нечто светящее» (в ночи глаза светятся, если на них направить свет) репре-зентирует глаз как нечто, позволяющее видеть свет. Последующее стя-жение **бе рогьин* «нечто светящее» > *бер* «нечто, позволяющее видеть, глаз» способствует деэтимологизации исходного видения мира при но-минации семемы «глаз». Для *ро-* «свет» ср. также. лезг. *ра -гъун* (*«свет» ноша) >*рагъ* «солнце», таб. *ри-гъюб («**свет приход*) > ригъ «*солнце*».*

Материалы табасаранского языка также позволяют реконструи-ровать историческую память слова *ул* «глаз». В структуре глагола *лив-гуз* «смотреть» эта ментальная сущность (смотреть) концептуализиро-

Семема «свет» номинирована слогом *ли-в*, где

последний согласный *–в* «нечто» (классный показатель), *ли-* имеет

значение «свет», ср. табасаранское же *ли-сун* «полдень», где *сун* «количество», ср. *сон* «количество», чечен. *ми-л-х,* и *багв. ми-л-гь «*солнце». Единение смыслов *ли-* «свет» + сун» количество» равное «полдень» отражает видение мира древних табасаранцев, для которых полдень - это время наиболее полного света. Компонент *ли-в-*(*гуз*) «свет-нечто» при метатезе образует форму *в-ил* «нечто» с транспозицией «нечто позволяющее видеть свет > глаз», что реализовалось в лезгинском языке при утраты в субстантиве **вул > ул* «глаз» классного показателя в варианте табасаранского языка и ахтынского диалекта лезгинского языка.

Арчинское *лур* «глаз» обнаруживается в морфологии лезгинского *къа-*лур-ун «показывать». В структуре этого глагола первый слог *къа-* имеет значение «нечто», ср. лакское *кьай* «вещь». Следовательно, лезгинское *къа-лур-ун* + «вещь-глаз-делание» транспонируется в «показывание».

<u>Глотка</u>. Эта семема представлена во всех дагестанских языках, ср. аваро-андо-цезские *мукьулукь; къванкьва; макьал1или;* гунз. *хъархъач1у*; дарг. *кьокьари;* лак. *кьакьари*: таб. *кьаркьар;* агул. *кьуркь.* Корневым выступает**кь* [СИЛДЯ.107]. Мотивационной базой метафорического наименования семемы «глотка» явился природный объект «расщелина», что эксплицитно в лакском *кьакь* «расщелина, трещина» при *кьакьари* «глотка»

<u>Голова</u> представлена основой с корневыми *т1, к1, кь,* восходящими к пятому латеральному**кь1*, первичной принимается удинское *вук1ул* «голова» [СИЛДЯ, 107], ср.: авар. *бет1ер*, , беж. *кьаьм,* дарг. бак1, агул. *кlил*, лезг. *кьил;* цах. *вукьул*; удин. *вук1ул*. Однако первичной должна быть не пятая латеральная **кь1*, которая при продвижении вглубь гортани неизбежно завершается глубоко гортанным смычным *кь* (лезг *кьил).*

В семантическом аспекте семема «голова» исторически концептуализирована как «конец, предел», ср. лезг. *вини кьил* «верхний конец»; *агъа кьил* «нижний конец»; *к1ук1*«вершина», *к1венк*1 «кончик», таб. *к1ак1* «кончик вершина». *к1*ук*1уш* «макушка»; *аска к1ул* «нижний конец».

В андийских языках семема «голова» отмечена формами *мина, вани, мийар, минар, ун, уни, гьвани* и арчинском *онт1*. Корневым считается *ун, он* [СИЛДЯ, там же]. Если корневыми действительно являются *ун, он*, арчинское *онт1* «голова» находит свой коррелят в табасаранском *унт1* «лоб». Семема «голова» должна была образоваться по метонимии *онт1* «**лоб*»> *онт1 «*голова*».*

Грудь. Авар. *мегьед,* андийские *нихе, нихи, нигь*; дарг. *михъири, михъир, михъай;* лезгинские *хур, мухор мухур, мыхыр, махар*. Общеорневые *хъ, х, гь*, сохранились в большинстве дагестанских языков. Начальные согласные *ми,- ни-, му* - -окаменевшие классные показатели [СИЛДЯ, 106-107]. Семантически информативно аварское слово *мегье-д,* в морфологии которого второй слог - *гье*- имеет значение «дыхание», ср. авар. *гье-кедизе* «тяжело дышать, задыхаться». Масдар этого глагола *гьекди* «задыхание, отдышка» стягивается в **гьекд > гьед* и по метонимии номинирует то место, которым, как кажется древнему аварцу, он дышит – грудь.Ср. также лезг. *гье-лек хьун* и таб. *гье-лек хьуб* «задыхатсья».

Губа – авар *квет1*; дарг. *к1винт*1; таб. *к1вант1*; арч. к*1вет1* возводятся к общей лексеме **к1вент1* с корневым **к1в* [СИЛДЯ,108]. Искомое слово является метафорой «кончик > губа», ср. лезгинское *к1венк1* «кончик, конец».

Желчь [точнее желчный пузырь] - авар. *ццин, ццим, сеин, ссим*; андийские *ссими, ссиме, ссимо*; цезские *семи, семе*; даргинские *гьими, сми, ссими*; лак. *сси*, лезгинские *ссам, себ, саьб, сев*. Генетически общая основа, которая возводится к праформе **ццибб,* сохранилась почти во всех языках [СИЛДЯ,109].

Генетически информативны аварские наречия *ццебе* «вперед, впереди» и *ццин* «сначала сперва», которые, субстантивируясь (*ццин* «сначала» > *ццин* «то что находится впереди» по метонимии номинируют желчный пузырь. Последний древнему аварцу видится как находящийся впереди печени.

Живот (брюхо) лексически подразделяется на две группы. В первую группу входит большинство дагестанских языков: авар. ч*ехь,* ахвах. *река,* арч. *хуьрхуь*, лезг. *руфун,* таб. *фун,* цахур. *рухьун*. Вторая группа слов, номинирующих денотат «живот (брюхо), включает: карат. *бак1ал,* багв. *бак1ал*, лак. *лякьа* и арч. *лаги*.

Во второй группе наиболее информативно лакское *лякьа* «живот», которое являет собой стяжение синтагмы *лялияв кьали* (пищеварение бочка) > *лякьа* «живот».

В случае карат. и багв. *бак1ал* «живот» имеет место метонимический перенос -*к1ал* «рот» - *б*ок1ал «живот», если только первый слог бо- является классным показателем, ср. авар. *к1ал* «рот». Возможен второй вариант: *бо-г1орцо- к1ал* «обжора –рот» > *бок1ал* «живот».

В первой группе исследуемых единиц сравнение лезг. *ру-фун* «живот» и *ру-гун* «варить» показывает, что первый слог в структуре *ру-*

фун может иметь значение «переваривание» при *–фун* «емкость», ср. таб. *фур-и* «колодец» и *фун* «живот».

Арчинское *лаги* «живот» может быть метафорой, ср. лезг. *че-лег* «бочка», заимствованное из персидского *челик* «бочка».

Жила по степени генетической общности делится на две группы. Первая группа представлена соматизмами: авар. *бидурихь*, беж. *бидул;* дарг. *тум;* лак. *тунну;* лезг., таб., агул. *тав*, Начальный элемент *би-* аварской и бежтинской форм восходит к корню с понятием «кровь», и эти слова составные [СИЛДЯ, 111].

Аварское *бидурихь* является стяжением *би-дул рихь* «крови жила, кровеносный сосуд».

В случае бежтинского *би-дул* синтагма *бидул *рихь* утратила компонент *рихь* при сохранении значения «жила».

В остальных языках семема *таб* «жила» является метафорой ср. лезг. и таб. *таб «*хребет, кряж*» и таб «*жила*»*.

Затылок формально обнаруживает общую основу *гъван, хъван, кьам ,къуну* и др. почти во всех дагестанских языках ср.: авар. *гъванша,* ахвах. *гъванша*, дарг. *хъантIа,* лак. *къинтта,* лезг. *кьам,* таб. *хъартI*, хинал. к*ьуну* [СИЛДЯ, 111]. В лексикографической литературе приводятся и описательные дефиниции семемы «затылок», ср. ансал. *нахъаса бетIер* (задняя часть голова)». Лексически номинированные семемы «затылок» - суть словоформы, ср. таб. *унтI* «лоб», *унтIа-хъ* «за, позади лба» и дарг. х*ъаIнтIа* «затылок» < **антIахъ*.

Зуб. Авар. *ца, са, ча, ша;* андийские *чило, сапи, салу, сал*; дарг. *цула, сула,* арчин. *ссат,* лезг. *сас сахв*; таб. *силиб, сарс, спар* (зубы) *сахв:* агул. *силев, сехв.* рутул. *сыла,* крыз *сахв,* хиналуг. *цулоз.* удин. *улух*. Корневые согласные приведенной лексики восходят к *ц [СИЛДЯ, 112]. В семантическом аспекте цитированные слова коррелируют с лексикой в значении «один», которые также возводятся к историческому корневому с чередованием *с/ ц* [СССДЯ,112].

Семема «зубы» мотивированы тем, что они находятся впереди рта, по ассоциативной связи «один > первый > то, что находится в первых рядах > то, что находится впереди. Прозрачнее всего эта мотивация обнаруживается в табасаранском языке, ср. *саб* «один»> *сабар* «единички» > *сбар > *спар* «зубы». Ср. также таб. *сар* «один/*зуб» > *сарсар* «зубы» > *сарс* «зуб»; в лезг. *сар* «*один/*зуб» > **сарсар* > **сарс* > *сас «*зуб», *сарар «*зубы» в агул., лезг, крыз. и таб языках слова *сахв/сихв* обозначают *«*коренной зуб*».* Номинация этого денотата мотивирована тем, что коренные зубы не первые, а следуют за первыми (передними), ср. таб. *саб хъа* «один затем, после» >**савхъ (*зуб

после)>* *сахвъ «*задний (не первый зуб) > *сахв «*коренной зуб». Интерференция корневых «один, первый» впереди» и з*уб* (то, что находится впереди) наглядна на материале аварского языка, ср. семемы «один» *цо, чо, шо, со* и «зуб» *ца, ча, са*.

Кишки. 1. Авар. *бакьь*, андийские *бакььи, бакьье;* цезские *ахбал1а, бал1а;* арчин. *бакьь*. Представленные лексемы общего происхождения – основа соответствует форме *бакьь*[СИЛДЯ, 112]

В семантическом плане денотат, номинируемый приведенной лексикой, отразился в общественном сознании носителей этих языков как «внутренности», ср. аварское наречие *бакьь-улълъ* «в середине, по середине»> *бакьь* «кишки»

Кожа номинативно подразделяется на две генетически общие группы языков. Аваро-андо-цезская группа, к которой примыкают крызский и будухский языки, отмечена соматизмами; авар. *гъоча,* карат *хъоча.* цез. *х1оши*, гин. *хвиши.* крыз. г*1ич*, будух *г1ыч.* Исходным корневым считается гортанная аффриката *хъ* [СИЛДЯ, 113]. Денотат кожа воспринимается как оболочка ср. дарг *ва-хъч-еб пясасаг (лягушка в оболочке)* «черепаха»

Вторая группа соматизмов со значением «кожа» включает: аваро-андо-цезские *хъал, хъала*; лезг., таб. и агул. *хам.* Исходным корневым принимается хъ [СИЛДЯ, там же]. Денотат, послуживший мотивацией наименования «кожа» в рассматриваемых языках, обнаруживается в лезгинском *хъалхъас къиб* «черепаха» при авар. *хъал* «оболочка». На общедагестанском уровне семема «кожа», обозначаемая соматизмами в приведённых первой и второй группах языков, мотивирована внеш-ностью черепахи: она находится в «скорлупе, оболочке», что метафо-рически переносится на «оболочку» человека – кожу.

Колено генетически подразделяется на две группы нахско-дагестанских языков. В первую группу включаются: дарг. *кьукьа, кьакьва*; таб. *кьамкь,* агул *кьукь* и лексемы некоторых других лезгинских языков.. Прототипическим корневым является **кьв* [СИЛДЯ, 114].

В семантическом аспекте наиболее эксплицитна реконструкция исторической памяти в варианте табасаранского *кьамкь: кьам* «*затылок», ср лезг. *кьам* «затылок»; *кьам* + *кьил* «*голова», (ср. лезг. *кьил* «голова») > *кьамкьил* «затылок голова» > *кьамкь,* акт. под *кьамкь-л-и*. Возможен вариант: *кьам* «затылок» + таб *к1ул* «голова» *кьамк1ул* > кьамкь (прогрессивная ассимиляция и апокопа конечных -*ул*). Таким образом таб. *кьамкь* репрезентирует колено единством семем *кьам* «за-тылок» + *киьл/ к1ул* «голова > коленная чашечка» > «затылок коленной

чашечки» > «колено. Лезгинский **кьам-кь> кьам* утрачивает конечный согласный.

«Кость» возводится к общедагестанскому хронологическому уровню с корневыми согласными *к1, кь* [СИЛДЯ, 114], которые, в свою очередь, производны от лингвогенетической основы **КЬО* с инвариантными значениями «животная пища/ средства добычи животной пищи/убиение». Сравнительный анализ слов в значении «кость» свидетельствует о том, что для древнейшего человека кость была важна не как часть тела, а как оружие и твердый материал, годный для обработки, ср. «кость» лезгинских языков: *к1а-раб, к1-реп1, к1у-раб, к1е-реп1, кьы-рыб, барк1в* < **к1ва-раб*. Эти слова разлагаются (на примере лезг.): *к1араб* «кость», *к1ар* - «обоюдоострая скалка» *-раб* «игла», *риб* «шило». *К1вач* «нога», *к1арч* «рог», *к1ур* «копыто» , *к1ек1ел /кк1ал* «небольшой камень», *к1ар-ац* «древесина», *руькуьн* «кол», *к1ута* (авар. *к1варта*) «молоток», *к1аш* «молот». Это все исторические и современные потенциальные средства физического воздействия (исторически средства добычи животной пищи). (Глоттогоническое развитие протослога *КЬО в инвариантном значении «животная пища/средства добычи пищи/убиение» (см. Абдуллаев, 1999 :116-134).

Кровь общедагестанского происхождения с корневым согласным *б,* например, авар. би, инх. *эн,* дарг. *беэ, э*; лак. о1, агул. *иъ,* таб. *ифи*, лезг. *иви* цах. *эб*, арч. *би* [СИЛДЯ, 114].

Семема «кровь» мотивирована своим красным цветом, и эта мотивация, утраченная в абсолютном большинстве дагестанских языков, сохранилась в гунз. *эр кай* (эр + ягода) «малина», где *эр* «*красная», ср. *эрув* «красный» табасаранского языка, *эн* «кровь» инхокваринского и *эб* «кровь» цахурского языков.

Кулак в нахско- дагестанских языках концептуализирован одинаково, хотя формально подразделяется на две группы. В первую группу входят в основном аваро-андо-цезские языки: авар. *зар,* ахвах. *жари,* анд. *за,* хварш. *беса,* которые дополнены хиналугским *ццыл* из лезгинской группы языков. Обшая основа представлена формами *зар, жар* [СИЛДЯ, 151].

Семантика семемы «кулак» эксплицируется при сравнении с данными табасаранского языка – синтагмой *зарабар ап1уб* (угрозы делать) «угрожать». Речевые угрозы могут быть синонимом угрозы семантикой значимых знаков телодвижения, в нашем случае демонстрацией угрозы кулаком. На почве аварского языка *зар* «*угроза» ассоциируется с кулаком – наглядным средством угрозы- и приобретает это значение.

Другая группа языков представлена андо-даргинско-лезгинской общностью: чамал. *гьунч1а*, годоб. *гьунк1а*, дарг. *хунк1*, лез. *гъуд,* таб. *гъурд.* Исходная семантика семемы «кулак» эксплицируется также с позиции табасаранского языка: *гъуругъ*, «угроза» акт. пад. *гъуругъди»*> *гъуругъ* ; «угроза/ кулак»» > *гъуругъди* (акт. пад.) > *гъургъд «кулак» > *гъурд* «кулак» (синкопа согласного *гъ* в срединной между двумя согласными позиции; апокопа конечного гласного -*и* в безударной позиции.

Ладонь. Авар. *хъат, хат*; андийские *хъанту, хъата*; цезские *хъат, хъват, хъит*; дарг. *хъат,* лак. *хъат,* арчин. *йахат.* Во всех цитированных языках полностью сохранился корень *хъат, хат* [СИЛДЯ, 115].

Концептуально информативен аварский масдар *хъати* 1) касание, прикосновение; 2) осязание. Субстантивация этого отглагольного имени действия и апокопа конечного – *и,* перенос по смежности «касание > то, чем касаются» образовало соматизм *хъат* «ладонь».

Легкое. Авар. г*ьуэр*, андийские *хунссе хъунссир, гьунссер*; цезские *хот1ори, гьет1ен, гьуьт1оре*; дарг. *хургьари*, лак. *гьутру,* арч. *гьурттуртти,* лезг. *тухул*, таб. гъ*урдул* удин. *тихлих*. Исходный корневой для приведенной лексики **хъ* [СИЛДЯ, 115].

Историческая память рассматриваемого слова реконструируется на материале лакского языка: *гьуртту –(ну)* «совместно, сообща» > гъ*утру* (метатеза) «*спаренный орган > легкие».

Лицо кодифицруется лексикой, которая по признаку генетической общности подразделяется на две основные языковые группы. Наиболее многочисленная группа объединена анд. *рижи;* дарг. *лажи;* лак. л*ажин*; лезг. *ччин;* хиналуг. *ижи;* крыз. *ижин,* будух *ижин*, арч. *мамурчи*. цахур. *гыжа,* уд. ч*о* соматическими единицами. Корневая морфема возводится к протосогласному **дж* [СИЛДЯ, 116].

Прототипом семемы «лицо» явилась морально-этическая ментальная сущность «стыд», который материализуется на лице. Эта мотивация вербализации семемы «лицо» обнаруживается при сравнении лезгинского слова *ччин «лицо»,* которое находится в отношении метатезы *нич «*стыд*»,* отмеченное в большинстве дагестанских языков с небольшими фонетическими вариациями, ср. *нич* «стыд» в аварском и большинстве андо-цезских, *нич* в лак. и *нач* в таб языках.

Вторая генетически объединенная группа языков представлена андийскими: карат. *баг1а,* тинд. *мийак1а,* чамал. *бай,* багв. *баг1а,* ахвах. *миг1ак1ачи* и даргинскими *баьх1, ваьх1, даьх1, раьх1.* Семема «лицо» в приведенных лексемах мотивирована ментальной сущностью, объединяющей в себе морально-этическую категорию, передаваемую переводными «стыд, совесть, честь», ср. таб. и лезг, *ягь* «совесть,

честь, стыд»; авар. и лак. *ях1*. Эти морально- этические сущности, если их «задеть», также материализуются на лице. Поэтому ассоциативная связь «стыд, совесть» и проявление этих сущностей на лице представляется естественным, что вполне эксплицитно в формах и содержании дарг. *баьх1, даьх1, раьх1, ваьх1*: эти слова в значении «лицо» и есть *ях1* «стыд, совесть», оформленные классными показателями.

Связь между лицом и стыдом, моральными ценностями отмечена и в нахских языках, ср отмечена и в нахских языках, ср. йухь «лицо» и йухь-к1ам (лицебелие) «честь, авторитет».

Лоб обнаруживает генетическую общность в большинстве дагестанских языков: аваро-андо-цез. *нодо, гьанду, гьоно, мат1а;* дарг. *ъонда;* лак. н*енттабак1*; таб. *ъунт1*. В морфологии этих слов корневым является *нд.* [СИЛДЯ, 117].

Историческая память семемы «лоб» лучше всего сохранилась в лакской форме *нен –тта-бак1,* где *нен*- «нос», ср. лезг. *нер* «нос», таб. *нунуч* «гнусавый»; в (*нен)-тта-бак1*, компонент *–тта*- должен быть падежным окончанием со значением «между», и - *бак1* «голова». Весь комплекс *нен-тта-бак1* «*нос + *между+ голова», равный в переводном эквиваленте «между носом и головой», репрезентирует лоб как «нечто», что находится между носом и головой».

Мозг. Предполагается, что слова в значении «мозг» общедагестанского хронологического уровня с определенными изменениями в различных языках, ср.: авар. *г1адал,* дарг. *мех1е, мах1а,* лак. *на1*, цахур. *ма1гь,* таб. *маъ.* Полагаем, что особенность денотата мозг –его жировидная конституция- послужила мотивационной базой для метафорического переноса «сало > «мозг», что наиболее рельефно при сравнении таб. *маъ* «мозг» и лез. *макь,* «сало», авар. *магъ* и *мохмох* «курдюк», анд. *мехмох,* лак. *магъ* «хвост». Наш тезис не лишен основания, ибо корневым принимается лабиализованный *х*в* [СИЛДЯ, 118].

Другая группа дагестанских языков, номинирующих денотат мозг, объединена общностью корневой морфемы **нд >нтт*: ахвах. *гьанде,* карат. *гьани,* рутул. *х1аьдаьх* [СИЛДЯ, там же].

Ноготь -1. Авар. *малъ*, мал; андийские *мил1е, милъо, молъу, мулъу, мулъа*; цезские *милъо, молъу, мыла*; лак. *михь* таб. *шиб, шаб, шов*; рутул. *хьеб,* цахур. *хьынт1, хьубана.* хиналуг. *чими*, крыз. *мич1ек,* удин. *мух*. Общий корень сохранился в большинстве дагестанских языков. Общекорневые элементы восходят к латеральному **лъ* [СИЛДЯ, 119].

Мы считаем, что из корневых *х, хь, ш, ч, лъ* первичным является хриплый *х* (аргументы уже приводились). В семантическом аспекте информативна табасаранская форма *шиб* «ноготь», которая является

метафорой от *шиб* «плита, плоский камень», которую метафорически повторяет плоская поверхность ногтя.

Печень. Авар. *т1ул, т1улак1*, андийские *рикь1ел1и, рекьайл1, релал1и релал1, лелелъи,* : дарг. *дулек1, дулик1*, лак. *ттилик1*, арчин. *дилик1*; лезг. *лекь, лякь, ликь;* таб. *лик1, лек1, лекь*: агул. *лек1,* рутул. *лакь,* цахур. *к1ылу1ам/кьилкьам,* хиналуг. *дилик1*, будух. *лекь*. Почти во всех дагестанских языках сохранилась общая лексема с корневым, идущим от пятого латерального **кь1* [СИЛДЯ, 122].

Однако латеральные не могли возникнуть раньше увулярного *кь*.

Искомая семема реконструируется на материале аварского *т1ула-к1*, которое является стяжением трехкомпонентной синтагмы: *т1о-м* «кожа, шкура» + *ла-бо* «подметка, подошва» + *к1в-ек1и* «мягкость» > *т1у-ла-к1* «печень», который номинируется метафорически на основе сходства с мягкой подметкой по форме.

Пот. Авар. *г1ет1*, андийские *анкь1а, гьанкь1а, гъанла, гьанна, гьани;* лак. *гьухъ*, арчин. и таб. *амк1,* агул. *г1емк1*, крыз. *г1акь.* Корневым для приведенной лексики считается пятый латеральный * *кь1* [СИЛДЯ, там же]. (Наше возражение см. предшествующую рубрику).

Историческая память слов со значением «пот» предполагает восприятие этого явления как «вододержание» ср. лезг. *гье-кь*(-ун), или «водоотделение», ср. авар. *г1е-т1* при *–т1ей* «поливание», от глагола *т1езе* «лить, оливать». Применительно к *г1е-* «вода», ср. авар. *г1е-к* «просачивание воды», *г1е-кезе* «протекать, вытекать».

Пупок. Авар. *ц1ц1ино, ц1ц1ину*; андийские *ц1ц1унл1и, ц1ц1унду, моц1ол, ц1ц1уно;* цезские *ц1оте1ори, ц1ет1она, ч1ьт1о*. дарг. *ч1илич1и*, лак. *ц1ун,* арчин. *ц1ан,* лезг. *ппиц1*, хиналуг. *ц1ум.* Почти во всех дагестанских языках с небольшими изменениями сохранилась общая основа **ц1ц1ин.* Историческая память рассматриваемой семемы сохранилась в реконструированной СИЛДЯ основе **цц1ин*, ср. аварские *ц1ц1ино, ц1ц1ину* «пупок» и метатезу авар. «*ц1ц1он* < *ноц1ц1* «сучок, сук» и *ц1ц1ино-кир* «бородавка». Таким образом, древним дагестанцам пупок явился в образе сучка, бородавки на определенном месте тела.

В нахской лингвистической этимологии *ц1онга, ц1онг* «пупок», родственные рассмотренным дагестанским коррелятам, возводятся к индо-европейским * gen/*ken “порождать, рождать” [ЭСЧЯ, 668].

Ухо. Слова, обозначающие «ухо» в нахско-дагестанских языках, рассматриваются по- разному: считается, что исторический корень этих слов восходит к *б, и объединяются аваро-андийские и лезгинские языки [СИЛДЯ, 126]. В[СССДЯ, 44] по генетической общности

семемы «ухо» нахско- дагестанские языки подразделяются на две группы: лезгинская группа языков и аваро-андо- цезские вкупе с даргинским и лакским, к которым примыкает и хиналугский язык.

Мотивационная база семемы «ухо» обнаруживается при сравнении лакского *бай-ан «*услышать что-либо*» и* лезгинских *йаб гун* (ухо дать) «послушать, выслушать»; *йаб це* (ухо дай?) «послушай, выслушай?». В лезгинском варианте слух номинируется через эксплицитное *йаб* «ухо»: в лакском языке «ухо» не эксплицировано, поэтому в морфологии глагола *бай-ан* «слушать» слог *бай-* считаем, имеющим значение «слух», при лакском же *вич1и* «ухо». Полагаем, что исторически лезгинское слово *йаб* «ухо» должно было быть единством ситуативных «слух/ухо»

Рука. Соматизм *«*рук*а»* по степени генетической общности в нахско-дагестанских языках подразделяется на четыре группы.

В первую группу с общим корневым **кв* входят: чечен. *куьг, куьлг*; авар. *квер*; лак. *ква*: лезг. *кул*;. Праформой считается лексема **квар.* Исследуемая семема отразилась в этническом сознании носителей языка в образе **ква-р,* где **ква-* «держать (способность) + *-р* «нечто», ср. авар. *кве-зе* «держать» -р «нечто (классный показатель).

В другой группе дагестанских языков общим корневым считается **хъ*: гунз. *хъва*-т; дарг. *н*-аькъ, *н-аьхъ*: таб. *хи-л*; лезг. *гьи-л*; рут *хы-л*. В этническом сознаний носителей этой группы дагестанских языков *рука* отразилась как способность «нести» (ср. таб. *ху-б* «приносить», лезг. гъу-н «нести») нечто. Последнее «нечто» формально кодифицировано классными показателями: *-б -т, -н, - л,* соответственно, в приведенных лексемах.

На наш взгляд историческим корневым согласным для цитированных глаголов является лабиализованный *хв: лабиализованные согласные, как известно, первичны; хриплый глухой смычный *хъ* при передвижении вглубь гортани неизбежно переходит в глухой хриплый фрикатив *х*.

В третью группу генетически общей соматической лексики включены: ботл. и годоб. *гъажи;* ахвах. *гъажа*; тинд. карат. и анд. *гъажу*; авар. гъеж; чам. г*ъазу*; хварш. *геша;* цах. *ггуч.* Причем корневыми считается шипящие консонанты [СССДЯ, 43].

На наш взгляд, корневыми являются согласные *гъ, гг, г*, что продолжает историческое продвижение выше установленного корневого хв* в направлении к передней фонации согласных: **хв–гъ–гг-г*. Шипящие согласные в морфологии последних соматизмов обозначают

инвариантное «нечто», ср. авар. жо «вещь», цез. мок. *шебин* «вещь», равно как и-*з*- в морфологии чамал. *гъазу*, ср. лак. *за* «вещь, нечто».

Четвертая группа соматизмов со значением «рука» представлена: ахвах. *рекь1а, рет1а;* авар. *рукь1, рат1а,* карат. *кь1ара*; Мотивационной базой номинации руки (*рукь1/рукь)* стала потенция руки дачи чего, которая по метонимии стала обозначать «инструмент» дачи» - руку, ср. *кье-зе «*дать» и *рукь «рука».*

В нахской этимологии *ка* «рука, кисть, хватка», имеющая параллели в дагестанских языках, вслед за М.М.Маковским возводится к индоевропейскому kar «дело, делать» [ЭСЧЯ, 342]. Однако kar «дело», заимствованное из персидского языка, фукционирует как автономная единица, например, в лезгинских языках: лезг. *кар* «дело», таб. *хьадан кар* «летнее дело» и сосуществует, как выше было показано, с лакским *ка* «рука». лез. *ка-п* «ладонь».

Сердце. Слова в значении «сердце» восходят к иберийско-кавказскому уровню, [СССДЯ, 43], и в дагестанских языках эта лексема сохранила основу почти без изменений [СИЛДЯ, 124], например, авар. *рак1*, чамал. *йак1ва*, дарг. урк1и, лезг. *рик1,* таб *йук1*, ср. также чечен. *дак1.*

Мотивацией наименования семемы «сердце» послужило его ритмическое биение, ср. корень *-к1-* с корневой морфемой слов: авар. *к1анц1изе* «прыгать», лезг. *к1ек1е, к1варк1валаг*, таб. *кверквелаг «*дятел».

Спина. 1. Андийские *ракь1вал1и, бекьъул1, бекьвал, бекьъул1ал, рекьвел;* лезг *йукь*, таб. *йюкь*, рут. *йы1кь*, хиналуг. *кьакьал*. будух *йикьыдж.* Корневой согласный на уровне приведенной лексики -увулярная аффриката **кь* [СИЛДЯ, 126], ср. также вайнахские й-укъ, д-укъ, б-укъ «спина».

В семантическом аспекте информативна лезгинская семема *йукь* «спина», которая одновременно номинирует и ментальную сущность «середина». Это свидетельствует о том, что древние дагестанцы членили тело как по вертикали, так и по горизонтали. Показателем членения по горизонтали является семема *йукь* «середина, пояс». *Ви йукьва авай чул элягъ*! «Сними ремень с пояса». Показателем членения тела по вертикали является сочетание *кьулан ттар* (срединное древо) «спиной хребет». Членение по вертикали отмечено и в андийских языках: спина видится как срединная кость, ср. багвалинское *рекьелъ* «спина» и аварские *ба- кьъулъ* «середина» и *ракьа* «кость», которые «объединились» в багвалинском *рекьелъ* «спина».

Вайнахские варианты *й-укъ, д-укъ, б-укъ* «спина» исследуемой единицы возводятся к кавказско-индо-европейскому архетипу*bag/*beug/*boug/*bug «изгиб», «изгибаться [ЭСЧЯ, 145], однако

ср. нахский *–йукъ* «середина, талия» и лезгинский *йукь* «середина, спина, талия».

2. Авар. *мугъ,* андийские *мугъул, бехума, мигъул;* цезские *михъа, мохъоли, мыхъыр,* лак. *бархь*. Общая основа с незначительными изменениями сохранилась в аваро-андо-цезских языках, звукосоответствия корневых морфем закономерны [СИЛДЯ, там же].

В плане концептуализации денотата «спина» приведенная лексика свидетельствует о том, что древние аваро-андо-цезы воспринимали спину как тыльную сторону живота с хребтом, напоминающий женскую косу, ср. *мугъ* «спина» и магъ «зад, хвост», *мугъаб* «задний, тыльный», *гъал* 1) «коса» 2) связка, плеть из лука, чеснока, 3) зад, хвост, задняя сторона». И *гъал* «коса» (женская) используются для номинации новой ментальной сущности *мугъ* «спина» < **мугъал.*

В лакской картине мира, номинирующей семему «спина», эта часть тела отразилась в несколько ином видении денотата: древние лакцы номинируют спину по хребту, которая протянулась в образе «лощины, хребта, веревки», ср. *ба-р-хь* «спина» и *рахь* «лощина, ложбина», «*хьумув* «веревка»: **ба-рахьумув* > *бархь* «спина». Приведенные примеры свидетельствуют о том, что в морфологии слов с одинаковой семантикой и возводимых к одному общему корню разных языков, видение мира может иметь дополнительные оттенки. Эти дополнения вносятся другими корневыми элементами, т.е. посткорневые элементы - реликты других слов, которые уточняют способ номинации.

ГЛАВА IV. ДОМ

Арка. Авар. *к1амур*, гин. *к1амури* арч. *к1умур* и т.д. почти одинаково представленный в аваро-андо- цезских, арчинском и лакском *каман* языках является заимствованием из персидского языка, ср. перс. *кяман* 1. лук; (оружие); 2) дуга; 3. арка, свод.

Борозда. Авар. *мухъ, рахъ,* андийскме *рахъе, рахъен, техъен, йехъвин, рохъ*; гинух. г*1орхъи,* дарг. *гъари, гъвари*, лак. *хъур-сул* (*хъарас*), арчин *рохъ*. Рассматриваемая лексика общего происхождения. Историческое **хъ* сохранилось за исключением даргинского, где *хъ* > *гъ* [СИЛДЯ, 169]. Обращение к справочной литературе позволяет дополнить приведенную номенклатуру лексикой в значении «дорога, тропа, тропинка», например, таб. *рякъ*, лезг. *рехъ*, чечен. *некъ*. Это позволяет утверждать, что исторически семема «борозда» является метафорическим переносом от слов в значении «тропа» в соответствующих языках.

«Бревно» по генетической общности отмечено в четырех языковых группах.

1. Авар. *ч1алу,* чамал. *ч1аав*, тинд. *к1ару*, ахвах *к1уру,* бежт. *мик1а*, лак. ч1ула, лезг. *ч1улун, ч1ул*, таб. *ч1ул,* цахур. *ч1ов*. Слово *ч1ул* в табасаранском и лезгинском языках обозначает не только бревно, но и всякий вытянутый денотат, например, таб. и лезг. *ч1ул «*ремень*»,* чрччул «ящерица» из таб. *чру* «зеленый» + *ч1ул* «ремешок»: *чру ч1ул* «зеленый ремешок»> *чрччул*; таб. *ч1ул* «узкая вытянутая полоска чего либо, например, покоса, пашни. Поэтом*у* будет справедливым принять за прототип наименования «бревно» реалию, номинированную корневым слогом лезгинского *ч1у-гун* «тянуть, вытягивать» > *ч1ул* «нечто вытянутое», бревно, балка, узкая полоска земли и т.д.

2. Карат. *агьиму*, тинд. а*хен*, цахур. *харан*, рутул. халанг, таб. *хамхар*. Мотивация исследуемой семемы эксплицитно исходя из таб. *хам гьар* «цельное древо» > *хамхар* (прогрессивная ассимиляция). Однако и *хам* «цельный», и *гьар* «дерево» - заимствования: первое слово из арабского, второе из персидского ср. лезгинское *ттар* «дерево». В случае табасаранского *гьар* < *ттар* первый согласный фонетически ослаб.

3. Дарг. *зехни, дзихни*, агул. *ц1ахун, ц1ахун*, таб. *цугъан* «жердь». В истории человечества до последнего времени древесина (в нашем случае бревно) неразрывно была связана с огнем. Эта особенность отразилась в агул. *ц1а-хун*, «бревно» ср. лезг *ц1ай гъун* «огонь ноша» и агул. *ц1а-хун* «бревно», ср. таб. *ц1а-хун*-за (мной огонь ноша) «я принес

огонь». Табасаранское *ц1угъан* < **ц1а-гъун «*огонь ноша», ср. лезг. *гъун* «ноша, несение, принос».

4. Авар. *дала* «дубина», лак. *ттала*, «бревно» арчин. *дала* «бревно», ц1ахур. *дал* «палка». В эту же группу мы включаем и рубрику 5 по СИЛДЯ, с лезг. *т1вал* «палка», рут. *т1ат1ал* «палка/дубина», ц1ахур. т*1ат1а* «дубина», дарг. *т1ал* «столб. Прототипическим корневым должен быть лабиализованный **дв,* «лабиализация сохранилась только в лезгинском языке (*т1вал*) [СИЛДЯ, 196). Все приведенные денотаты и формы - явления одной сущности - **два*- «дерево», дифференциальный признак которого – ствол, ср. лезг. *дувул* «ствол»

Дверь, петля. Авар. *некь* «петля», карат. *нерл1л1ел*, годоб *микькьал*, арчин. *даькь,* лез. *рак, рик1ин,* таб. *раккин, ракк,* агул. *рак, ракар,* рутул. *рак*, цахур. *акка*, крыз. *рики*. Корневым считается смычно-гортанный латеральный *кьь* [СИЛДЯ, 196[.

Мы полагаем, что корневым согласным для приведенной лексики должна быть увулярная смычно гортанная аффриката *кь* без латеральной фонации (доводы уже приводились).

Включение аваро-андийских и арчинского лексем как генетически родственных лезгинским коррелятам представляется сомнительным: аварский *некькь* «петля» является стяжением синтагмы *наку* «колено» + *кьури* «верчение» > *наку кьури* > **некьури* > *некь* (дверная петля предстоит в образе коленовидного артефакта, на котором вращается дверь,

Реконструкция исторической памяти рассматриваемой лексики в лезгинских вариантах относит к древнему пещерному уровню жизни прадагестанцев.

В морфологии таб. *раккар, раккин,* первый слог *ра-, ри-* имеет значение «солнце, свет», ср. лезг. *ра-гъ*, таб. *ри-гъ* «солнце». Вторая часть -*ккар, -к1ар* соотносимы с корнем «свет, горение» ср. лезг. *а-ккун* «видение», *кку-н* «горение». Из этого следует, что *ра-кка* исторически являют собой композиционную семантику из *ра*- «солнце/свет» и -*кка*- «гореие/свет». Эти морфемы сохранили память о том периоде, когда у входа в пещеру горел огонь и этот вход/ «дверь» являлся и «дверью» не только для обитателей, но и для «солнца/света». В этом убеждает и авар. *ра-кки 1)* появление; 2) вход, выход; 3) восход (светил), начальный *р*- которого ассоциируется с классным показателем. Классный показатель - это «нечто», и вполне возможно, что это нечто и есть **ра*- «вход солнца /света» (в пещеру) при - *кки-(зе)* «горение» (у входа в пещеру).

Для большей убедительности ср. авар. *нохъа* «пещера», где *но*-*«свет, вход» -*хъа* «за, позади» = «позади света/входа (пространство)», раскрывающие внутреннюю форму семемы «пещера». Фонетически звукопереходы *р-н* в дагестанских языках обычное явление [СИЛДЯ, там же], ср. также таб. *урхъ* < *ру* -*хъ* (за, позади *света (пространство) «дыра, нора пешера».

<u>Дверь.</u> Авар. *нуца*, андийские *гиинссу, гьинц1ц1у*; цезские *анц, г1ац:* дарг. *ундза,* лак. *нуз,* хиналуг. *доз.* Корневой протосогласный **дз.* [СИЛДЯ, 196].

В семантическом аспекте приведенная лексика повторяет композиционную семантику выше рассмотренной семемы «дверь» лезгинских языков. Наиболее эксплицитна аварская форма *нуц1а,* в морфологии которой второй слог – *ц1а* соответствует слову *ц1а* «огонь»; первый слог *ну*- должен иметь значение «свет» как и в случае лезгинского *рагъ*, лакского б*ар*барагъ*, аварскрнго б*акъ* <*баракъ* «солнце, свет». При этом *р/н* в дагестанских языках закономерен [СИЛДЯ, 196]. Ср.также авар. *но-хъа* (за светом пространство) «пещера», таб. *урхъ* < **рухъ «*дыра, пешера*».*

<u>Дом (строение).</u> По степени генетической близости лексика, обозначающая семему «дом», подразделяется на две группы.

1. Чамал. *ход,* таб. *хал*, агул. *хал,* рутул. *хал*, цах. *хав.*. Корневым считается *д [СИЛДЯ, 197]. Однако корневым должен быть не ауслаутный согласный, а начальный, если это не префиксальный элемент. Поэтому корневым следует считать начальный согласный *х* в лабиальном варианте **ххв.(*см. ниже). Мотивационной базой номинации семемы «дом» стала забота о совместно проживающих, ср. авар *ххал* «внимание, забота», таб. *уьр-хюб*, лезг. *хуьн* «заботиться, воспитывать, беречь, растить». Поэтому ассоциативная связь **ххва* «забота, воспитание, растить»> *хал* «дом», где все это находит реализацию, не требует дополнительных аргументаций.

2. Авар. *бокь*, анд. *бекькьи* «хлев, сарай», цезские *бул1о. бул1у,* арчин. *кьон*, лезг. *к1вал*, будух. *к1ул*, крыз. *к1цол* «дом». Этимологическим корневым считается **кь1*. [СИЛДЯ 197].

Мотивационной основой номинации семемы «дом» явилась восприятие дома как места, где человек находит убежище, укрытие, ср. лезг. *к1вал* «дом» - *к1евун* «закрытие, укрытие», дарг. *гьек1ес «*закрыть, укрыть*»;* авар*. бокь,* анд. *бекькьи «*хлев, сарай*» и лак. лакьин* «закрывать, укрыват*ь».*

<u>Крыша</u>. Авар. *т1ох, кь1ох, к1ох,* ахвах. *кьон* беж. *кьа-кьам,* лак. *ч1аму* «полка», «верх». Исходным принимается корень *к1* [СИЛДЯ, 199].

Этимологическое видение семемы «крыша» реконструируется на основе авар. *т1ох*. Первый согласный слова *т1-ох* соотносим с первым же согласным слова т*1а* «листва». На основе *т1а* «листва» образуется наречие *т1а-де* > *т1ад* «наверху». «сверху, которое исторически является местным падежом покоя 1 серии; семантически *т1а* «листва» (листья наверху) > «верх». Дополнение *т1а* «верх» словом *хоб* «могила» в ассоциации с «земля, грунт» образует слово т*1ахоб* «грунт наверху» с переосмыслением в «земляная, грунтовая крыша», что точно передает особенности плоских земляных крыш горцев. В формальном аспекте **т1ахоб* стягивается в *т1ох*.

Навес. Авар. *т1окьо, т1ох (*т1окь)* андийские к*ь1вакьа, кьват1а*, арч. *гьархъ*, лез. *къав* «крыша», таб. *къуй,* агул. *гъвад* «крыша», рутул. *къгав* «крыша». В плане мотивации наименования интерес пред-ставляет *т1окьо, тох (<*т1окь).* Выше было отмечено, что *т1ох* про-изводно от *т1ахоб* «грунт, земля наверху». Фонетически второй со-гласный в морфологии *т1о- х* не может быть производным от смычно гортанного увулярного *кь*, так как хриплый *х* может произноситься глубоко в гортани, и *кь* на этом же уровне неизбежно переходит в хрип-лый фрикатив *х*.

В аварском языке второй компонент в морфологии *т1о-кьо* имеет значение «мост», следовательно имеем *т1а «**наверху» + *кьо* «мост» > **т1акьо* > *т1окьо* «мост наверху», что и есть денотат навес.

Сума кодифицирована авар. и тиндин. *кьвач1а*, чамал. *кьоч1е,* бежт. *кьач1ийо,* лак. *кьавч1а*, ц1ахур. *кьоч1е*. Дополнение этого корпуса семем таб. *ч1уркьаьм* «сума» позволяет реконструировать историческую память приведенных слов. Табасаранское *ч1ур-кьаьм* композита из *ч1ур* «поле (вне села)» + *кьям* «затылок», ср. *кьям-бац* (затылок-лапа, кисть руки) «акробат». Фонетически более эксплицитны лезг. *кьам* «затылок» и *ч1ур* «поле». Сигнифигат *ч1уркьям* «сума» номинирован по функции этого денотата – быть используемым при выходе в поле (*ч1ур* «поле) и способу ноши денотата – *кьам «*затылок» -наискось через плечо, в этническом сознании дагестанцев - через затылок/шею.

Угол. Чамал. *мудд* «острие, «вершина», цез. *цеми, лак.* мурц1у, *арч. меце,* лезг. *мурт1,* таб. *мурччв, агул. мурт.* Внутренняя форма не определена.

Применительно к лезгинским языкам относительно эксплицитны материалы авар., таб. и лезг. языков. В последних прослеживается формальная и семантическая связь между авар. *к1вар-ш* «моча» (ахт. *чвар* «моча), лезг. и таб. *му-к1ур* <**мук1вар* (Г-образный закругленный на

внутреннем углу артефакт в колыбели грудного мальчика для сбора мочи; трубка мира индейцев).

В табасаранском языке по метафоре с внешностью *Г*- образного артефакта слово **му-к1вар* «номинирует «угол». При этом имеют место последующие исторические фонетические и морфологические изменения: **му-к1вар* >**му-ччвар* > *мурччв* «угол»; **муччвар* > *муччвур* «ложка». В лезгинском языке **мук1вар* > *мут1ур* > *мурт1* «угол»; * *мук1вар* > **мут1ур* > *т1ур* «ложка»

<u>Село</u>. Сравнительный анализ андийсих *гьани, гьана,* дарг. *ши,* лак. *ша1равалу*. арчин. *хо1р*, лезг. *хуьр*, таб *гъул, къул*, агул. *х1ур* позволил предложить исходной корневой морфемой хриплый **х* при закономерности конечных -*л. -в, -р, -н*, и словообразовательным суффиксе -*валу* лакской лексемы [СИЛДЯ, 200-2001]. При сравнении таб. *гъул* и лезг. *хуьр* первичным принимается корневая морфема *х-уьр,* что с фонетической точки зрения не вызывает возражений (*гъ* при движении вглубь гортани неизбежно переходит в хриплый фрикатив).

С семантической точки зрения первичным представляется звонкий увулярный *гъ*. Это объясняется тем, что *х* производен от первой лингвогенетической основы * *ХХ* с инвариантными значениями «вода/питие». **Гъ* - третья лингвогенетическая основа и возникла гораздо позже с инвариатными значениями «человек/рождение» [Абдуллаев,1999 :24-25]. Поэтому применительно к данному случаю первичным корневым следует принимать звонкий увулярный спирант в лабиализованном варианте -**гъв.* Из конечных согласных *–л-,в,- р, н* первичным должен быть согласный *л* (его артикуляция в большей степени отодвинута к гортани). Это позволяет предложить в качестве праформы единиц, обозначающих село, лексему **гъвал.*

Всякое первичное поселение на уровне первобытной общины являет собой клан людей, объединенных родством. Эта особенность родства кодифицирована корневым согласным *гъ,* ср. лезг. *гъун* «приносить, порождать». Всякий первобытный клан – это сообщество людей. В нашем случае это кодифицировано конечным согласным - *л*, ср. таб. *эл* «народ», лезг. *гъуьл* «муж», таб. *кьаркьа- лаг* «худой тощий человек», *лук1* «раб», авар. *лага* «тело». Следовательно, реконструированная нами семема **гъвал* «село» концептуализирована как «группа людей, народ, объединенный родством» с переносом на место постоянной локализацию этого люда.

Лакский словообразовательный суффикс *валу* <**гъвал* «родственный люд, сообщество» стал суффиксом в связи с появлением

более эксплицитного (в свое время) слова *ща1ра,* что обусловило постепенную утрату его (*валу*) лексического значения.

Хутор. Авар. *мархьи,* чамал. *мархьва,* дарг. *махьи*, лак. *маши*, арч. *малъи*, цахур. *махьи,* «кутан», рутул. *махьи* «кутан», таб. *махьи* «загон для скота Исходным, для корневых согласных принимается латеральный *лъ* [СИЛДЯ, 201].

Однако этот тезис устарел (см. фоносемантические древа в дагестанских языках [Абдуллаев, 1999)]. За корневую морфему следует принимать заднеязычный глухой спирант *хь*, который легко переходит в *лъ* при добавлении латеральности (**хьл<лъ*), но не наоборот.

Морфологически первичным считаем чамал. *мархьва <*хьвар-ма* (*-ма* суффикс, образующий ойконимы, ср. *Къулец-ма, Гьапши-ма, Ур-ма* –названия сел). В структуре *мархьва <*хьвар-ма,* где четко выделяется морфема – **хьвар* «*печь», ср. лезг. и таб. *хьар* «печь для выпечки хлеба» - неотъемлемая часть любого более или менее стационарного поселения ср. также таб. *ур-хьуб* «варить, кипятить», дарг. *белхьес, лухьес* «варить».

Применительно к лакскому *маши* «хутор» ср. лак. *шихь -лан* «варить». Поэтому полагаем, что мотивационной базой наименования сесемы *хутор* явились «свет, огонь, варево», без которых не обходится длительная хозяйственная деятельность вне села.

Мельница. Авар. гьобо, андийские *хваба, гьваба, гьоби;* цезские *а1гъу1р, гъабур, гъемер;* дарг. *урхав, гьара (хъа-лу),* арч. *ду1х1ат*, лезг. *регъв,* таб. *ра1гъу1, ра1гъв*. агул. *рах1.* рутул. *рух1,* цахур. *ио1хха1*, хиналуг. *зох. будух гьув.* удин. *жо1мо1х.* Рассматриваемые лексемы общего происхождения, наиболее архаичным считается арчинская форма *ду1х1а1т*. Общий корневой согласный возводится к **х* с элементами лабиальности и фарингальности [СИЛДЯ, 174-175}

Семантически наиболее эксплицитны лезг. *регъв* и таб. *ра1гъв,* «жернов»> «мельница». *Регъ, ра1гъв* «жернов» является метафорическим переносом с *рагъ* (свет ноша) «солнце» по сходству формы Солнца и жернов («каменное солнце»). Доводы относительно *ра-* «солнце» уже приводились, тем не менее ср. еще авар. *ра-дал* «утром», где *–дал* аффикс при *ра-* «*солнце, свет». Формально все приведенные лексемы можно привести метатезой к структурам с первым согласным *р-,* ср.: авар. *гьобо < *ро-гьо-бо*, гинух, *гъемер < *ре-гъе-м*. цез. *а1гъу1р < ра1гъу* (ср. таб. *ра1гъуб «*молоть»), дарг. *урхав < *ру-хав,* лак.**гьара <*ра-гьа «*мельница» кроме удин. *жо1мо1х < *жо1хо1м.*

А.Вагапов возводит общенахскую семему «мельница/жернов» в формах *хьера/ хьайра/ хьайри,* и имеющую параллели в дагестанских

языках, к индоевропейскому корню * ger «тереть, натирать», «жернов» [ЭСЧЯ, 635].

Лемех. Андийские *кьобо, кьулу;* цезские *хъо1н, хъаб, хъу:* дарг. *гъоб,* лезг. *магъ,*таб. *мукьу,* агул. *магъ,* хиналуг, *кьгу.* Приведенная лексика генетически общего характера, наиболее древней формой принимается хиналугское *кьгу* [СИЛДЯ,174).

Исследуемое слово является метафорой от *кьул* «доска» - слово, в эксплицитной форме к нашему случаю распространенное в лезгинских языках. Лемех в дагестанской традиции - это заостренный спереди толстый брус (из цельного бревна), снабженный металлическим острием (ср. с анд. *кьулу* «лемех»*)*

Доска. Анд. *кьори*, цезские *кьокьо, кьир, кьет, кьыл*; дарг. *уркьули,* лак. *ула*, лезгинские *кьул*, кроме хиналуг. *мык1ыр* и цахур. *кьува.* Корневым принимается **кьв.* Семему «доска» в дагестанских языках можно возвести к словам с корневыми, обозначающими «отрезать, отрубать»: всякая доска подвергалась механической обработке посредством отрезания или отрубания. Применительно к семантике корневой морфемы этих слов. ср. лезг. *кьат1ун* «отрубать, отрезать». таб. к*ьат1 ап1уб*. авар. к*ьот1изе* и хваршинское *кьет1* «доска», таб. и лезг. *кьат1* «отрез, обрубок», авар. *кьот1и* «отрезание, обрубание».

Бык. Авар. *оц,* андийские *унча, унса, муса, унсо;* цезские *онс, ис,* иыш; дарг. *унц,* лак. *ниц*, арчин. *анс,* лезг. *йац*, таб. *йиц, йац;* агул. *вец, бец, йацв*, хиналуг. *лац* «корова». Корневая морфема восходит к общедагестанскому хронологическому уроню с развитием **ц-с*. Начальные согласные б, в, й, л, н встречающиеся в большинстве рассматриваемых языков, дагестанскими языковедами воспринимаются окаменелыми классными показателями. Однако такая характеристика этих компонентов не обоснована, и вопрос остается открытым [СИЛДЯ, 149].

Наше исследование вопроса свидетельствует о справедливости тезиса СИЛДЯ, о том, что вопрос остается открытым. Рассматриваемая лексика исторически состоит из двух основ: андийские *ун-ча* < **ну-ча, унса* < **нуса, му-са, унсо* < **ну-со*; дарг. *унц* < **ну-ц,* лак. *ни-ц*, лезг. *йац* < **на- ц,* таб. *йац* < **на-ц* (ср. авар. *сон* «год» и лезг. и таб *.йис* «год»), таб. *йиц *ни-ц* (ср. лак. *ниц*), хиналуг. *ла-ц*

Первый слог с сонорным *н-* имеет значение «солнце/свет», ср. авар. *ну-ц1а* «дверь», где *ну-* «солнце/свет» - *ц1а* «огонь» (солнце/свет и огонь у входа в пещеру) > «дверь» (вход в помещение). Ср. также: лезг. *не- сен* «полдень» (солнце количество =яркость солнца), ср. таб. *сон* «количество»: таб. *ли-сун* в том же значении «полдень». Второй согласный имеет значение «бык, что вытекает из семантики

рассматриваемой лексики. Следовательно, имеем **ну-со/ц-* «Солнце/бык» = «бык», при утрате семантики первого слога. Из этого следует, что прадагестанцы поклонялись Солнцу, в образе быка, что свойственно многим древним цивилизациям.

В лезгинском языке слово *йац* «бык» в эргативе имеет форму *йац-р-а* < **йа-ц-ар-а*, в таб. *йа-ц-р-у* <* *йа- цу-ру* (для послекорневого гласного ср. андийские *ну-ча* < **ун-ча* и *ун-со* >* *нусо)* при табасаранском *йацар-и* и лезгинском *йа-цар-у* во множественном числе. Следовательно, исторически первичными в лезг. и таб. языках должны быть лексема *йа-цар,* которая в на современном уровне ассоциируется с формой множественного числа.

Аварский сонант *л* коррелирует с лезгинским и табасаранским – *р*, ср. табасаранское *ц1адла-р* «капли», лезгинскиое *ст1ала-р* «капли» и аварское *ц1ада-л* «дожди», см. корреляцию *л/р* в рубрике «глаз. Из этого следует, что лезгинскому и табасаранскому *йа-цар* <**на-цар* соответствуют андийские **нучал* < **унчал и* **нусол* < *унсол,* а хиналугское *лац* «корова» исторически должно быть метатизированной формой от **цал* при утрате начального слога. Если сказанное справедливо, то аварское *ну-цал* «князь» исторически значит «*солнце/* бык»> «божество, олицетворяющее Солнце» > князь (солнце данного коллектива). В таком случае *Онцо коло* (ойконим Унцукуль) < **Ноцо коло* должно иметь значение «Солнечное село».

Нахские параллели семемы «бык, вол» *сту/су/ту,* родственные дагестанским лексико-семантическим коррелятам, возводятся к индоевропейскому *(s)teur «вол, бык» [ЭСЧЯ, 546].

Шило. Авар. *г1ебу*, андийские *гьиму, эму*; дарг. *дуруб* «иголка», лак. ппа, лезгинские: *даб, риб, руб, была* «шило», «иголка». Общим в структуре основ полагается *(г1) еб* < *(*реб)* [СИЛДЯ, 202].

Семантически наиболее прозрачно аварское *г1ебу*, которое входит в словообразовательное гнездо основы *г1еб: г1еб* «широко», *г1ебльи»* расширение», *г1еб гьабизе* «делать широким, расширять». Исходное *«делать дыру, проход («протыкать в переводном эквиваленте)» расширило семантический объем «*протыкать, делать дыру > «расширять (проткнутое) пространство» > *гьебу* «шило, то, чем протыкают»

Зола, пепел. Авар. *рахъу*, лак. *лахъ*, лезг. *руьхъ,* агул. таб. *руькъ,* рутул. *рыхъ*, цахур. *йыхъ*, крыз. *рахъ,* будух. *раьхъ*, удин. *ихъ*. Исходная лексема **рахъв.* [СИЛДЯ, 173].

Формально в историческом аспекте должно быть **рахъа*, поскольку согласный *хъ* без гласного не может быть коммуникативной единицей в связи с его недистантностью.

В семантическом плане должно быть: **ра* «солнце» > *ра* «*огонь» + **хъва* «после», ср. таб. *хъа* «находится при, около, за» с транспозицией в «после», ср. аварское наречие *нахъа* «сзади, позади». Таким образом «зола, пепел» - это то, что остается после огня/костра. В дагестанских языках огонь и костер лексически не дифференцируются.

Гумно. Авар. *гьоц1ц1о*, анд. *гьинц1ц1у*, цез. *оц (оцби*), беж. *анц*, хварш. *инц*, лак. *ттарац1алу*, арч. *ц1и*, лезг. *рат*, таб. *рац*, агул. *рат*, рут. *рат,* цахур. *атта*, хиналуг. *роц1* удин. *эч* <**эц*. Согласные *ц1ц1, ц1, ц, цц, т, тт* со ссылкой на Е.А.Бокарева возводятся к историческому **ц1ц1*[СИЛДЯ, 171].

Сравнение авар. *гьоц1ц1о* и анд. *гьинц1ц1у* дает возможность восстановления *–н-* в морфоогии аварского варианта – **гьо-н-ц1ц1о*. Последнее должно быть стяжением синтагмы *гьобо* «жернов > круг» + **н-оцол* (ср. анд. *унса* «бык») «быки, волы» + *ц1ц1а-* «волочение» (корневая морема глагола *ц1ц1а-зе*) > гьо*-н-ц1ц1а* > *гьоц1ц1а* > *гьоц1ц1ол* (мн. ч.) > *гьо-ц1ц1о* (круг, где волы волокут (молотильные доски) > «гумно». Применительно к таб. *рац* «гумно» возможна аббревиация *ра «солнце > круг» + йицар «волы» > ра-йиц-ар «круг-волы» > *рац* (круг, где волы (обмолачивают хлеба) «гумно».

В случае лезгинской лексемы *рат* «гумно» возможна интерпретация: **ра* «солнце»> «круг» + *т1-ушун* «топтание»> **рат1*> *рат* (круг, где «топчут» хлеба) «гумно». Корневой согласный *т1* глагола *т1ушун* в слове *рат* восстанавливается в косвенном падеже – *рат1-ал* «на гумне». Лексемы *рат, рет* кодифицируют более древнюю форму обмолота хлебов - без использования тягловой силы.

Саман. Авар. *накку*, андийские *нихьо*, *нихъва*, *никв:* цезские *ноху, наху*, дарг. *нег,* лак. *нахьв*, лезг. *нагъвар,* таб *нахъв*, агул. *нахъв*. Корневая морфема возводится к **ккв*. Однако СИЛДЯ сомневается в истинности этого тезиса и предполагает, что корневым мог быть заднеязычный звонкий фрикатив *г [СИЛДЯ, 177]

Мы придерживаемся последнего утверждения, ибо *г* (звонкий фрикатив) может переходить через этап *г* (звонкий смычный) в *кк,* но не наоборот. Это противоречило бы тезису общего языкознания о продвижении от задней к передней фонации в истории становления языка. Поэтому считаем, что исторической праформой для приведенной лексики должна быть структура **нагва*, ср. чамал. *нахьва.*

Солома, полова, равно как и пепел, являют собой_остатки. Именно так и воспринимали древние дагестанцы солому и полову, ср. аварское наречие *нахъа* «сзади, позади» и агульское *нахъва* «солома, полова» при транспозиции в «нечто, что осталось (после молотьбы).

Ярмо. Авар. *рукьь*, андийские *рукьье, рукььа*, *рикь1о*; цезские *йикь1о, рукь1у*; дарг. *дук1* лак. ру*к1/дук1* лезг. *вик*. таб. *йирквагъу, йур-кaьгъ*, агул. *уркагъ*. Лексемы общего происхождения, корневая морфема возводится к смычно-гортанному**кь1*.Первичным для препозитивных согласных принимается **д* [СИЛДЯ, 179].

В семантическом аспекте интерес представляет табасаранские *йуркягъ* и *йирквагъу*, которые являются производными от *йуркв* «длинный шест» в местном падеже покоя со значением нахождения между; *йуркв* «шест» - *йурк-ягь* «между двумя концами шеста». Семема *йуркягъ* «ярмо» отражает ситуацию нахождения пахотных быков между двумя концами шеста/перекладины, к которому привязывались животные.

ГЛАВА V. ЗООНИМЫ

Баран. 1. Авар. *куй, кви*; андийские *куни, квин, кунгьи;* дарг. *кигьа*, лак. *ку*. Слова реконструированы в праформе **квин* [СИЛДЯ, 148].

Исследуемое слово мотивировано ассоциативной связью «шерсть» >«баран», ср. авар. *ква-с* «шерсть», *ква-са* «безбородый (по энантиосемии), таб. *квар-ш* «клок шерсти».

2. Цезские *бикьь, микььи, бекьь, быкьь*; лезг. *кьар, вукьар;* агул. *укьар*, цахур. *ва1кьа1* «овца», хиналуг. *вукьар.*

Мотивационная базой наименования «баран» явилась шкура этого животного, ср. таб. *кьяр,* лезг. *кьер-кь* «кусок бараньей шкуры, используемый при побелке».

Блоха. Авар. *ч1ет1*, андийские *ч1ант1и (<*ч1анди*), *ч1анде*: цезские *ч1ике, ч1иге:* дарг. *ц1ик1а*, лак. *ч1ача*; *ч1ут1, ч1ир, ч1ид* - в лезгинских языках, Реконструируемая прафома **ч1ед* [СИЛДЯ, 149}. Название денотата мотивировано способностью этого насекомого кусать и прыгать. Кусательные потенции блохи прозрачны в семантике и морфологии аварского *ч1ан-де-ро* «челюсть, жало» (насекомого», *ч1ан-де-зе* «жевать». Семантика второго компонента в основе *ч1ан-де* в аварском языке утрачена, но сохранилась в табасаранском как корневая морфема глагола *гъе-дер-губ* «подпрыгнуть, вскочить». Композиционная семантика **ч1ан-* «жевать» > «кусать» + **дер* «*прыгать» номинируют онтологию блохи – кусать и прыгать.

Волк. Авар. *бац1*, ахвах. *бач1а,* чам. *бац1*, анд. *боц1о,* беж. *бац1о,* цез. боц1и, гин. боц1и, дарг. бец1, лак. барц1. Основа характеризует общедагестанский хронологический уровень. Срединный *–р-* в лакском *барц1* следует принимать как фонетичское наращение. Конечные гласные андо-цезских лексем также являются наращениями [СИЛДЯ, 150].

В салатавском диалекте аварского языка искомое животное номинируется словом *хъамар*, которому в литературном аварском языке соответствует слово *хъамари* «грабитль, расхититель», ср русские: *волок*, уволок и волк (тот, который уволакивает) Эту характеристику волка сохранила историческая память приведенных аваро-андо-цезских семем. Анализируемые слова являются стяжением праформы **бац1огь,* где первый компонент – это классный показатель, второе слово – *ц1огь* «воровство» аварского языка: **ба-цогь* «воровство» > бац1 «вор» по метонимии. Лакский *барц1* и нахские *б1орц1, борз* «волк» также эксплицитивны с позиции аварского *ц1огьор* «вор»: **ба-ц1огьор* «вор (с классным показателем)» >**бац1ор* > *барц1* и *б1орц1, борз,* соответственно.

В нахской этимологии прототип чеченского *буорз,* ингушского *буорз* и цова-тушинского *борц1 «*волк*»* возводится к праформе **барз,* которая, в свою очередь, восходит к основе **барг,* соответствующей индогерманскому названию волка * warg. Вероятным прототипом значения «волк» считается семема «оборотень», известная в индоевропейской традиции. С другой стороны, проводится параллель между чеченскими *борз, буорз* и славянскими: русским *борзая*, болгарскиь *бърз,* сербо-хорватским *брз*, польскм barzy «быстрый», литовским burgas «быстрый, подвижный». Дагестанские параллели семемы «волк» - *бац1*, *барц1, борц1, борз, бец1* считаются заимствованными из пранахского языка [ЭСЧЯ, 152]. Этот тезис можно было бы принять во внимание, если ба Словарь раскрывал внутреннюю форму семемы *борз, буорз* «волк» как это предлагается в нашей интерпретации.

Коза. Авар. *ц1ц1е*, андийские *ц1ц1ина-л1л1и, ц1ц1ина-л1л1о, ц1ц1ина-лълъ, ц1ц1ина-лълъу;* цезские *цан, чан-и-йа* лак. *ц1у- к1у*, лезгинские *ц1е-гь, ц1е-*ъ*, ц1ол, ц1е-г1*. Основа возводится к общедагестанскому хронологическому уровню. Выделенные суффиксальные элементы -*лъи* и *–л1л1* являются показателями родительного падежа [СИЛДЯ, 152].

В семантическом аспекте интерес представляют лезгинские формы – *ц1е-гь,* и *ц1е-г1 «коза»*, которые реконструируется в более полных формах: лезг. **ц1е-гьер* и крыз. **ц1е-г1ер.* В этих структурах первые слоги имеют значение «самка», ср. авар. *ц1у-яб* «самка», а второй слог соотносится с понятием «баран» ср. лезг. *гьер* «баран». Следовательно, *ц1е-гь* «коза» < *ц1е-гьер* «самка баран» свидетельствует о том, что исторически лезг. *гьер* «баран» мог обозначать и козла.

Ягненок. Материалы, приведенные в рубрике «Коза», позволяют реконструировать историческую память слов в значении «ягненок»: авар. *кьье-г1ер,* андийские *кьирер, кьег1ер, лъедир;* цезские *л1ил1ли, л1ил1е*; лак. *ч1и*, таб. *ччил,* агул. и лезг. *кел,* которые восходят к общедагестан-скому хронологическому уровню с корневым * *кь* [СИЛДЯ, 160].

Семема «ягненок» исторически воспринимается как «блеющий дар»> «блеющий приплод». Применительно к корню *кье (кь)* аварского и андийского *кье-г1ер*, ср. авар. *кье-й* 1) «дача» 2) «дача» + *г1ери* «мычание» > **кьег1ери* > *кьег1ер* (блеющий дар, приплод) «ягненок».

Собака. Авар. *гьве,* андийские *хой, хвай, гьвай:* цез. *во, гъва1й, гъве1, гъве*; дарг. *ха1,* таб. *хуй,* агул. *гъуй, хуй*, крыз *хвар,* будух *хор*, хиналуг. *пхра*. Историческим корневым принимается *х.* Хиналугская форма восходит к общедагестанской основе **хвар,* которая на

определенном этапе развития перетерпела некоторые структурные изменения: *пхра* < **пы-хра* <* *бы-хра* < **хыраб* < **хвар* [СИЛДЯ, 169].

Мотивационной базой наименования собаки послужило характерное рычание этого животного, ср. выше приведенные лексемы *гъай, гъвей, гъве, хвар,* номинирующие собаку и ономатопеи, изображающие рычание, например, в лак. *гъургъу т1ун*, лезг. *гъургъур авун,* дарг. *гъигъи бик1ес*. Ср. также звукоизобразительные слова, номинирующие «храп» и «собаку»: анд. *хвай* «собака» и авар. *хванхвадизе* <**хвахандизе* «храпеть», дарг. х*а1* «собака» и *хихи-к1ес* «храпеть», таб *хуй* «собака» и *хухар ап1уб* «храпеть».

Относительно препозитивного *п-* в морфологии хиналугского *пхра* «собака», можно утверждать, что этот согласный является реликтом слога СГ, который характеризует рычание животного, ср. авар. *пенхе-зе* <* *пехензе* «храпеть (о животном)». Поскольку рычание собаки не сулит ничего хорошего, его рычание должно быть угрожающим, злым, ср. лезг. и таб. *пис* «плохой», рут. *писид*, цахур. *писип* в том же значении «плохой». В морфологии **пис хвар* «плохая собака» прилагательное «*пис*» приобретает значение «злой», и *пис *хвар* «*злая собака» фонетически упрощается; **пис *хвар* > **пихвар* >* *пхвар* > хиналуг. *пхра.* Однако *пис* «злой» заимствовано из иранского языка.

<u>Лиса</u>. Авар. *цер*, андийские *шари, сари, сар;* цезские *сара, зиру, зеру, зор*; лак. *цул-ч1а*, лезг. *сик1,* таб. *сул,* цахур. *си1ва1*, хиналуг. *пышла*, крыз. и будух. *сакул*, удин. *шул*. Корневая морфема возводится к **ц*. Чередование *р:л* в дагестанских языках – обычное явление. Конечные согласные в некоторых андийских и цезских языках – фонетические наращения, равно, как и *пы(шла)-* в хиналугском языке. Исконная общедагестанская лексема сохранилась во всех языках без исключения. [СИЛДЯ, 145].

Анализируемая ментальная сущность мотивирована мастью денотата, ср. цитированные *сир, шари, си-(к1)* и слова в значении «краска»; *сир, шир, ссир,* в большинстве дагестанских и *сир*, *ба-сар* в нахских языках. Относительно второго компонента *-к1*> *-ч1*, ср. лак. *ц1ул* «окрас»+ *ч1ав* «щека» (*цул ч1ав* окрас+щека) > *цул-ч1а* «лиса», ср. также лак. *цул-к1ул-сса* «лисья шкурка). Из этого следует, что конечные согласные в морфологии этих лексем не нарашения, а реликты слов, дополняющих характеристику искомого зверя.

<u>Медведь</u>. Авар. *ци*, андийские *шина, син, сегьин, сейи;* цезские *си, зей, зен:* дарг. *син-ка,* лак. ц*у-ша* < (*цу-ча* < *цу-*к1а),* лезг. *сев*, таб. *швеъ* рут. *си,* хиналуг. *псы,* крыз. *сар,* будух *сор*, удин. *шуве*. Общая основа

сохранилась, за некоторым исключением, почти во всех дагестанских языках [СИЛДЯ, 155-156].

Мотивационная база наименования «медведь» обнаруживается в лакском языке, ср. *цу-ша* «медведь» <**цу-ши* <*цул-кьа-ши-ву* «увечье». Имеется ввиду косолапость этого зверя, ср. таб. и лезг. *чу-ла-хъ* и *чл-ахъ* «безрукий, сухорукий». Как и в русском языке медведь предстоит в образе косолапого. Что касается значения препозитивного *п-* в хиналугском *п-сы,* то, возможно, что речь идет о масти, буром окрасе медведя, ср. семему «краска» в чечен. *басар*, анд. *босор*. Тогда возможно **босор* > *бсор* >*псор* > *псы* «окрас (бурый)» > «медведь».

Мышь. Авар. *г1унк1к1;* андийские *гьек1к1вад, гьек1ача, гьинк1к1ва, гьинк1к1у;* цезские *анкьва, анкьу;* лак. *к1улу,* арчин. *ни-кьо1н, лезг. кьиф, таб. кьил, кьюл,* агул. *1ул,* цахур. *кьов,* крыз и будух. *кьал,* удин. *мо1л.* Общим элементом, характеризующим общедаге-станский хронологический уровень, является увулярная абруптивная лабиализованная аффриката **кьв* (увулярное *к*ь боле задней фонации, чем к*1к1*) [Абдуллаев, 1999 :124].

Препозитивные *г1ун-, ин-, гьер-, гье- гьин, но-, ну*, (считающиеся наращениями [СИЛДЯ, 157]), и встречающиеся в аваро-андийских языках, возводимы к аварскому *г1ан* «ухо».

Корневая морфема **к1к1в* аваро-андийских языков имеет значение «щель», ср. авар. *к1к1ал* «ущелье». Композиционная семантика *г1ан* «ухо» + *к1к1ал* «щель» кодифицирует мышь как «ушастое животное, живущее в щелях, норах». В остальных языках первое слово *г1ан* «ухо» прогрессивно сократилось до нуля [СИЛДЯ, там же], но значение «ухо» закрепилось в семантике второго слова. Последнее возводимо к лезг. *кьвал* и таб. *кьал* «обрыв, утес» по энантиосемии, но с сохранением исторического значения «ущелье, щель» в морфологии слов со значением «мышь», ср. таб. *кьюл.* «мышь» экстралинквистически «ушастое животное, живущее в щелях и норах.

В лезгинском языке конечное – *ф (кьи-ф)* «мышь» исходя из приведенной лексики необъяснимо. Но форма *кьи-ф* лезгинского языка становится прозрачной при замене слова к*ьвал* (исторически ущелье, щель) словом *кьиф* «воронка», которая тоже является «узкой щелью». Однако последнее считается заимствованием из персидского языка.

Аварское *г1анк1* «заяц» должен быть спонтанной дифференциацией аварского же г*1унк1к1* «мышь» и воспринимался как «ушастая мышь» > «заяц»

ГЛАВА VI. ФИТОНИМЫ

Виноград. Дарг. *т1ут1и*, лак. (*лух1и) т1ут1и*, (*къимай) т1ут1и*, арч. *т1умул,* таб. *т1умут1*, агул. *т1ивит1-ар*, рутул. *т1ымыл,* цахур. *т1ымыл.* удин. ттул. Лексика генетически общего происхождения, в ряде языков редупликация, исконный **т1* сохранился, в основном, без изменения. В удинском языке - *т1*> - *тт* [СИЛДЯ, 161].

Наличие оределений *лух1и* (черный, темный) и *къимай* (гроздь, кисть) к слову *т1ут1и* для номинации винограда в лакском варианте дает основание предположить, что *т1ут1и* обозначает не собственно виноград. В аварском языке *т1ут1и* номинирует крыжовник. В случае лакского языка композиционная семантика *лух1и т1ут1и* (черный, темный крыжовник) и *къимай т1ут1и* (гроздь, кисть-крыжовник) используются для обозначения винограда. Коммуникативные затруднения не возникают: крыжовник не растет гроздьями и не темного цвета. С возрастанием узуальности определения к *т1ут1и* ситуативно отпадают.

Трава, сено. Номинация семем «трава, сено» подразделяется на две группы. Первая включает андийские *реч1ир, гьунч1а*, арчин. *ч1ил* ц1ахур. ч*1а1гь*. Корневым считается * *ч1*, препозитивный и постпозитивный -*гь*- принимается за наращение [СИЛДЯ, 167].

Наш*и* материалы позволяют дополнить этот список лезг. и таб. *хъач «*съедобная трава*»*, таб. *чар* «молодая поросль злаковых*»,* что дает возможность принять за корневую морфему **ч (ч* более отодвинутой артикуляции, чем *ч1*).

В табасаранском и лезгинском языках *хъач* «съедобная трава, зелень и концептуализирована как «хорошая трава», ср. лезг. *хъ-(*а)-*сан* «хороший» и лак. *хъи-нса* «хороший». Слово *хъач* есть расчленение *хъасан *«*хороший*»* + *чар, где* - *чар «*поросль молодой зелени*», хъчар*-«съедобные травы», *хъач* «съедобная трава» В композиции таб. *хъа-чар,* лезг. *хъ-чар* воспринимаются как множественное число от *хъач.*

В морфологии андийских *гьунч1а*, первый слог должен иметь значение – «съедобный», ср. авар. *гьуйн* «сладкий, вкусный», следовательно, андийское *гьунч1а* «трава» исторически имеет значение «съедобная трава», где «трава» номинирована *–ч1а* <* *ч1ар* <*чар* «молодая зелень» (В Дагестане кушанья из молодой зелени – традиционная пища). Значение второго компонента таб *чар*, анд. *ч1а(*р)* – метафора по ассоциации с с волосами, ср. таб. и лезг. *ч1ар* «волос».

Во вторую группу включены анд. *к1вардо,* дарг. *кьар*, лез. *векь,* таб. *вук1, йук1, ук1* «сено, трава». Прототипическим корневым принимается смычно-гортанный латеральный **кь1* [СИЛДЯ, 168].

Нам представляется, что исходным корневым должен быть смычно-гортанный увулярный **кь*: при продвижении вглубь гортани латеральный *кь1* утрачивает боковую артикуляцию и переходит в увулярный смычный.

В семантическом аспекте информативно андийское слово *к1вардо «*трава*»,* ср. авар. *к1ва-гьаш 1)* молодое бурно растущее дерево; 2) бутон. Второй *–гьаш* должен иметь значение «трава» ср. выше приведенное лезг. *хъач* «трава». Андийское *к1вардо* можно реструктуировать как **к1ва-дор*, ср. лезг. *ттар*, крыз *дар*, будух. *даьр* «дерево». Следовательно, анд. *к1вардо* «трава» < *к1ва-дор* должно иметь значение «быстро растущие стебли». Со скороспелостью связана и корневая морфема аварского *ххер* 1) «трава» 2 сено ср. авар. *ххе-р* «трава» и *ххе-хаб»* скорый, быстрый».

<u>Дерево, палка </u>по генетической общности подразделяется на три группы. В первую рубрику включены: дарг. *т1ерхьа, дерхьа* «палка», лак. *ттархь* «палка» лезг. *ттар* «дерево», крыз *дар,* будух. *даьр* «дерево». цахур. *дал* «палка». Историческим корневым является **д.* Вторая группа в значении «лес» представлена словами: авар. *рохь*, андийские *роша руша, рохьо, руш-лъи, «лес/дерево»* лак. *мурхь* «дерево», лезг. *верхь* «береза», хиналуг в*ишаь* «дерево». В качестве корневого протосогласного предлагается **хь*. В третью рубрику объединены: авар. *гъвет1* «дерево», бежт *хе1хо1* «дерево», гунзеб. *хохе* «лес». хварш. *гъван* «дерево», рут. *хук* «дерево», удин. *ход* «дерево». Корневые согласные восходят к *х [СИЛДЯ,162-163].

Для корневых морфем лексики второй и третьей групп **хь* и** х,* соответственно, мы предлагаем хриплый фрикатив *х: заднеязычный глухой спирант *хь* при движении к увулам становится хриплым, более задней артикуляции.

Приведенные корневой **х* для второй и третьей, и **д* (> т) - для первой группы исследуемой лексики обнаруживается в морфологии аварского *рохти* < **хи-тор* <** хи- дор* < **хер-дар «*старое дерево*»* «ствол*», ср.* авар. *хер «*старый*».* Сущность всякого дерева и всякой палки, дубины и всякого леса – это быть стволом, что мы и принимаем за мотивацию наименования семем «дерево», «лес»», «палка», «дубина», которые суть явления сущности «ствол».

<u>Крапива</u>. Лексика, обозначающая денотат «крапива», возводится к общедагестанскому хронологическому уровню на основе сравнения нижеследующих слов: авар. *мич1ч1*, ахвах. *мич1ч1и, миц1ц1и*; цезские *меча*, *мич;* лак. *меч1*. арчин. *мач,* таб. *варджи, варжи;* крыз. и будух. *маьдж, лезг. маджв «*астрагал*».* Общим корневым согласным

предлагается **дж,* и праформа **миджв* [СИЛДЯ, 165]. От себя добавим лезг. *верг,* дарг. *мицци «*крапива*».*

Сравнение лезг. *верг* и таб. *варджи, варжи* с данными других языков позволяет утверждать, что в морфологии последней лексики согласный –р- синкопировался. Присоединение к исследуемой номенклатуре слов лезг. *верг* позволяет предложить нижеследующую динамику **гв,* который мы принимаем за исходную корневую морфему: **гв –г – ж-дж-чч-ч1-ч1ч1 –ц1ц1.* Сравнение лез. *верг <*ве-рег,* таб. *варджи <*вараджи, варжи <*варажи* позволяет выделить основы **рег < *гер,* *радж и **раж,* которые коррелируют с лезг. *руг-ун*, таб. ур-губ < **руг-уб* «жечь, обжигать, варить». Основы * *радж* и **раж* коррелируют с основами глаголов. лезг. *ччур- ун* «печь, жечь, обжигать» таб. *уржуб <*ружуб* «печь, жарить»: *узу уьл ур-джур-аза* «я пеку хлеб». Таким образом, основы лезг. *верг <*ве-рег <*ве-гер*, таб. *ва-рдж-и *ва-радж-*и, *ва-рж-и* - <**ва-раж-и* обозначают особенность крапивы –обжигать.

Горох. Аваро-андо-цезские *гьала, гьали, х1ел*; дарг. *хъира*, лак. *хъури,* лезг. *хархар,* таб. *хар,* рут. *хар* – метафоры и имеют прототипом денотат «град», ср. таб. *хар* «град».

Груша. Дарг. *хъа1р,* лак. *хъу1р*т, арчин. *хе1рт*, лез. *чуьхвер*, таб. *джа1ха1р, джихир*, агул. *джехер*, цахур. *джыха1й, крыз. джуьх1ур*, будух. *чуьх1ур.* Рассматриваемая лексика общего происхож-дения. В лезгинских языках, кроме арчинского, первые слоги приве-денных слов являются префиксальными элементами; в лак. и арчин. языках префикс метатизирован. Исходным корневым может быть* *хъ* либо **х* [СИЛДЯ, 162].

Наше исследование вопроса показывает, что исследуемые слова исторические композиты. Первый слог является первым компонентом с значением «хвост», ср., например: таб. *джи-хир, джа1ха1р* «груша» и будух «*джи-бир* «хвост» при таб. *ридждв* «хвост» < **джви-р* ; рут. *джы-быр* «хвост» при крыз. *джуь-ха1р* «груша», рут. *хы1р* «груша» <**джы-хы1р.* Второй компонент исследуемых слов с префиксом и корневым **джв-* морфема *ха1р/хыр/хер* - коррелирует со словом в значении «слива», ср. агул. *хут* «алыча», таб. *хур, худ* «алыча», лезг. *хват* «алыча». Следовательно, непротиворечиво, например, табасаран-ское *джа1ха1р < *джвахвар* с исторической семантикой «хвост-слива» > «груша», мотивационной базой номинации «груша» ее дифференциальным признаком послужил «хвост», длинная плодоножка этого плода.

Дуб. Авар. *микк,* беж. *нигъве*, хвар. *мухъ-ур к1а*, гунз. *магь-ас хохе*, лезг. *мегъ-уьн ттар,* таб *ма1хъ/ма1хъв*, рут. *ма1хв*, цахур.

ма1хъ/ма1хъв общего происхождения с историческим корневым *г (заднеязычный звонкий спирант) [СИЛДЯ, 163].

Исследуемая лексика обнаруживает формальную и семантическую общность со словами, обозначающими желудь, ср: агул. *мехъвун к1ур* (желудя дерево) «дуб» и *мехъв* «желудь»; лезг. *мегъ-уьн ттар* (желудя дерево) «дуб» и лезг. *мегъв* «желудь»; таб. *ма1хъв* «дуб» и *ма1къюн къиф* (дуба орех) «желудь». Следовательно, исторически имеем, например, лезг. мегъв «желудь/*дуб», т. е. дуб получил свое название по плоду, (который интересовал пралезгина в большей степени, чем дерево дуб): желуди до настоящего времени являются продуктом питания человека. (В русском языке желудь получил свое название по цвету созревшего плода, ср. желтая лудь > желудь.

Лист. Авар. *т1амах* (гид. *кь1амах1*), андоцезские *кь1ал, гьали, лали, л1ибо*: дарг. *к1ап1и, к1ари*, лак. *ч1ап1и*, арчин. *к1ач1и*, таб *к1адж*, цахур. *к1ач1а* «стручок», т*1еле* «лист». Предполагаемый пракорень **кь1* [СИЛДЯ,195].

Наше исследование показывает, что искомые слова суть результат композиционной семантики двух слов, ср. авар. *т1а* «листва» + *мах* «охапка» = *т1амах* «охапка листьев» с семантическим упрощением в «лист».

Просо. Цезские *т1уго, т1ево, т1егве*; лезг. *ццуьк.* таб. *дук1,* цахур. *дик1* общего происхождения, исторический корневой согласный **гв*. Изменения гласных обусловлено делабиализацией [СИЛДЯ, 166].

В концептуальном аспекте исследуемая семема состоит из двух слов: *т1о* «листья», ср. авар. *т1а* «листва» и *го* <**гвор* «круг, шарик», ср. авар. 1) *гор* «круг» 2) *бублик*: *т1а* *гвор –т1уго, т1егве, и т.д. Таким образом в сознании древних дагестанцев просо на корню предполагает единство листвы и «шариков»/зерна с ситуативной транспозицией на просо «зерно», ср. авар. *гонего* «вид проса».

Пшеница, рожь интерпретируются в двух формально и семантически связанных рубриках, которые мы объединяем в одну для большей эксплицитности реконструируемой исторической памяти лексики, номинирующей эти ментальные сущности.

Пшеница. Дарг. *анк1и,* лак. *лач1а* (< *лак1а), агул. 1ек1 (кьур),* рутул. и цахур. *сук*. Рожь. Дарг. *сусул (-анк1и).* лак. *сус*, лезг. *сил,* таб. *сурсул*, агул. *суьлен (-кьур);* рутул. *сык1ыл*, цахур. *сик1ыл,* хинаалуг. *сылк,* крыз. *силсил,* будух *сылсыл.*

Семантика первого слога в структуре этих слов наиболее полно представленного табасаранского *сур-сул* «рожь» имеет значение «желтый», ср. таб. *сур* «золотистый каракуль», авар. *сур тохти* «золотистая

каракулевая шкурка», лак. *сур* «каракуль, смушка». Сравнение таб. *сур-сул*, дарг. *сусул* и аварского *сур-су* позволяет восстановить последнее как *сур-су-*л*. Слово сурсу-*л отмечено значениями «овсюг», «мятник» - оба значения мотивированы желтым цветом растительности в пору спелости. Следовательно, *сур-* и в данном случае имеет значение «золотистый, желтый», и это слово должно быть заимствованным, ср. тюрк. *сары, сару* «желтый». Второй слог в морфологии таб. *сур-сул* должен иметь значение «голова» (колос), метафорическим образованием от *сув <*сул* «гора», ср. таб. *сив*, лезг. *сув,* агул. *су, сув,* кусур. *ссури,* авар *си* «башня». Таким образом в полной морфологической форме «семема «рожь» -таб. *сурсул* имеет первичное значение «желтый колос».

В других языках *сурсул* испытал существенные формальные изменения. Сравнение дарг. (сусул-) *анк1и* «рожь», лак. *лач1а (<лак1а),* агул. *1ек1 (кьур)* «рожь) и таб. *акл-ар <*акалар* «недоспелые, но не совсем еще отвердевшие зерна, которые поджариваются в колосьях с последующей очисткой от плевел, что преобразуется в поджаренные зерна) позволяет реконструировать праформу **ланк1вал*, где: *лан-* «перетирать», ср. лак. *лалан* «мотать»,*- *к1вал* таб. *куьл* «кисть/колос» (*к1-кк –к* в конечной позиции [СИЛДЯ, 166]) с транспозицией в «рожь».

<u>Яблоко.</u> Авар. *г1еч,* андийские *г1еч, эчи, эш, инчу, ичу, инчи*; цезские *эниш, гьенеш, инйош, иши, анш*; дарг. *г1инц,* лак. *гьивч,* лезг. *ич,* таб. *веч, вич*, агул. *хlач,* хиналуг. *мыч*, удин. *ы1ш*. Рассматриваемая лек-сика общего происхождения. Исходный корневой **ч* [СИЛДЯ, 168].

Наше исследование вопроса показывает, что семема «яблоко» формально является стяжением метафорической двухкомпонентной синтагмы, что эксплицитно на материале лакского языка, ср. *гьим* «намек (похожий)» + *вич* «анат. «яичко» > г*ьим вич* > *гьивч* «яблоко».

ГЛАВА VII. ГАСТРОНОМИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА

Ломоть хлеба. Цез. *кьиц1и,* хварш. *кьац1и*, дарг. *кьиц1а, кьац1ла;* лезг. *кьас* (//*к1ус),* цахур. *кьац1*.

Исследуемое слово эксплицитно с позиции лезгинского языка: форма *к1ас* является основой глагола *к1асун* «кусать, откусывать». Сюда же можно отнести и таб. *к1аш* «кусок, огрызок».

Лепешка. Ахвах *кь1акь1а*, чамал. *кьаркь1а.* ботл. *кь1аркь1а*, годоб. *кьабат1а*, анд. *панкь1ир,* дарг *к1абат1* «поднос для лепешки». арч. *кыла*, рутул. *к1ик1ер.* цахур. *к1ук1а,* будух. *к1ук1*, хиналуг. *к1ук1у*. Исконная возможная форма этой лексемы **кь1ваб(р),* или, вернее *кь1вад* [СИЛДЯ, 205]. Дополнение приведенной лексики табасранским *ккикк* «хлебец (круглой формы)» эксплицирует и исходную семантику анализируемых слов, ср. таб. *ккиккар кайи халачи «*ковер с круглыми «лепешками» узорами, рисунками». Таким образом, семема «лепешка» в цитированных языках мотивирована крулой формой денотата.

Масло (сливочное). Авар. *к1ама*, гунз. *к1арахи,* дарг. *к1има, (к1вима),* таб. *к1аму,* цахур. *к1ара (йагъ),* удин. *к1арах (ч1аны)*. Первичными для приведенной лексики являются *к1ур* < **к1вир* [СИЛДЯ, 208].

В плане мотивации наимования «сливочное масло» информативны табасаранская и аварская семемы. В обоих случаях номинируемый денотат являет собой масляные крупинки наверху айрана. В табасаранском языке эта реальность отразилась как *к1ак1 -мух* (верх желтые зерна овса) > *к1а-му* «сливочное масло». В аварском языке та же реальность сбитого масла концептуализирована как **к1ак1- махх* > (*верх- желтые бусинки) > *к1а-ма* «сливочное масло». При единстве значения денотат в табасарасом и аварском языках концептуализирован немного по-разному.

Молозиво. Авар. *ц1ц1ва*, ахвах., карат. *ц1ц1ири,* тинд. *цее*, чамал. *с1с1ед*, багв. *с1с1ер,* ботл. *ц1ц1ира*, годоб. *ццира*, анд. *ц1у1иру*, цез. *ца,* хварш. *цен*, гинух, *чуьй,* гунз. *цай,* дарг. *аниъ*, лак. *ч1у1, ч1ув*, лезг. *т1ан,* агул. *те1*, рутул. *даъ дагъ*, цахур. *дай*, удин. *чани*. Исходным корневым принимается *ц1* [СИЛДЯ, 204].

Молозиво по консистенции являет собой сгустившееся молоко, нечто вроде плотного кефира. Именно эта особенность денотата явилась мотивационной базой его наименования, и это эксплицитно в лакском языке, ср. *ч1у1, ч1ув* «молозиво» и глагол *ч1у-е* «сжаться, уплотняться».

Сливки. Авах., тинд. *к1ваби*, чамал. *к1ваб*, гдобер. *рак1ва,* цез. *кь1уру* агул. *к1ум,* цахур. *аькьва*. Корневым согласным принимается *к1в* [СИЛДЯ, 208].

В семантике приведенных слов отражено бытие сливок наверху молока: *к1в-аб* «верх», (ср. выше приведенное таб. к1а-к1). В агульском *к1ум* «сметана» имеет ту же внутренюю форму, что и табасаранское *к1аму* «сливочное масло», но близость экстралингвистических реалий сметаны и сливочного масла обусловила семантическое смещение в агульском языке.

Мед. Авар. *гьоц1ц1о,* ахвх. *унц1ц1и,* карат., ботл. *гьунц1ц1и,* тинд., годоб. *гьунцци*, чамал. *гьунсс*, анд. *гьунц1ц1и*, цезские *нуцо, нуци, нуца, нуце*, дарг. *варъа, ваза, вара*, лак. *ниц1*, арч. *имц1*. лезг. *вирт*, таб. *йижъи, йиччв,* агул *уьт, йиттв,* рутул. *ит,* цахур. *итв,* крыз. *йит*, будух. *йит*, удин. *у1чч*, хиналуг *ниц1*. Исходным корневым для приведенной лексики принимается *ц1ц1* [СИЛДЯ, 205].

Сравнение аварского г*ьоц1ц1о* и ботлихского *гьунц1ц1и* позволяет реконструировать аварскую праформу **гьонц1ц1о,* которая должна быть стяжением синтагмы *гьобо найил ц1ц1о* (жернов/сота пчелиного молозива) >**гьонц1ц1о > гьоц1ц1о* с семантической транспозицией по смежности в «мед».

Даргинские *варза, вара, ваза* «мед» являются следствием переноса по ассоциативной связи *«варъа* *«пчела» > *варъа* «мед», ср. таб. *варъ* «пчела».

Лезгинский *вирт (уьрт) «*мед*»* должен быть абревиацией синтагмы *вет1рен регъуьн т1ан,* где *вет1* «*пчела»> «совр. комар» (перенос по функциональной метафоре, оба жалят) + *регъуьн* (род. пад. от *регъв* «жернов/сота» + *т1ан* «молозиво» > **вирт1>вирт* (в косв. пад. -*т1*- восстанавливается *вирт1един*) «меда. Другие лексемы лезгинских языков агул. *уьт, йитв*, рутул. *ит,* цахур. *итв*, крыз. *йит*. будух *йитт* являют собой дальнейщее сокращение фонической оболочки, отмеченной в лезгинском языке формы *вирт/уьрт.* В табасаранском языке *–тв* переходит в *чв, жъ*: агул. *йитв* таб. *йиччв, йижъ*, в удин. *у1чч*. Хиналугский *ниц1* фонетически сближается с цезским *нуци*.

Мука (пшеничная). Авар. *хханжу,* карат. *хороб,* лезг. *гуьр*, таб. *ху1*, агул. *х1ур* рутул. *ху1р,* цахур. *хо1,* крыз. *рах1аьдж*, бдух *рах1адж,* удин. *хари*. Общим корневым для приведенной лексики являтся соглас-ный **х* [СИЛДЯ, 205].

Семантически информативна аварская форма *ххан-жу*, которая являет собой стяжение основы х*хан*- глагола *ххенезе «*молоть*»* и существительного *жо, жу* «вещь», что репрезентирует муку как нечто

молотое. Лезгинская форма *гъуьр* «мука» должна быть редукцией глагола *регъуьн* «молоть» в форме причастия **ре-гъуьр >гъуьр* «смолотое», ср. *аккур* «увиденное», *авур* «сделанное» при синкопе первого слога, *ре-* ср. *ре-гъв* «мельница, жернов».

Сыворотка. Беж. *ниа*, гунз. *ныъа//ну1ъа*, дарг. *нех1, них1*, арч. *мег*1, лезг. *мегь*, таб. *мегь, ч1вегь,* агул. *мех1, ч1вех1*. Приведенные лек-семы произошли от одной общей основы, которая начинается с сонор-ных *м, н*. Следующие согласные основы также общие [СИЛДЯ, 207].

Концептуально информативны табасаранские *ч1вегь и мегь*. Лабиализованный *ч1в* является корневой морфемой глагола ч*1вугуб* «сосать» и *ч1вуг* «навозная жижа». *Ч1ве-* по метафоре обозначает зелено-желтую, похожую на навозню жижу жидкую субстанцию сыворотки. В комплексе *ч1вегь* является стяжением синтагмы ч*1ве гьич* (бесполез-ная жижа) с транспозицией в «сыворотку». В случае *ме-гь* первый слог соотносим с реальностью «вода», ср. таб. *муьгь* «река». Следовательно, непротиворечиво *ме –гьич (*бесполезная вода*) > мегь* «сыворотка». Од-нако *гьич* «никакой» с определенными семантическими изменениями в дагестанских языках считается заимствованием из персидского языка [Эфендиев, 2010 : 69]. Тогда искомое слово гибридно.

Сыр. Авар. *нисy,* ахвах. *иша*. карат. *эса*, тинд. *инса*, дарг. *нус*а, лак. *нис*, (и творог), арчин. *нисо*, лезг. *насу*, *ниси*, таб. *нис*, *ниси*. агул нис, рутул. *нисе*, нисаь цахур. *ниссе,* крыз. *нисе*, будух. *нусу*, беж. *к1има,* хварш. *к1ора,* гунз. *к1има,* годоб. *кьвач1ар*а. Приведенная лексика ге-нетически родственна, первичным среди гласных является **у*. Аварская основа *нису* является исконной и с небольшими фонетическими измен-ниями прослеживается во всех дагестанских языках [СИЛДЯ, 209].

В концептуальном аспекте семема «сыр», равно как и семемы «сыворотка», «сливочное масло», «сливки», отражает особенности бы-тия этой реалии. В отличие от сливочного масла и сливок сыр и творог концентрируются на дне. Эта особенность сохранилась в форме и се-мантике табасаранского наречия *ас-ин* «низ чего- либо (до самого конца». Носителем значения «низ» является первый слог, ср. *ас-кан «нижний», ис-к1ул (*низ-голова*) «*спуск»*, ас-ин* исторически должно было быть прилагательным ср. **асин-уб* «нижний». Полагаем, что ос-нова прилагательного *а-син-уб* субстантировлось в – *син-* «то, что внизу» > *нис* «сыр» (в соответствии с ситуацией изготовления сыра). Метатеза как способ словообразования встречается в дагестанских языках, ср. лак. *нис* сыр», «творог» > *сину* «столярный клей», авар. *нису* «сыр» > *сину* «столярный клей», т.е. казеиновый клей, который изго-товляют из сырного материала.

В случае денотата «сыр», номинированного словами: беж. *к1има,* хварш. *к1ора,* гунз. *к1има,* имеет мсто смешение понятий «сыр» и «масло», ср. семему «сливочное масло» в: авар. *к1ама,* таб. *к1аму,* цахур. *к1ара*, дарг. *к1има,* гунз. *к1арахи.*

Хинкал. Популярное кавказское блюдо *хинкал,* в большинстве дагестанских языков – *хинк1* в единственном числе, эксплицируется на материале аварского языка и его диалектов. В первом *ххенезе «*молоть», *«*размалывать», *хеней* «помол», диалектное *хин-зи* «молоть», «размалывать». Основа *хин-* этого глагола коррелирует с основами *ххен-езе*, *хен-ей, и ххан-жу «*мука», т.е. «молотая вешь», где - *жо, жу* «вещь». Следовательно, в аварском диалектном *хин-зи* «молоть» основа *хин-* соотносится с ментальной сущностью «молотое» и «мука», в том числе. В структуре слова *хин-к1* последний согласный - *к1* является одновременно и корневой морфемой масдара *к1век1и «*мешанина, месиво*»* от глагола к*1век1изе «*месить, мять*»*. Композиционная семантика синтагмы *хин + к1век1и «*мятая мука*»* со стяжением в *хин-к1«*тесто*»* номинирует по смежности блюдо, сущность которого в любом виде остается «мятой мукой», тестом с «аксессуарами» или без них.

ГЛАВА VIII. ОДЕЖДА, ПРЕДМЕТЫ ТУАЛЕТА

Бешмет. Лак. *ккуртту*, чеч. *кетар,* (полушубок), дарг. *ккурти* (платье). таб., цахур. *ккурт* (платье, рубашка), лезг. *к1урт* (шуба, полушубок), цез. *к1урт1ай* считаются автохтонными и имеющими нетическое родство. [СССДЯ, 90]. Однако обращает на себя внимание почти одинаковое материальное оформление и семантическая связь с русским *куртка,* которое заимствовано из польского *куртка,* восходящего к латинскому curtus «короткий» [ru. wikipedia, org.]

Бурдюк. Авар. *кьо'ч1а*, лак. *кьач1а*, анд. *кьоч1е,* дарг. *кьвач1а*, цахур. *кьоч1е*. Приведенные формы имеют общую основу, *кьоч1, кьвач1, квач1*. Исходным считается дарг. **кьвач1* с лабиализованным **кьв* [СИЛДЯ, 211].

Дополнение цитированных примеров табасаранским *ч1ур-кьям* «заплечная сума» позволяет уточнить морфологию анализируемой лексики, например, авар. **кьорч1а > кьо'ч1а* с синкопой вибранта *–р-* и метатезой.

В семантическом аспекте относительно прозрачна табасаранская форма *ч1ур-кьям*, в структуре которой *ч1ур* «поле, окружение вне села» и *кьям* «*затылок», ср. лезг. *кьам* «затылок», таб. *кьям-бац(**затылок-кисть руки) «акробат/клоун», выступающий вместе с канатоходцами. Искомое слово мотивировано образом ношения сумы «через затылок (плечо) и функцией предназначенностью – носить в поле, вне населенного пункта. В других приведенных примерах дагестанских языков имеет место семантическое смещение «заплечная сума > бурдюк».

Бурка. Авар. *буртина*, анд. *буртина*, *мурта* агул. *лит,* цахур. *лут,* крыз *гит*. таб. *йурт.* Анаизируемая семема производна от семемы «войлок», ср. авар. *буртина* «войлок»

Браслет. Авар. *курхьен*, андийские *кванкье, квархьин, кванкьан, кверкьин*: дарг. *кулеха, кулехха*; цахур. *лехха*, таб. хъуьлахъ. Предполагается, что *кур- квар-* и т. д.- это первая часть сложной лексемы [СИЛДЯ, 212]. Первая часть предполагаемого сложного слова – *квар, кур* соотносима с аварским *квер* «рука, кисть». Вторая часть- *хье-н* соотносима с корнем слова *хье-т1и* «загиб, сгиб». Композиционная семантика *кур* «кисть руки» + *хье (т1и)* «сгиб, загиб» кодифицирует семему «запястье». В дальнейшем в морфологии **курхье*--(т*1и*) последний слог синкопируется, освободившаяся фоническая энергия заполняется сонантом *–н*. *Курхьен* «*запястье» по метонимии номинирует то, что носят на запястье - «браслет».

<u>Веретено.</u> Авар. *мергу*, андийские *маго, мингва*, *мунга, мургва, мингва*, дарг. *дуруг*. Представленная лексема состоит из двух частей – *ме, ма* и т.д. для дарг. *ду*-. Вторая часть исторически –**ргв*- лабиализована [СИЛДЯ, 212-213].

Историческая память искомой семемы реконструируется на материале аварского языка. Вторая часть рассматриваемого слова *мер – ргу* возводима к первому компоненту сложного глагола *рега –рит1изе* 1) переворачивать, ворошить; 2) разглядывать, осматривать (со всех сторон, вертя в руках, ср. *бега-бит1изе* 1) перевертывать, переворачивать; 2) осматривать со всех сторон, вертя в руках. В структуре *мергу* «веретно» закрепилась сема «вертя в руках». Поскольку *–ргв*- лабиализована возможна реконструкция **регва-рит1и* «осматривание вертя в руках» >**регва-ри* > **регвар* >* *регван* > **регвам* > **мергва* «верчение в руках» > *мергу* «веретено».

<u>Гребень.</u> Авар. *гьоркьо,* андийские *гьакьу, гьакьв;* цезские *гьел1а, х1ел1у*, *гьил1у*, дарг. *дурега,* лак. *ттарал*. Корневым считается звонкая латеральная аффриката **длъ*, не сохранившаяся ни в одном из дагестанских языков, но существование которой предполагалось Н.С Трубецким Е.А. Бокаревым. В лакском языке корень выпал [СИЛДЯ, 213].

В концептуальном аспекте информативно лак. *ттар-ал* «гребень», основа которого соответствует слову *ттар* «хвоя», т.е. метафорический гребень с множеством длинных зубьев, напоминающих хвою.

<u>Ковер.</u> Авар. *т1анса,* андийские *т1ансса,* дарг. *т1амса*, агул. *т1амс*, цахур. *т1амс* [СИЛДЯ, 213], ср. таб. *талис* «небольшой ковровый мешок». В семантическом аспекте наименование «ковер» в дагестанских языках мотивировано узусом этого артефакта, его кладут «сверху на» (полы глиняные), что создает своеобразие уюта дагестанского жилища, ср. авар. *т1ассам* «сверху», *т1асса* «наверху, сверху» и авар. *т1анса* «ковер».

<u>Кувшин</u>. Артефакт кувшин в дагестанских языках отмечен разнообразными названиями. Формально наиболее близки: авар *гулгун.* чамал. *гургун,* дарг. *гулгум,* агул. гвар, таб. *гвар.* лезг. *квар* лезг. «медный кувшин для доставки воды», лезг., таб. *гаргун* «большой керамичский кувшин с узким горлом».

Исторически первичными должны быть формы типа *гулгун, гаргун* и должны обозначать керамический кувшин. Агульский, лезгинский и табасаранский *гвар, квар* «медный кувшин» должны быть стяжением от **гвар-гун* «керамический кувшин».

Мотивационной базой наименования «кувшин» послужила круглая форма этого артефакта, ср. семемы «круг», круглый» в нахско-дагестанских языках: чечен. *го, гом;* авар. *гор*, *гургин-лъи*, беж. *гор*, таб. *гелгми*. Возможна связь с индоевропейскими языками, ср. персидский *гер* «кувшин». русс. *гон- чар*, греч. *ker-amon* «глина».

Петля. Авар. *к1ич1,* андийские *к1иц1, киц1в, гец1ер, к1ич1и,* арчин. *к1ич1,* дарг. *к1ич1 (*в значении пряжка*),* ц1ахур. *к1ыч1 (*пуговица*),* крыз. *г1ак1.* Общим является форма *к1ич1,* имеющаяся в авар, арчин. ботл. и дарг. языках. В остальных случаях отмечены фонетические изменения [СИЛДЯ, 214-215].

В основе номинации исследуемой семемы лежит прототипическая ситуация сгибания, удвоения, ср. относительно корня *к1и-* аварское редупликация *к1и-к1и* «по двое», *к1и- го* «два», дополненное корнем глагола *ч1вазе* «складывать»: *к1и-ч1вазе* «складывать вдвое» > **к1ич1ва* > *кич1* «петля, нечто сложенное вдвое, крюк».

Пояс. 1. Авар. *рачел,* андийские *ракьича, рачвал, ракьу-чар*, *ракьичал, рокьочул, лезг., таб., агул. ч1ил,* рутул. *ч1ил,* цахур. *ч1ува*. 2. Годобер. *кьвали,* арчин. *кьо1т1ал*, цахур. *йикьа1н* [СИЛДЯ, 216].

Лексика, приведенная в двух рубриках, сводима к одной группе слов, объединенных генетическим родством. Корневая морфема *ч/ч1у-* как в лезгинских, так и аварском и андийских языках экспликативна с позиции лезгинского языка, ср. *ч1у-гун* (*ч1у* дача) «вытягивание», семантика вытянутости в пространстве закреплена за слогом *ч1у-*. Ч1у-л «ремень, пояс» и есть вытянутая полоса.

Семантика второй корневой морфемы андийских *кьь*, арчинского и цахурского *–кь-* эксплицируются с позиции лезгинского *йукь* (пояс, середина тела, талия) и таб. *кьял* (середина, талия). Таким образом андийские лексемы с компонентами *кьь* и *ч* репрезентируют пояс как «ленту на пояснице», в лезгинских языках, кроме арчинского, компонент «талия» отсутствует при номинации ремня как «узкой полосы».

Саван. Авар. *мусри*, цезские *мусру;* лезг. *сур* «могила», рутул. *сыр,* «могила», лак. *сурув*, арчин. *соро*. Предполагается, что семема «саван» образована от значения «могила» [СИЛДЯ, 215].

Однако данные аварского языка свидетельствуют о первичности семемы «саван», ср. авар. *ссу-зе* «отрезать» *ссури* «отрезание, отрез (масдар): ссури > * муссури >*муссри > *мусри «отрез» > «отрез ткани на саван» > «саван».

Черкесска. Авар. цез. лак. агул. *чухай,* анд. *жухъа,* беж. *чохъа,* гунз. *чохъей*, арч., крыз. *чухъей*, таб. *чуха, чухай*, лезг. *чухва*, чеч. *чоа,* аз. *чоха*. Возможно, что это слово является древнейшим

заимствованием. Не исключено также что, данное слово было заимствовано из кавказских языков в другие языки [СССДЯ, 95].

Лакско-русский словарь С.М.Хайдакова освещает затронутую проблему следующим образом: *чухъа* 1) самотканное сукно (у горцев); *чухъа шашан* соткать сукно; 2) черкесска.

Чухта (женский головной убор). Авар. *чухт1у*, анд. *чухт1у*, арч. *чухтту*, таб. *чухта*. чеч. *чухта,* крыз. *чуткъи* (мешочек для волос). Фонетические соответствия закономерны [СССДЯ, 91].

В смысловом аспекте искомая форма является следствием композиционной семантики семем *чуха* «домотканное сукно» > «головной убор из сукна» + аварское *т1а* «лист, листва» по ассоциативной связи нахождения головного убора на верху (голове), ср. авар. *т1а-д* «сверху, наверху»

Шерсть. Андийские *михе, мигьи, муху:* бежт. *гьун*, дарг. *шал,* цахур. *хьа,* таб. *хьа, хьай*, агул. *хьей,* хиналуг. *кхьа*. удин. *ха*, арчин. *олъх*. Исходным считается корневая морфема *хь* [СИЛДЯ, 216}.

Полагаем, что прототипом наименования «шерсть» в дагестанских языках является *хьахь* «ворсообразная плесень», ср. таб. *пч1и хьахь-сиб* «легкий как *хьахь* «ворсообразная плесень»

ГЛАВА IX. РАЗНОЕ

Болезнь, боль. 1. Авар *унти* (< *унт1и* < **ункь1и*), андийские *рокь1е, рокь1ар, рукьур;* цезские *унти* «болезнь»; дарг. *идзала*; лак *.ц1уц1аву*. лезг *т1ал,* таб. *ицру*: агул. *иттар, иттал*; цахур. *ык1ар,* удин. *къварч*. Общим корневым считается смычно-гортанная латеральная аффриката **кь1*. Начальные элементы *ро-, ру, ле-* окаменелые классные показатели, поскольку это слово глагольного происхождения: лак. *ц1уц1-аву* – масдар глагола *ц1ун* «болеть», конечные –ар, -ал, -ин, -ай словообразовательные суффиксы [СИЛДЯ, 135].

В семантическом аспекте эксплицитна лакская корневая морфема *ц1у-*, которая номинирует как болезнь, так и симптомы болезни, ср. *ц1у-ц1аву* «боление», *ц1уру -к1уру* 1) стон; 2) жалоба при *к1уру* «возвращение». Стон и жалобы больного репрезентированы как возвращение боли; *ц1у-р хьхьу тун* «ныть, болеть» при *хьхьу* < *хьхьа* «веревка» (в нашем случае (кручение от боли) *хьхьа лахьан* «налиться кровью (о лице). Таким образом, лакское *ц11ц1-аву* «боление, болезнь», «боль» кодифицирует болезнь как комплекс симптомов болезни и мотивировано стоном, стенаниями больного, ср. таб. *ц1узар зигуб* «скулить» (относительно человека также).

Струп. Авар.*чанхъ, хъал*, ахвах. *чухъ,* карат. *чурхъа,* тинд. *хъвахъва,* чамал. *хъахъа*, ботл. *хъирис*, дарг. *хъас,* лезг. *ч1ахыт1*, таб. *хац*. Общекорневыми в приведенной лексике являются *хъ, х*. Во многих языках корню предшествует комплекс *чу, ч1а*, иногда с сонорными *–н-*, *-р-*, объяснить которые пока еще не представляется возможным. В нескольких андийских языках основа редуплицирована корневым *хъ*. Конечные элементы *-ис, -ас* даргинского и ботлихского языка, а также *–ыт1* лезгинского языка являются непродуктивными ныне словообразующими суффиксами [СИЛДЯ, 138].

Наше обращение к затронутой теме показывает, что: 1) исследуемая ментальная сущность представлена как отдельным словом *хъал* «шелуха, корка, кожура» в аварском языке; 2) так и сложной структурой *чонлълъаб хъал* «грубая кожура» с последующим стяжением в *чанхъ «*струп.*»*

Голод. Дарг. *гаши*, лак. *ккаши*, лезг. *ккаш, гаш*, таб. *гаш.* агул. *гаш*. рутул. *гаш,* крыз. *гаши.* Общая основа, совпадающая с корнем, сохранилась в даргинском, лакском и нескольких лезгинских языках. Исходной является форма *гаш*, где звонкий *г* перед гласным дает непридыхательный смычный *кк,* что обнаруживается в лезгинском и лакском языках [СИЛДЯ, 141].

Реконструкция исторической памяти аварского *квеш* «плохо» и *квешаб* «плохой», имеющих формальную общность с выше приведенными лексемами, свидетельствуют о том, что искомые слова являются сложно-составными структурами. Аварский *квеш* «плохо» исторически восходит к синтагме *квен* «еда, пища» + *шавкъ* «страстное желание» с дальнейшим фонетическим и семантическим развитием: *квен шавкъ* «острое желание поесть» > «голод» > «плохо» с последующим стяжением в *квеш* «плохо», *квешав* «плохой». Остальные выше цитированные дагестанские слова семантически остановились на уровне «голод»

Обман. Авар. *гьереси*, ахвах. *гьереси*. ботл. *гьебесси*, годоб. *гьебесси*, цезские *гьереси*, цахур. *гьор.* Корневыми являются *гьеб, гьор, гьер.* Появление в ботлихском и годоберинском –б- вместо *–р-* корня объяснимо, если учесть, что как исключение такой переход возможен. Ауслаутный *–си,* отсутствующий в цахурской форме, возможно, является словообразовательным суффиксом [СИЛДЯ, 141].

На наш взгляд, компонент *гье* является историческим вариантом указательного местоимениями «именно то», дополненный классными показателями –б, -р, ср. таб. *гьа-му* «именно этот», лезг. *гьа- м,* авар. *гьа-б* «именно это». Конечные *-си, -сси* является недостаточным глаголом в значении «не есть», ср. андийское – *ссу* «не есть», дарг. *са-й* «есть». В синтагме *гье* «именно то» + *бе/ре «*нечто*»,* чего *–сси* «нет» > ложь, концептуализированная как «отсутствие того, что утверждается». Для большей убедительности ср. лезг. *ттаб* «обман» < *тта* «не» (*тта-вун* «не делание» + *б* «нечто», что в комплексе соответствует «не есть нечто» = «обман». Ср. также табасаранское *ку-ч1ал* «не есть речь» равное семеме «ложь, обман»: *ку-* имеет значение «не есть» ср. авар. *гу-ро* «не есть», аварское *гьеч1у миц1* (не есть слово) «обман».

Гной. Авар. *рец1ц1, андийские рец1ц1и, гьансс, рецци;* цезские *лъач1и, гьанц1и, лъамач1и, жоч1, жо1ж.* Корневая морфема - смычногортанная аффриката **ц1ц1*. Начальные согласные *ре-, лъа-*, возможно, омертвевшие классные показатели [СИЛДЯ, 136].

Семема «гной» мотивирована стеканием жидкости, ср. авар. *рец1ц1и* 1) стекание, капание; 2) плач. В морфологи андийских *гьан-сс,* цезких *лъа-ч1и, гьан-ц1и, лъама-ч1и, жо-ч1* корневые морфемы также должны обозначать стекание.

Препозитивные *лъам-, гьан-* соотнесены с «жидкостью», ср. аваро-андо-цезские слова в значении «вода», *лълъим, лъени лъин, гье= (къезе)* «пить». В структурах *жо1-ч1 и жо1-ж* «гной» первые слоги должны иметь значение «нечто», ср. авар *жо, жу* «нечто, вещь» при

семеме «стекание», обозначаемой корневыми морфемами -*ч1* и – *ж,* ср. лезгинское *жими «жидкий».* Корреляция авар. *ж и* лезг *ж* непротиворечиво [СИЛДЯ, 55].

Дорога. Авар. *нух*, андийские *микье, микьи;* цезские *гьино, гьуни*, ; дарг. *гьуни, хуни;* лак. *хуллу.* арчин. *декь*, лезг. *рехъ, ра1хъ;* таб. *ра1къ, ра1къуь-в*; агул. *рекъ,* крыз. *рих*, удин. *йахъ*. Слово сохранилось во всех дагестанских языках с несколько измененной основой, корневым является несмычногортанная аффриката **хъ* [СИЛДЯ, 142].

Концептуально информативно табасаранское слово *ра1къуь* (*ра1къуь- в* (< *ра1къу-б* «видение») с переносом по смежности «видно >дорога», (ср. *ра1-къун-зуз* «Я увидел»). В свою очередь, *ра1къуб* «видение» с учетом лезгинского *ра1хъ*, но *ре-кье-л* можно возвести к **ра кьун* «свет держание» > « видение» > ««дорога».

Клятва. Авар. *гьа,* ахвах, *никкухъу*, карат, *никква*, цез. *х1о,* хварш. *гьун*, дарг. *хъа1*, лак. *хъва*, таб. *ху,* агул. *х1у.* Корневым согласным яв-ляется исконный *кк.* Предполагается, что все формы имели конечный детерминативный суффикс *–ун, -ан,* что подтверждается восстановл-нием *–н* в лакском языке в косвенных формах или при произношении «клянусь тем, то (*хъва, хъванил*). В андийских формах произощла ме-татеза – конечные *–ун, -ан* дали *на-* в начале слова [СИЛДЯ, 143].

В семантичском аспекте информативна лезгинская аналитическая форма *кьин кьун* (погибель держать) «давать клятву», т.е. дающий клятву ручается свой жизнью. Аналогична табасаранская синтагма *ху ап1уб* (клятву делать)< *йихуб ап1уб* (смерть делать) «клясться». Таким же стяжением синтагмы является аварское **гьалаг дализе* (погибель ве-шать) > *гьедизе* «давать клятву», *гьалаг* «погибель» > *гьа* «клятва»

Кубарь. Авар. *ц1ц1алач*, андийские *к1к1алачу, бирк1у, ц1ц1аланча, к1ак1у;* хваршин. *берк1у*, лезг. *к1ап1азан, к1ап1ажул, к1ап1арузан, кьеп1ербан;* крыз. *к1арак1ун*, будух. *к1ап1арсун,* хиналуг. *кьанз.* Исконныый корневой возводится к геминированному смычно-гортанному заднеязычному **к1к1* [СИЛДЯ, 143].

В семантическом аспекте наиболее информативно аварское *ц1ц1ала-ч*, которое является гибридной композитой из авар. *ц1ц1ал* «кнут, плеть» и персидского *чархх* «колесо» с последующим стяжением: *ц1ц1ал чархх > ц1ц1ала-ч.* Семема «кубарь» номинирована по способу «эксплуатации» этого артефакта – битье плетью по артефакту, чтобы он вертелся».

Мерило. Авар. *борцен, роцен*; андийские *раче, басиндуб, расума, босон, йасума, расиму, расон*; цезские, *йансо, расайхьоси*, лак. *дуцин* [СИЛДЯ,144]. Считаем возможным дополнить этот список дарг. *му-ц-*

ла и глагольными лексемами в значении измерять: дарг. у*мцес* * *муцес,* лак. *дуцин*, лезг. а*лцумун*, таб. *йерцуб*.

Обращает на себя внимание единство корневых морфем **ц, с, ч* для слов, обозначающих семемы «один», «мерило/измерять» лакского, лезгинского, табасаранского языков и *сан* «число, количество» табасаранского языка. Мы считаем, что это последнее также относится к корневым **ц, с, ч*. поскольку измеряют определенными единицами (*цо/со* «один) в каком-то, «количестве, числе» (*сан),* единство которых определяет сущность меры, измерения.

Препозитивные слоги или согласные *ро-цен* считаются наращениями или классными показателями как в случае *бо-р-цен.* Как бы их ни определяли, они обозначают денотат, измеряемый количеством *сан,* в этом суть мерила и глагола «измерять». Поэтому семема «мерило» воспринималось как «количество, число» *сан* денотата, номинируемого препозитивными основам*–сан, -син,- сон* слогами, которые в некоторых случаях утрачивают гласный компонент.

<u>Могила.</u> Авар. *хоб,* андийские *шоб, хьобе гьобе;* цезские *шуна, шуд, жима; лак. гьав.* Корневые элементы закономерно соответствуют друг другу [СИЛДЯ,145].

В семантическом аспекте рассматриваемые семемы являются метонимическими образованиями от однокорневых глаголов, например, авар. *хвей* «умирание» > *хоб* «могила». Однако это не значит, что во всех языках имеется подобная связь: производящие основы могли исчезнуть как это имеет место в лакском языке.

<u>Работа. 1.</u> Авар. *х1алт1и,* андийские *х1арт1и, х1ат1и, гьалт1и;* цез. *х1алт1и, халт1и;* дарг. *х1анчи*. Основа *х1алт1* глагольного происхождения (ср. *х1алт1изе* «работать»), корневым является *х1.* [СИЛДЯ, 146].

Историческая память семемы «работа» в приведенных дагестанских языках реконструируется на материале аварского *х1ал-т1и.* Последний слог *–т1и* возводим к корневой морфеме глагола *т1е-зе* со смысловой структурой 1) рвать, отрывать, оторвать, срывать, сорвать что-л.; 2) лить, поливать. Инвариантное значение семем, приведенных в первой рубрике - это «механическое движение, чтобы обладать чем-либо» относит к периоду собирательства в истории человека. Семемы во второй рубрике «лить, поливать» можно соотнести с периодом орошаемого земледелия. И первые и вторые можно соотнести с трудовым процессом – работой. Первый слог в морфологии *х1ал-т1и* является заимствованием из арабского языка – *х1алун* «состояние, положение, настроение». Последнее отмечено с небольшими фонетическими отличиями в большинстве дагестанских языков, например, в лезг. и таб. –

гьял. В аварском языке это слово получило дальнейшее семантическое развитие: *х1ал* 1) состояние, положение»; 2) сила. Поэтому полагаем, что *х1ал-т1и* – это исторически «трудовая деятельность, дополненное семой «состояние, процесс», что налицо в семантике масдара х*1алт1и* «работание».

2) Андийские *тухала, михи, муху*; лезг. *кквалах*, к1валах; таб. *лав-хин, лахин*; агул. *лихун,* рутул. *гвалах.* Основа глагольного происхождения, (ср. таб. *лихуз,* агул *лихас*). Корневая во всех формах – х. Начальные *ту, му, лаь, ла* – классные показатели [СИЛДЯ, 147].

Наше исследование вопроса показывает несколько иную картину мира. Всякая работа в конечном счете имеет целевую установку – принести, что-нибудь домой. Эта особенность работы реконструируется на материале лезгинского языка, ср. *к1вал -из/аз гъун* «домой ноша, несение» > *к1валагъун* > *к1валагъ* > *к1валах* с оглушением финального звонкого - *гъ* в- *х.*

В табасаранском языке глагол *лихуз и* субстантив *лавхин* предполагают возможность глагольной формы с лабиализованным *хв* (*лахваз), которая при метатезе дает современную форму *хулаз* «домой. Таким образом, «работать» и в табасаранском языке исторически - это *хулаз хуз* при отпадение глагольного компонента *хуз* «приносить»: **хвалаз > хуз > *лахваз >ливхуз/лихуз*

<u>Сказка.</u> Авар. *маргьо,* андийские *муха, мугьа, нуха, мугь, марьго, маргьу*; лак. *магьа*, лезг. *магь*, *мах*; таб. *махъ, махъв*. В большинстве дагестанских языков общая основ *мух/махъ* [СИЛДЯ, 147].

Мотивационная база семемы «сказка» обнаруживается в лакском языке, ср. *гъама* «нудная речь» > *магъа* «сказка» (долгая речь).

<u>Сон.</u> Авар. *мокььу*, цезские *мол1о, мол1у*, *мал1у*; дарг. *гьак1*, лак. *мак1*, таб. *нивк1, нимк1, ник1в, нибк1*; рутул *накь, некь,* хиналуг. *мик1а1*, будух. *некьир.* Общий корневой возводится к геминированной латеральной аффрикате **кьь*, начальные *ма (мо, му, ми), на (ни, наь, не)* тоже общего происхождения, будухский аффикс - *-ир* первоначально выполнял функцию множественного числа [СИЛДЯ, 148].

Мотивационно информативны аварский макьу и табасаранский *ник1в:* в обоих формах корневые согласные соотносимы с семемой «кокон шелкопряда». Для *ма-кьу* «сон», ср. авар *ки-кьи* «грена шелкопряда, кокон»; применительно к корневой морфеме *–к1* (*ник1в*), ср. таб и лезг. *к1аз* 1) тутовый шелкопряд; 2) паутины, летящие в период бабьего лета. Табасаранское *Узу ник1ваз/ник1уз гъушунза* (Я пошел в сон) «Я заснул» можно реконструировать в форме **к1азуназ > ник1ваз*, ср. лезг. *к1аз,* дат. *к1азуниз*. Тогда исторически имеем метафору Узу

(**к1азуназ >) ник1ваз/ник1уз гъушунза* (Я пошел в кокон шелкопряда) «Я заснул». Таким образом, сон в сознании древних табасаранцев - это метафорическое превращение в «кокон» и временный отход от реальности. Поскольку исследуемая лексика определена как имеющая генетическое родство, то сказанное может быть в какой-то степени релевантным и для других дагестанских языков.

Постулируемое заимствование слова *к1аз* перисдское < *къаз* [idem :114] представляется сомнительным. Согласный *къ*, как правило, переходит в *х*, *хъ* [ibidem].

Лук (оружие). Авар. *ч1орбут1*, андийские *лъеч1о, ц1ингьу, ц1ц1инв* (стрела), лак. *ч1ат1арак1,* лезг. *ч1емерук*, таб. *ч1емер*, будух. *т1ам.* Общекорневая морфема –прадагестанская геминированнная смычно-гортанная аффриката **ц1ц1*. Аварская и лезгинская формы возводятся к сложным образованиям. Аварская *ч1ор- бут1* состоит из сочетаний *ч1ор* (стрела) + *бут1(< бут1а* «часть»). Лезгинская форма *ч1ем-е-рук*, где *ч1ем* исторически функционировал в значении «стрела», а *рук* – редко употребляемое в лезгинском языке слово в значении «дерево» [СИЛДЯ, 144].

Наше исследование позволяет уточнить тезисы СИЛДЯ. Аварское ч*1орбут1* может более точно состоять из *ч1ва* «струна» + *бут1* «рессора, пружина» исторически древко лука, **ч1ва-р* (ср. ч*1вай*) + *бут1*> **ч1варбут1* > *ч1орбут1* (струна древко) точно передает морфологию денотата «лук».

ГЛАВА X. СУБСТАНТИВНЫЕ ПРОТОТИПЫ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

Новый. Прототипическим денотатом номинации семемы *новый* послужил факт линьки животного, и это наиболее рельефно в аварском языке, ср. аварское *ц1и-д-ац1ин «*линька*»* и *ц1и-яб* «новый», таб. лезг. *ц1ийи*, дарг *ц1ил.*

Красивый. Семема «красивый» аварского языка опирается на сладость, аварцу казалось, что красивые глаза – это переносно «сладкие глаза», ср.: авар. *бер-цин-ай* «красивая» и анд. *миц1ц1и* «сладкий». тинд. *миццаб,* таб. *ицци,* хин. *ц1ин* при аварском *бер* «глаз».

Белый. Генетическая общность прилагательных в значении «белый» в нахско-дагестанских языках отмечена на уровне андийских г*1ац1а*, дидойских а*лук1а,* в лезгинском *лацу*, табасаранском *лизи*, даргинском, *ц1иба*, лакском *к1яласса*, чеченском *к1айн*. Мотивационная база номинации прилагательного «белый» в нахско-дагестанских языках наиболее эксплицитна в вариантах лезгинского *лац* «минерал белого цвета для побелки >*лацу* «белый» и табасаранского л*адз* «минерал для побелки > *лизи* «белый», в цаурском языке *ц1ан-ц1ар-ай* «белый камень». В аварском х*ъахъ*-аб «белый», форма *хъахъ,* обозначающая денотат белого цвета, как автономная единица языка не отмечена

Большой – корневая морфема **х* слов со значением «большой» возводится для большинства языков к нахско-дагестанскому хронологическому уровню, ср. дарг. х*алал*, таб., *аьху,* лез., *ч1ехи.*, лак., хъ*унасса*, чечен. *докха,* цез. *быкьу*, анд, *беч1уха* [СССДЯ, 104-105].

Мотивационная база рассматриваемой семемы эксплицитна на материале чеченского языка к *-хи-а* «вырастать», даргинского *халиес,* арчинский *ххас* «расти, вырастать», крызский *къеч1идж* «вырстать». «Большой», таким образом, этимологически - «выросший, ставший взрослым».

Высокий нахско-дагестанского хронологического уровня с рядом закономерных звукосоответствй: лак. *лахъсса*; авар. *бархатаб*; чечен. *лехъа*; бежит. б*ихало*; дарг. *ахъси;* таб. *ягъли;* лезг. *кьакьан* [СССДЯ, 105] мотивирован подъемом в гору. Это наиболее эксплицтно в авар. языке при сравнении корневых морфем *йа-х-ин* «подъем, восхождение»» и *бор-х-атаб* «высокий»

Семема «хороший» *шуб, шур, шур* андийских языков тесно связана с аварскими *кве-шаб, кве-ша, ге-шав* «плохой». Лакские *ши* «просо», *шва* «скошенный хлеб», *ша-шан* «варить», *швай* «калина» - это номинация инвариантного продовольствия. В андийских языках

шу- «*продовольствие», дополненное классными показателями *–б, -й,* по метонимии номинирует *«сытость» с транспозицией в «хороший»: *шуб, ша-д-ав, шад-абе.* Корневая морфема *ша-* со значением «хороший» отмечена и в лезгинской группе языков - *шаат1, шагьат1* «хороший» удинского языка.

В агульском и табасаранском языках лексика в значении «хороший» производны от азербайджанского ucuz «дешевый» - семема, которая сохраняется и в заимствующих языках: таб. *уджуз* «дешевый» > *уджу-б, -р* «хороший», агул. *иджеф.*

Глухой имеет генетическую общность для большинства дагестанских языков с корневой морфемой *б-м-н* [СИЛДЯ,105]. Для большинства лезгинских языков общим являются формы *биши, бушу* с классными показателями или без них. В семантическом аспекте наиболее эксплицитны материалы табасаранского языка: *шав (лу) иб* «усталое, измученное ухо» (суффикс -*лу* заимствован из азер. языка) > **шав иб* > * *бишав* (ср. *бишакъ* «глухой о человеке») > *биши - р –б:* частичная сингармония **бишав* > *биши* в лезгинских языках закономерна.

В аварских языках *г1инкъа-в, -б,-й* «глухой. –ая. –ое» является следствием композиционной семантики слов *г1ин* «ухо» + *къа-* «закрытое» (корневая морфема глагола *къа-зе «*закрывать, закрываться») + классные показатели*б,-в,- й: «*закрытое ухо» > «глухое ухо».

В лакском этническом сознании семема «глухой» кодифицирована метафорически измученным, выбившимся из сил кудахтаньем, ср: *къо-(къудаъ*) «кудахтание» + *к1 (ук1лу)* «выбившийся из сил» > *къюк1-сса* «кудахтанием выбившийся из силы есть» > «оглохший, глухой». Для -*сса* «есть» ср. дарг. *са-й. са-би «*есть, имеется

В даргинском языке «глухой» воспринимается как метафорическое отсутствие уха, ср: *г1анц1* «ухо» + *а-гара* «не есть» > *г1анц1-а* «глухой»

Голый, обнаженный. Авар. *г1иц1а*в, чечен *дарц1ин*, *дерзина*, анд. *кь1уч1а*, лак., *к1ач1а, ч1ач1а* (диал), таб. гъя*ц1ли*, лезг. *кьец1ил* относятся к нахско-дагестанскому хронологическому уровню [СССДЯ, 105]. Экстралингвистический прототип номинации «обнаженный, голый» эксплицитен в лакском: - ч1ач1а «половой орган», обнажение которого ассоциируется с без штановостью с метафорическим переносом в «обнаженный, голый» – *ч1ач1асса.*

Горький: группа слов со значением «горький» в нахско-дагестанских языках объединена общностью закономерных корневых морфем *кьь, кь, къ, к1, ч1:* авар. *кьог1б*, анд. б*укькьин*, дарг. к*ьудкьусси*, таб. *кьут1кьули*, лезг. *туькьуьл*, чечен. *къахъа* [СИЛДЯ, 219].

Семантически наиболее прозрачно лак. *къурч1исса*, дериват существительного *къурч1и «хрен».* В табасаранском языке *кьут1-кьул-и* является композиционной семантикой слов *кьут1* «морковь*» +кьул* «корень лопуха» ср лезг. и таб. *пар-кьул* «лопух», таб. *кьаъ* «редька», лак. *кьа* «хрен». Все эти денотаты горьки на вкус. Следовательно, горький в этническом сознании древних вайнахов и дагестанцев отложился как «хр`еновый» с транспозицией в «горький» по вкусовым особенностям этого корня.

Длинный нахско-дагестанского хронологического уровня: авар. *халатаб,* лак. *лахъи,* дарг. *бухъаьна, чечен. деха,* таб. *йархи,* лезг. *яргъи.* Корневые морфемы восходят к *кь* общедагестанского праязыка [СИЛДЯ,219]. Реконструкцию исторической памяти прилагательного «длиный» в лезгинских языках см. рубрику «Радуга» (стр.18).

Жадный отмечен словами, общими на генетическом уровне в аваро-андийских, даргинском и лезгинских языках: авар. *къарав, «*сжатый»; ахвах. *къаруда;* дарг. *кьиркьирси*; таб. *кьискьис.* Историческая память этого прилагательного эксплицируется при сравнении авар. *къарав «*сжатый»- причастия глагола *къазе,* лезгинских *кьис-ккьис «*жадный*»* и *кьаз* «держать». Морфема *къа-/кьа-* являет собой единство сем *къ-/кь-* «вещь, нечто» и гласного *–а «*есть, имеется» *(*всякий гласный в сочетании согласным есть комбинации ситуативных сем «есть, имеется, становится» того, что кодифицирует согласный компонент), ср. авар. *къай, къайи «*вещь, нечто» и лезг. *кьу-н»* держание», равное *кьу-* «нечто имеется» + *-н* «классный показатель, нечто» > «нечто имеется при нечто» - > «нечто держит нечто» > «держание».

Вторые компоненты глаголов авар. *къа-зе* «сжимать» и лезг. *кьа-з* «держать нечто» возводимы к лакскому *за «*вещь, нечто*» (*ср. также большинство лезгинских *зат1 «*вещь, нечто», аварских жо, цезских *жат1* «вещь нечто» при закономерности звукосоответствий **з > з/ж* в цитируемых языках) [СИЛДЯ, 54-55]. Следовательно, непротиворечиво авар. **къаза* > *къазе* и лезг. **кьаза* > *кьаз* «сжимать, держать» при просодической вершине на первом слоге. Таким образом, рассматриваемые аварский и лезгинский глаголы исторически являют собой комбинации из «нечто имеется +нечто имеется» с ситуативной транспозицией в «держать нечто» и «сжимать нечто». Ассоциативная связь *къазе/кьаз* «сжимать/ держать нечто» > «быть «сжатым», жадным», реализующиеся в дериватах этих глаголов *къарав/кьискьис «*жадный*»,* не требует специальных аргументаций.

Желтый отмечен закономерным соответствием корневых морфем в авар. *хъах1аб*, «белый», дарг. *бухът1а*, лак. х*ъахъисса*, арч.

хахиттут, лезг. *хъиппи*, таб. г*ъатху*, агул. *хъехъе/ф.* цах. *кьгы1бы1н* языках. В некоторых языках семемы «желтый» и «желток (яйца) формально совпадают: дарг. *бухътI*а «желтый», *бухъутIа* «желток». Однако преимущественно описательная номинация семемы «желток» (дарг. *гигала бухутIа «*яйца желтизна*»*; авар. *мачIаб хоно «*темно-серое яйцо*»; ** лак. *ккунукрал хьахьимур «*яйца желтый цвет») свидетельствует о первичности номинации значения «желтый» вне связи с семемой «желток». Экстралингвистической реалией, мотивирующей семему «желтый», может быть цвет пшена, что эксплицитно в лакском языке, ср. лак. *хъахъ-у* «пшено» при *хъахъ-и-сса* «желтый» и *хъахъ-и-мур* «желток»

<u>«Жидкий»</u> нахско-дагестанских языков в некоторых случаях отмечен эксплицитной связью с семемой «вода», ср. авар. *лъамияб* «жидкий» и *лъим* «вода», дарг. *шин* «вода»- *шинкIаси* «жидкий», но: таб. *шид, шар* «вода» - *шми* «жидкий». В большинстве дагестанских языков ассоциативная связь между семемами «жидкий» и «вода» утрачена

<u>Зеленый, синий- голубой</u> в дагестанский языках, мотивирован цветом зелени. Например, лезгинский *къац* «молодая поросль злаков»- *къацу* «зеленый», таб. *чар*» молодая поросль злаков» - **чару > чру* «зеленый». В табасаранском языке произошла смена наименований у*кI* «трава, сено» - *зеленый - синий», ср. также чечен. *йол* «трава» и лезг. *вили* «синий», лезг. хъ*ач* «трава и анд. *хачи* «зеленый». Значение «голубой*»* кодифицировано как *«*светло-синий» в русском переводе, например, лезг. *экуь вили.* В аварском языке семема «голубой» концептуализирована как *зобалъул кьераб* «неба цвет, небесного цвета», что присуще и табасаранскому языку - *жангар*. Однако в последнем случае это слово демотивировано и восходит к синтагме **жав ранг «*небо цвет*» (ранг* заимствовано из персидского *ренк)* с последующими фонетико-морфологическими изменениями: *ж*а ранг >*жаранг > жангар,* Реконструкция **жав «*неб*о»* аргументируется следующими обстоятельствами:

1) корневые морфемы аварских *жин-дирго;* лезг. *жув;* твб. жвув *«сам»*; авар. *зоб* «небо», таб *зав* «неб»; авар. *бор-жин* «лет, летание», таб. *жан-гар* закономерно коррелируют между собой;

2) аварское *зобалъул кьер* (неба цвет) «голубой» соответствует табасаранскому *жав *ранг* «жав цвет» (*небо цвет) > *жангар* «голубой».

Слова в значении «<u>кислый»</u> имеют формальную общность на уровне моноконсонантного корня в подавляющем большинстве нахско-дагестанских языков: авар. *цIцIекаб,* дарг. *цIикси,* цез. *цекьив, лезг. цуру,* чечен. *муьста,* агул. *Iуьч1еф* лак. *кьурчIисса,* таб. *учвIру*

[СССДЯ.107] Мотивация наименования «кислый» эксплицитна в табасаранском языке – *уч1вр`уб* «проникающий, кислый», ср. *`уч1вруб* «входящий» с ударением на первом слоге.

В основе лакского *кьурч1и=сса «кислый»* лежат вкусовые качества травы *кьурч1* «щавель».

Коричневый. Таб. *шутри,* лезг. *шуьт1руь* имеет прототипичским признаком цвет клопа*, ср. лезг.* шут*1 «*клоп».

Красный корневая морфема слов со значением «красный» возводится, предположительно, к уровню нахско-дагестанской общности, ср.: лезг. *йару,* таб. *уьру,* анд *гьири,* авар. *баг1араб.,* дарг. *х1унт1ена,* лак. *йат1ул*. Прототипический денотат, цвет которого стал мотивационной основой номинации семемы «красный», явились спелые ягоды шиповника и малины ср.: лез. *йару жик1и* «красный шиповник (плод) и бежитинские *эр кай* (эр + ягода) ««малина»; *жаги ор-до* (жаги +ягода «малина»; *ор-дийо лъе* (ордийо +лъе «ягода») «малина». В этих синтагмах определения *эр, ор-дийо*, соответствуют лезгинскому *йару «*красный*».* В то же время лезгинский субстантив *жик1и «*плод шиповника*»* коррелирует с бежтинским прилагательным *жаги *красный»,* определяющим существительное *ор-до* «ягода».

Круглый. Предполагается, что корневая морфема слов со значением «круглый» возводима к уровню нахско-дагестанской общности, исходя из сравнения корневых морфем: чечен. *горга, герга*; лак. *ккуркисса*, анд. *гургума*, авар. *гургинаб,* таб. г*ергеми*, дарг. *журуга, къуркъа, гажин*, лезг. *к1еркец1*«кругляш»[СССДЯ,107].

Прототипической основой концептуализации семемы «круглый» является объект круглой формы, ср.: чечен. *го, гом* «круг»; кувшин: лезг. *квар* «кувшин», таб. *гвар,* г*ажин,* авар. *гулгун,* чам. *гургу*, лак. *къукъу*. В лезгинском языке *алкъвей, элкъвей* «круглый» является следствием композиционной семантики *ал* «на поверхность» + *къвей* «вернувшийся, т.е., вернувшийся на исходную точку». Ср. также таб. *эл-ч1ебкуб < *ал-ч1ебк1уб* «на поверхность повернувший, возвратившийся в исходную точку, *элч1ебк1уб*» «поворачивать» и «нечто круглое».

Мокрый в нахск-дагестанских языках представлен разнородно. Наиболее эксплицитно даргинское *шинк1аси*, в морфологии которого *шин-* равно слову *шин «*вода». На это же указывает и вторая корневая морфема *–ш* в структуре табасаранского *кья-ши,* равно как и *жи-ми «жидкий» в* морфологии слова *кьежей «*мокрый*».* Первая морфема *кье-* лезгинского *кье-жей* соотносима с корневой морфемой глагола *кьун «*держать, удерживать. Вторая *–же-* связана с семемой «вода, жидкость*», ср. жими «*жидкий*».* Композиционная семантика *кье-*

«удержание» + *же-* «вода» репрезентирует прилагательное *кьежей* «мокрый» как «удерживающий воду». Аналогично в табасаранском языке в структуре *кья*-ши «мокрый» второй слог имеет значение вода», ср. *ши-д* «вода». Первый слог – *кья-* сохранился в морфологии рассматриваемого прилагательного и существительного *кьяш* «влага», как и в случае лезгинского *кьеж* в том же значении. В табасаранском языке **кьуз* коррелят лезгинского *кьаз* «держать, удерживать» вышел из употребления.

Мягкий по генетической общности подразделяется на 4 группы нахско-дагестанских языков. Мотивирующей основой авар. *тамахаб*, бежт. *тотило*, чам. *табаб* «мягкий» может быть денотат «мох», ср. авар. *тама-ло* «мох» и семему «мягкий», номинируемого прилагательными *тамахаб, тамихаб, тамаха, тамих1*аб аварского языка и его диалектов.

Другим прототипическим денотатом, вызывающим представление о мягкости, может быть сало, курдюк, ср. авар. *мох-мох* «сало, курдюк» и выше цитированные прилагательные т*а-мах-аб, та-михаб*. Качество этого же денотата «сало» может быть прототипической основой номинации семемы «мягкий» и в части лезгинских языков, ср. таб. *хюл «*сало*»* и прилагательные в значении «мягкий» таб. *гъюдли <* хюл-ди; къюдлув < *хюл-дув*; агул. *г1адул/ф*; лезг. *хъуьтуьл <*хъуьл-туь*; крыз. *къадыл > *къал-ды.*

Отдельную группу образуют лакский и даргинский языки, ср.: дарг *к1ант1ил*, к*1ант1иси* «мягкий»*,* лак. *к1ук1лусса «*мягкий». Допускаем, что в качестве денотата, способствующего кодификации ментальной сущности «мягкость», могла выступить мягкость губ, ср.: «губа»: авар. *к1вент1*; таб. *к1вант1* и дарг. *квент1* «губа» и к*1ант1ил* «мягкий»

Сладкий. В группе нахско-дагестанских языков слова в значении «сладкий» взводимы к одному моноконсонантному корню: ботл., анд. *миц1ц1и*, лак. *нац1усса*, лезг *верц1и*, чечен. *мерза,* таб. *ицци* [СИЛДЯ, 225] Прототипом ментальной сущности «сладкий» стал денотат мед и его вкусовые качества, ср. слова в значении «мед», объединенные корневой морфемой **ц1* : чечен. *моц1*. авар. *гьоц1о*, лак. *нац1*, цезские нуц, нуцц, арч. *имц*, и таб. *цццц* «вкусный», лезг. *верц1и* «сладкий», лак. нац1усса, анд. миц1ц1и [СИЛДЯ,226]. Поэтому первичным в восприятии семемы *бер-цин-ай* «красивая» аварского языка должно быть «медоволглазая».

В табасаранском языке семема «сладкий» базируется на вкусовых качествах черешни, ср. *беъли* «черешня» (заимствовано из персидского) - *меъли* «сладкий».

Слепой отмечен формами: авар. *бецав,* ахвах. *бецода*, ботл. *боцуб,* гунз. *б*ецду, дарг. *ц1аьба*. Принято считать, что в аварских формах связанных с б*ецав* «темный», качеству слепого приписывается свойство темного [Хайдаков, 1973, 110]. Рассматриваемая форма, учитывая корневые варианты –ц-, -цц-, --ц1,- может быть упрощением синтагмы *бер бец1ав* «потухший глаз» > *бецав, бец1ав* «слепой». Во всяком случае ср. лезг. **бер- кьуь* (*глаз умерший) > б*уьр-кьуь* «слепой», где *кь*-корневая морфема от *кь-ин*, ср. также: таб. *бюр -кью* «слепой»; лак. *мур-ч1и* «крот», *мур-ч1и-сса* «слепой» (*бер,-бюр, мур «**глаз»).

Похожий. Семема «вода» мотивирована прототипической ситуацией хлебания воды, при котором возникает характерный шум, знакомый каждому в отдельности и всему сообществу одновременно. Поэтому, звук (условно *ХХ), издаваемый при хлебании воды, уже на уровне первой сигнальной системы становится знаком пития, воды и водного объекта. Сопровождаемый вокалом *ХХ-ва этот глубоко гортанный хрип становится первым звуко-словом и одновременно слого - предложением, которые ситуативно на уровне жесто-вокалической коммуникации со зрительной опорой на денотат или свершаемое действие может обозначать как водный источник, так и питие [Абдуллаев, 1999:166].

Позже вода в силу своей однородности становится прототипом, мотивирующим семему «похожий». В этом можно убедиться при сравнении слов, обозначающих «вода/сходство, похожий», ср.; авар. *лълъен* «вода» и *ре-лълъар-аб* «похожий», таб. *шар* «вода» и *ух-шар* «похожий. Табасаранская форма из *ух* «*вода» (ср. *ух!* «пей!) и *шар* «вода» предполагает репрезентацию «похожий» как «вода-вода», ср. русское «как две капли воды». В морфологии аварского *ре-лълъар-аб* первый компонент *ре-* также должен иметь историческое значение «вода», ср. *ре-гьел* «сырость». В таком случае возможно историческое стяжение *«ре-гьел* «*вода» + *лълъар* «вода» (ср. *лълъар* «ручей»> **ре-гьел- лълъар* «*вода-вода» > *ре-лълъар* > *релълъар-аб* «похожий». Историческая морфология двух последних слов аварского и табасаранского языков свидетельствует в стяжение синтагмы в одно слово, *– ре-лълъар* и *ухшар* состоит из двух корней.

Правый/левый. Слова в значениях «правый/левый» генетически образуют отдельные группы дагестанских языков [СССДЯ,109]. Наибольшая группа объединена общностью кодификации семемы

«правый»: агул. *х1уьрджал;* арч. *аьржут*; анд. г*ьанч1ч1ил*; лак. *урч1ах-сса;* лезг. *эрч1и;* таб. *арчул*.

Эксплицитно мотивированный прототип цитируемых прилагательных обнаруживается в лезгинском языке при сравнении с аварским: авар. *реч1ч1и* «бросание», *реч1ч1изе* «бросать» (в прямом смысле), лезг. *эрч1и* «правый», т.е. правая (рука) характеризуется ловкостью, умением бросать Остальные языки в кодификации семемы «правый» не обнаруживают генетической общности.

В аварском языке семема *кванараб* «правый» гибридного характера, ср. *квер* «рука» + перс. *гьунар* 1) «подвиг»: 2) «имение, ловкость» > *квергьунар* «умелая рука» > **кверунар* > *кваранар-аб*; «правый»; *кварнараб квер* «правая рука». В составе синтагмы *квер гьунар)* > *кваранар-аб* слово *квер* «рука» деэтимологизируется.

Прилагательное *квер- г1-аб,-ай –ав «левый- ая, -ое»* является аварско-арабским гибридом, ср. *квер* +«араб. *г1айиб* «*стыд*» > *квер-аб* (авар. *г1айиб* 1) «стыд»: 2) «плохой») > *кверг1-аб* >» рука плохая» > рука левая > «левая» с формальным сохранением слова *квер* «рука»: *кверг1аб квер* «левая рука».

В лезгинском языке *чапла* «левый» - дериват существительного *чап «*косо, покат*о», чапрас «*косой, косоглазый*»; *чапал >«*косой*»* > *чапла гъил «*косая рука *»> чапла гъил* > *«*левая рука*»* > *чапла «*левая, левый».

В лакском языке в структуре синтагмы *куя ка* «левая рука» этимологическое значение семемы *куя* «левая» эксплицируется в сравнении с табасаранскими г*агул* «левый» < **гугал; *ку-га* < *гаку* «корявый, нескладный»; *гу-га- (на)* «увалень, медлительный в движениях». Таким образом этимологически лак. *куя* (нескладная, неумелая > левая) *ка* «рука». То же самое значение должно иметь таб. *гагул* «левый*»,* ср. с таб. *гуга-на* «увалень, медлительный в движениях» > **гагун* > *гагул* (неуклюжий > левый). Переход *л* > *н* в табасаранском языке закономерен: *гъваъин* «на крыше» > **гъваънан* > *гъваълан* «с крыши».

Пустой общедагестанского хронологического уровня с закономерными соответствиями корневых морфем: авар. ч*1обогойа*б, анд. *беч1угу*, дарг. *бац1си,* лак. *боч1васса*, лезг. ич1и, таб. ич1и, будух г*ьеч1и*. Первичная мотивационная база обнаруживается в табасаранском языке – *ич1* «яма» - *ич1и* «пустой»

«Серый» объединен общностью корневых морфем: в ахвах. *ххоледи*, карат. х*олоб*, тинд. *холуб*; арчинском *хвелут*, лезг. *рехи,* таб. *раши* Прототипический денотот, внешностью которого мотивировано

искомое прилагательное, возводим к семеме «пепел»: авар. *рахъу, рохо;* карат *кьехва;* дарг. *ххасси, лак. лах;* лез. *руьхъ.*

Старый, пожилой отмечен общностью корневых морфем в авар. *хераб*, андо-цез. языках: анд. бахор, годоб. *бахар;* лак. *хъунсса,* дарг. *бухъна*, лезг. *кьуьзуь,* таб. *къаби*, чечен. *къена.* Мотивация рассматриваемого наименования вычленяется из сравнения табасаранских *кьаб,* «корень», *кьаъ* «редька», *къут1* «морковь», лакского *кьурч1и* «хрен». Все приведенные слова объединены общностью семемы «корень». Следовательно, табасаранское прилагательное *кьаби* «старый, пожилой» концептуализировано как «корневой, пустивший корни (своего клана) с транспозицией в «старый», ср. авар. к*ьибил 1) «*корень, основа; *2)* тухум, род. Старый, ветхий отмечен эксплицитной общностью в лак. *бухх-сса*; дарг. *буркъа.* Прототипический денотат, мотивирующий семему» старый, ветхий» обнаруживается в таб. *бух-ча* «старье, тряпье» и лезг. *бу-хче* в том же значении.

Сравнение семем «старый, пожилой» в аваро-анд: *хераб, бахар, бахара*; лак. *хъунав, хъусса;* дарг. *бухъна* и семем «старый, ветхий» лак. *бухсса*; дарг. б*уркъа* и таб. *бухча* «старье, тряпье» свидетельствует о том, что имеет место взаимное проникновение семем «старый» в значениях «пожилой» и «ветхий».

Сухой обнаруживает генетическую общность на уровне корневой морфемы в большинстве дагестанских языков: анд. *вокъув*; авар. *бакъварав*; лак. *кьарксса*; чеч. *декъа*; цез. *хъурхъаси;* дарг. *дегъси*; лезг. *кьурай*, таб кьуру. Искомое слово восходит к семеме солнце, и эта связь (солнце – сухой) эксплицитна в аварском языке, ср. б*акъ* «солнце» ба*къвар-ав* «солнечный > сухой».

Тонкий отмечен генетической общностью корневых морфем авар. т*1еренаб < *кь1еренаб*; лак. *к1оласса;* дарг. *бук1ула;* таб. *ч1илли;* лезг. *кьелеч*1; анд. б*екь1ера*. Прототипическим денотатом, обеспечившим мотивацию искомого прилагательного, явился тонкий плоский гладкий камень, который у дагестанских народов служил точилом, оселком для заточки небольших инструментов. Связь между денотатом и номинацией прилагательного отчетлива в аварском языке, ср. авчд. *т1ер* «точило» и т*1еренаб* «тонкиий»; анд. *къиру* «точило» и *бекъера* «тонкий»; таб. *ч1илли* «тонкий» и *лич1в* «точило, тонкий плоский гладкий камень»; *ч1ере* «тонкий плоский камень по краям плоской глинобитной крыши».

Тяжелый: авар. *бак1аб;* лак. к*1усса;* дар*г.* бек1си; крыз. *г1ак1ад*; таб *гъагъи, къакъи* считаются имеющими генетическую общность на уровне корневой морфемы. Эксплицитная семантическая связь между

тяжестью и качеством тяжелого отмечена в табасаранском языке*:* *гъагъ* «тяжесть, поклажа, ноша, тюк» > *гъагъи* «тяжелый».

Хромой отмечен генетической общность в разных группах дагестанских языков. На материале одного языка эксплицитны табасаранские *лик* «нога» и *лику* «ногастый, хромой». В рассматриваемом случае *–лик-у* «нога имеется» маркирует «недостатки ноги», обращается внимание на наличие ноги, но она не такая какой должна быть. Ср. также *джвукь* «бедро» - *джвукь* + *ас* «уничижительный *суфикс»* - *«джвукьас «хромой».* Корневая морфема авар. *рекьав* «хромой» и анд. *рекьу* в том же значении коррелирует с лезгинским *кье-ц1ил* «хромой», где *кье-* корневая морфема -соотносима с *кь-уьл* «нога» и аварским *кьур-изе* «танцевать».

Черный. Прилагательные в значении «черный» в абсолютном большинстве относятся к нахско-дагестанскому хронологическому уровню: авар. *ч1ег1ераб,* чечен. *1аьржи*, тинд. *беч1атуб*, беж. *ц1адала*, дарг. ц1удара, лезг. *ч1улав*, таб. *к1ару*, агул. *к1ареф.* Прототипический денотат, который явился мотивационной базой номинации этой семемы, обнаруживается в лакском языке – *к1а* «сажа, копоть», ср. также для аварского ч*1ег1раб* «черный» бежтинское *ч1еди* «копоть», чеченское *к1аро* «уголь» при табасаранском *к1ару* «черный».

Чистый дагестанско-нахского хронологического уровня с закономерным чередованием корневых согласных. Прототипом концептуализации чистоты в этническом сознании древних дагестанцев и вайнахов явилось гумно, где зерно очищают от остальной растительной массы. Слова, номинирующие семемы» «гумно» и «чистый» могут совпадать между собой на уровне корневых морфем, ср. семемы «гумно/чистый»: авар. *гьоц1ц1о/бац1ц1аб;* анд. *гьанц1ц1у/рерц1ц1м*; лак. *ттарац1алу/марц1сса*; таб. *рацц/марцци*; агул. *ратт/мерттеф.* Однако первичным является идея очищения, ср. авар. *ба-ц1ц1и*-не «чистить, почистить, очищать», в структуре которого корневая морфема *-ц1ц1-* далее не делима.

Проведенный этимологический анализ прилагательных, относящихся к исконному нахско-дагестанскому хронологическому уровню, и характеризующих основные реалии отдельных групп, или отдельных языков, показывает, что:

1) абсолютное большинство прилагательных утратили эксплицитную семантическую связь со своими производящими основами;

2) этимологическое значение производящей основы и современного прилагательного могут не совпадать;

3) видение мира древних дагестанцев и вайнахов на уровне «существительное > прилагательное» может быть различным. В редких случаях прототип прилагательного может быть гибридным.

Ниже приводятся этимологические значения прототипов и современных прилагательных: белый < «глина бело-мутного цвета для побелки»»; большой < выросший ; высокий < «подъем»; голод <«мольба о пропитании»; плохой < «голодный»; хороший < *сытый < «пропитание»; голубой < неба цвет; глухой < «ухо усталое», «ухо закрытое», «ухо «кудахтанием» измученное», «уха нет»; голый, нагой < «обнажение «полового органа»; горький < «хрен, редька»; длинный < «переезд, переход»; жадный < «сжатый, держащий»; желтый < «желчь»; жидкий < «держащий воду»; зеленый <«травяной, цвета молодых злаков»; синий < «сено»; кислый <«проникающий; щавелевый»; красный < «малиновый; цвета плода шиповника; круглый < «кувшин, горшок; вернувшийся на поверхность (исходную точку)»; маленький < «вошь, гнида, тля»; мокрый < «воду держащий»; мягкий (ощущение) сала, курдюка, губ»; новый < «отлинявший»; сладкий < «медовый, черешневый»; слепой < «глаз потухший, умерший»; похожий < «вода-вода»; правый < «бросающий; умелый»; левый < «стыдливый; косой»; пустой < «яма»; серый < «пепел»; старый, пожилой < «корневой»; старый, ветхий < «тряпье»; сухой < «солнечный»; тонкий < «точило; «плоский камень»; тяжелый < «груз, тюк, вязанка»; хромой < «ногастый»; черный < «сажа»; чистый < «гумно».

Не менее информативным окажется реконструкция исторической памяти самих прототипов прилагательных, лезг. *лац* «бело-мутный минерал для побелки и *лац-у* «белый» с точки зрения современного состояния лезгинского языка – какова семантика каждого отдельного компонента, образующего как субстантив, так и прилагательное? Предварительная реконструкция показывает, что л-*а-ц-у* первично, и на этом уровне являет собой единство имени и прилагательного, ибо конечный согласный -*ц*- глоттогонически не мог быть коммуникативной единицей в отсутствии гласного в силу своей не дистантности.

ГЛАВА XI. КОЛИЧЕСТВЕННЫЕ НАРЕЧИЯ

Семема «количество» в форме *сан* отмечена в лакском, лезгинском и табасаранском языках, например, таб. *Маларин сан йислан йисаз аъхю шула «*Количество скота растет из года в год». Исторически это слово восходит к числительному *са* «один», которое мотивировано однородным денотатом, лишенным примесей, и типологически мотивация этой ментальной сущности аналогична индоевропейским вариантам в формах unus/*один/един* [Абдуллаев, Гаджиалиева, 2019:34-35; 130]. Конечный носовой *са-н* является реликтом слова *на «*вещь, нечто*»,* ср. ботлихское *на* «вещь, нечто» при закономерности соответствия сонанта *н* в дагестанских языках [СИЛДЯ, 58].

В аварском языке мотивационной базой номинации семемы *рик1к1ел* «число, количество» должен быть денотат *к1к1о-р* «прядь, пучок» (волос, ворса и т.д.), который создает образ множественности, ср. авар. *рик1к1-кьог1аб* «очень горький» < «много горький» при *кьог1аб* «горький». В дальнейшем *рик1к1*- «*много» развивается в «множество», «число», «количество», номинируемые лексемой *рик1к1ен* с последующим образованием глагола *рик1к1ине/рик1ине «считать»*

Сколько(исчисляемое). 1.Нах.: *ма-са, ме-л ,ма-с,ма-сса, ме-лъ*;

2. Авар. *чан, чам, чани, чами, чанго*;

3.Анд.: *чам, чама, чану, чаму, чвами, чамухо*.

4. Цез. *ла-со, сомо, шомо, шому, гьидил;*

5.Дарг.: *чум, куса, чума, чуми*;

6.Лак. цими

7. Лезг.: *шим-ур, шум-уд, швн-уб, швнур,*(чон-тти > читтон), зуттон < (*зон-ту) сам, хьулел, зану-жи.* [СЯДНСК, 753].

Этот список можно дополнить лезг. *ккуьн* «сколько (исчисляемость/неисчисляемость).

Наиболее заднеязычным корневым является глухая заднеязычная аффриката *к*- в морфологии *ку-са «сколько»* ицаринского говора даргинского языка. Присутствие посткорневых лабиальных гласных -*о, -у,* лабиализованного *чв*- в структуре андийского *чв-ами* позволяют принять за исходный корневой согласный лабиализованный *кв с последующим продвижением к передней фонации: *кв *–к- кк-ч-ц- с-з; *кв-хь -*хьл-лъ; хь –ш –шв*. В случае *кв - *хь – гь* (беж. *гьидил)* имеет место ослабление фонической энергии.

В плане мотивации семемы «сколько» информативно лезгинское наречие *ккуьн* «сколько», которое является супплетивной формой

родительного падежа местоимения *ву-ч «*что», *«*акт. пад. *ккуь,* род. пад. *ккуьн* «чего». В синтагмах типа: лезг. *И чук1ул ккуьн я (*этот нож чего есть) «Этот нож чего (есть)стоит» местоимение *ккуьн «чего»* приобретает окказиональное значение «сколько», и *куьн* «чего (стоит)» отражает уровень натурального обмена. Последнее фиксируется как языковая единица в значении «сколько» применительно к исчисляемым и неисчисляемым денотатам, ср. лезг. *Гъуьр куьн я* «Мука чего (сколько) стоит?» и *Чук1ул куьн я?* «Нож чего (сколько стоит?».

В ахтынском говоре лезгинского языка местоимение *вуч «что» в косвенных падежах сохраняет финальный –ч, ср.: вуч «что»,* род. пад. *ччуьн;»; Ччвел яна?* Чем ударил?» при лезгинском литературном: *Кквел яна? «*Чем ударил?». В табасаранском языке столь же информативна форма дательного падежа от *фу* «что: *Гьаму ф-ттиз/-ччиз гъадабгъунва*? «За сколько ты это купил?» В других дагестанских языках, равно как и в самом лезгинском, семема «сколько» с корневой морфемой, восходящей к глухой аффрикате *кв -к – ч- ш- с-, специализируется в номинации «сколько» применительно к исчисляемым денотатам: таб. *швнуб ктаб* «сколько книг», лезг. *шмуд ктаб*, «сколько книг. Однако это не абсолютно, ср. ансалтинские *каг1ан* и *чан* «сколько» применительно к неисчисляемым и исчисляемым денотатам. Аналогично лезгинское *шмуд ктаб* «сколько книг», но *гьикьван ктабар* «сколько книг», *гьикьван гъуьр* «сколько муки» при отсутствии «*шмуд ктабар*», ср. также таб. *швнуб ктаб* «сколько книг» и *фукьан ктабар* «сколько книг» и *фукьан хю* «сколько муки» при отсутствии *швнуб ктабар.* Таким образом, исчисляемое и неисчисляемое в морфологии наречий со значением «сколько» лингвистически строго не дифференцированы. Сверх наших тезисов, вытекающих из проведенного анализа, об отсутствии строгой лингвистической дифференцированности категории исчисляемого/неисчисляемого в нахско- дагестанских языках свидетельствуют нахские *маса, мел, мас, мелъ «*сколько» релевантные и для характеристики исчисляемых и неисчисляемых денотатов (см. выше нахские количественные наречия).

В аварских диалектах и говорах наречие **ква-н > чан/чам* «сколько» (*Чан чи вач1арав?* «Сколько человек пришло?») явилось производящей основой для семемы *чан-ги* «много». Образование последнего обусловлено присоединением к *чан* «сколько» постпозитивного союза - *ги* «и» с последующей редупликацией: *чан-ги чан-ги* «сколько и сколько», которые создают образ множественности. Затем синтагма *чанги чанги* упрощается в *чанги* с сохранением семемы «много». (ср. повторяемость союза -*ги* «и*»: колхоз-ги совхоз-ги МТС-ги*

«и колхоз, и сохоз, и МТС»). Синонимом семемы *чанг*и «много» выступает слово *г1емер* «много», которое, на наш взгляд, является метатезой от слова *мег1ер* «гора» с метафорической транспозицией «гора»> «много». *Чан* «сколько» является также производящей основой наречия *чанго* «несколко», которое должно быть стяжением синтагмы *чан буго* «сколько есть» (т.е. есть не одно*)* > *чанго* «несколько». В гидском диалекте аварского языка *чан буго* «сколько есть» > *чанго* «сколько» не вызвало смысловых трансформаций.

В отличие от аварского языка в лезгинском и табасаранском языках семема «несколько» аналитического образования и формируется присоединением к семеме «сколько» числительного «один» в ситуативной функции неопределенного артикля «один, некий», ср.: лезг. *шумуд* «сколько» - *са шумуд* (одно, некое сколько) «несколько»; таб. *швнуб* «сколько» - *саб швнуб* (одно, некое сколько) «несколько», ср. также: лезг. *са-кьвед* (один-два) «несколько»; таб. *саб-кьюб* (один-два) «несколько».

В лакском языке этимологичесое**кван* «сколько (количество»» > *чан* по энантиосемии стало номинировать понятие малого числа: *чан бан* «сколько (количество) делать» > «уменьшать, *чан-ну* «мало».

Семема «много» в лакском языке вербализована лексемой *ч1яву,* краткой формой от *ч1яву-сса* «многочисленный» и от *ч1яву-ну* - «часто, много»: *ч1яву, ч1явусса бан* «увеличивать, умножать». Становление категории числа в структуре лакского *ч1яву* «много» объяснимо с опорой на родственные языки:

1) аварском языке слово *гье-ч1о* «нет, не имеется» является стяжением указательного местоимения *гье-б, гье-в, гье-й* «тот, та, то» и морфемы - *ч1о* отрицания». Композиционная семантика «того нет» кодифицирует субстантированное «нет, не имеется нечто»; 2) в аварском и в некоторых других дагестанских языках значение морфемы может зависеть от ее пре-/пост позитивногсти, ср. авар. *бу-го, ву-го, йи-го, ру-го* «есть, имеется», но *гу-ру, гу-ро* «не есть, не имеется». В лезгинском языке морфема *–да* «в препозиции имеет значение отрицания: *лугьун-*«говорить» - *да-лгьун* «не говорить», в постпозиции – значение» есть имеется»: «*мекьи* «холодный» - *мекьи-да* «холодный есть – холодно».

В табасаранском языке наречие *ч1е-ву* «достаточно, хватит*»* во второй части – *ву* имеет значение «есть». Тогда, исходя из семантики *ч1е-ву «*достаточно, хватит», первая морфема *ч1е-* должна иметь значение « не есть». Композиционная семантика морфемы *ч1е-* и глагола связки *–ву* «есть имеется», отражая ситуацию, номинирует ментальную сущность «достаточно, хватит», ср. таб. -*Шишлиъ хъана вичар ахьза*?

«Еще яблок в мешок насыпать» - *Ваъ, ч1еву, артухъ шулу* «Нет, достаточно, будет излишек».

Морфология лакских наречия *ч1я-ву, ч1я-ву-ну* «много», *ч1я-ву-сса* «многочисленный» аналогична словам с тем же значением в лезгинской группе языков, ср. таб. *ч1е-ве-ну*, ч*1е-ву*; рут.ул. *ч1авъи, ч1ав*; цахур. *ч1ев, ч1ав*. Однако семантически лакское *ч1яву* «много» - стяжение от прилагательного *ч1я-ву-сса*, где все три слога имеют значения бытия, наличия. Для последнего слога *–сса*, ср. дарг. *са-й* «есть, имеется», андийское *ссу* «не есть, не имеется». Трипликация *ч1я-ву-сса* одной и той же ментальной сущности «есть, имеется» создает образ многочисленности, множества номинируемых денотатов.

В аварском языке семема «много» репрезентирована формами: *1) кинабго и 2) киналго*. Первое слово реконструируемо как стяжение слов *кин «*что», дополненнное указательным местоимением *а-* «тот» в сочетании с классным показателем – *б-* «нечто». Сочетание *кин-аб «что-то, нечто»,* дополненное глаголом *буго* «есть, имеется» > *кин-аб буго* стягивается в *кин-аб*-го «наличие инвариантного нечто» с транспозицией в «много*». В* случае *кин-ал-го* возможна историческая реконструкция *кин-ал* «что много (*-ал* современный показатель множественного числа) + буго «есть, имеется» *кин-ал буго (*что много имеется*)* > *кин-ал-го «* много*».*

Сколько (неисчисляемое).

1. Аварские: *киг1ан, каг1ан.* чам*, каг1анаб*;

2. Лезгинский/ табасаранский *гьикьван/фукьан*.

В плане реконструкции исторической памяти этого количественного наречия «сколько» информативны и аварские, и лезгинские языковые единицы. Аварский *киг1ан* «сколько, в каком количестве» является стяжением исторической синтагмы, состоящей из местоимения *кин* «как» и союза *г1ан* «также, столь же»: **кин г1ан* «как столь же» > *киг1ан «*сколькю, столь же, в таком же количестве». Аналогична морфология лезгинского *гьикьван* «сколько, столь же» стянувшейся синтагмы *гьи* «какой» + союза *кьван «*также, столь же*»* > *гьикьван* «сколько, в такой степени, столь же, в таком же количестве».

Морфология табасаранского *фукьан* «сколько» конструирована единением местоимения *фу* «что» и союза *кьан* «также, столь же» > *фукьан «*сколько, в такой же степени, в таком же количестве». Структура *фу-кьан* позволяет определить мотивацию наименования количественного наречия *фукьан* «сколько». Синтагма *фу-кьан* «сколько» производна от сочетания слов *фу кьан* «что поздно» с последующим развитием > «как поздно» > «как долго» > «как много» > «в каком

количестве» > «сколько», ср. таб. *фу кьанди гъафунва* «как поздно ты пришел»: *фу-кьанди* «как поздно» > *фукьан китабар* «сколько книг».

Следует отметить, что количественные наречия авар. *киг1ан,* лезг. *гьикьван* и таб *фукьан* соотносимы как с исчисляемостью, так и с неисчисляемостью, ср. таб. *фукьан вичар* «сколько яблок», *фукьан кьел* «сколько соли» при *швнуб вич*, сколько яблок» *швнуб манат* «сколько» рублей», но *фукьан пул* «сколько денег».

В некоторых языках ментальная сущность, номинированная русским «штука» на лексическом уровне невербализована, хотя концептуально существует, ср. лезг. *Инал шмуд китаб ала? - Пуд. «*Сколько (штук) книг здесь? – Три». Равным образом остается невербализованнной на лексическом уровне семема «число (дата), ср. таб. *Гъи вазлин швнуд ву? - Йицуд. (Сегодня месяца сколько есть? – Десять) «*Какое сегодня число? – Десятое».

В аварском языке семема «штука» номинирована словом *жо «*вещь, нечто*»* в производном значении. Семема «день» кодифицирована словом *къо*. Композиционная семантика *жа-къа (*штука день) номинирует семему «сегодня». Фонетические изменения исходной праформы *жо къо* (штука день) *жа-къа* «сегодня» объяснимы тем, что результирующая ментальная сущность переходит в разряд слов, отвечающих на вопрс когда?

В некоторых случаях категория количества номинируется в переносном смысле, прибегая к троппам. Единицей измерения могут быть:

1) размер, обхватываемый частью тела, например,:лак. *ца чарак* «одна (малая) пядь»; лезг. са кьакьар «одна (малая пядь); таб. *саб ч1иб* «одна (большая) пядь»; таб. *саб хаб ук1* «одна охапка сена» (*хаб –* объем, охватываемый обеими руками); лезг. *са гъутта авай гъуьр* (в одном кулаке имеющаяся мука) «горсть муки;

2) количество, помещающееся в санях и вязанка: ср. таб: *саб мярх к1ак1влер хьуб эркназ барамбар ву «*одни сани дров эквивалентны пяти вязанкам дров».

ГЛАВА XII. ИСТОРИЧЕСКАЯ СЕМАНТИКА МАСДАРООБРАЗУЮЩИХ ФОРМАНТОВ

Формальная организация отглагольного имени действия нахско-дагестанских языков была предметом описания, начиная с работ П.К. Услара [Услар, 1889; 1892] и остается таковой в работах современных кавказоведов-лингвистов. С точки зрения аффиксов, образующих отглагольное имя действия, нахско-дагестанские языки подразделяются на 4 группы:

1) формирующие масдар посредством суффиксов с финальным согласными: «гласный + - б*, -н,- р,-ж.*» (в даргинском языке *-ни* < * *ин*

2) образующие отглагольное имя действия вербализацией гласными аффиксами: *-а, -е, -и, у (уь);*

3) языки, в которых суффиксом масдара выступают трех и более компонентные морфемы: а) сложная морфема *аабу\абу\аву* - в лакском; б) *–вал* в хиналугском и в) *-мул* в арчинском языках;

4) в аварском и будухском языках в функции масдарообразующих формантов выступает не только финальный *–н*, но и гласные морфемы: *–и* – в первом, - *а, - и, у (уь)* - во втором.

Исследователи нахско-дагестанских языков единодушны относительно морфем, образующих отглагольное имя действия в анализируемых ими языках кроме авароведов. И это удачно было подмечено; «сколько исследователей [аварского языка], столько мнений» [Маллаева, 2007:308]. Разнообразие видения картины мира организации масдара в аварском языкознании обусловлено:

1) множеством предполагаемых формантов отглагольного имени: выделяются обычно от двух *–н, - и* [Маллаева, там же] до 6 *: -и,-н, ой, -ей. -уй, -ай* [Саидов,1967 :787]. Этот список дополняется суффиксами *–лъи, –хи, -ин (гъиз «г*рязь*» - гъиз-ин «з*агрязнение*»)* [Хангереев, 2011:12]. Причем – *й* рассматривается как производный от *–и-* [Микаилов, 1964: 70]; (в будухском языке отмечено 10 суффиксов масдара вместе с вариантами [Мейланова, 1984 :195 (исследователи этого языка единичны):

2) авароведы, как и другие исследователи нахско-дагестанских языков, не принимают во внимание историческую семантику суффиксов отглагольного имени действия и их прототипов.

На основе анализа дагестанских языков установлено, что гласные *а, е, и, о, у* являются носителями инвариантного значения, передаваемого общностью русских эквивалентов «есть, имеется, становится», что обнаруживается в недостаточных глаголах бытия с классными

показателями или без таковых например: например.: «*и* «есть, имеется» агульского [Магометов, 1970 :118],рутульского [Ибрагимов 1978 :99,] пралезгинского [Алексеев 1985 :197] *и* андийского. *и-да* ботлихского, чамалинского, каратинского, *и-йа* тидинского, *и-ра* багвалинского [Гудава, 1959:57] языков, *би, ви, ди* хайдакского говора даргинского языка и арчинского [Хайдаков,1964:620] языков. [Цит. По: Абдуллаев 2003:5-20]. Корпус гласных с инвариантным значением «есть, имеется, становится» приводит Р. О. Асельдерова [Асельдерова, 2012, 90-94]. Следовательно, послекорневые тематические гласные, которые могут варьировать от формы к форме [Трубецкой, 1987:324-325], не асемантичны, а имеют инвариантное значение, передаваемое словами «есть, имеется, становится». Из этого вытекает справедливый вывод о том , что гласные с инвариантным значением «есть, имеется, становится» могут выступать в качестве масдарообразующего форманта, ср:, например, сему *и* «есть, имеется» становится» в функции масдарообразующего форманта.

аварские масдары сушествит. родств. языков

паркъ-и «мелькание» лак. *перх* «блеск»

ппунхъ-и» брызгание» *пурх* «брызги»

пирх- и «вспыхивание» *порх»* вспышка»

гьишт1-и «свистение» табас. *ушвт1* «свист» лезг. . *уьфт1*

их-и «возвращение быков *их!* «возвращеие быков»

[Цит.по Абдуллаев, 2003 :24].

Следовательно, вполне эксплицитна внутренняя форма аварских именных структур типа «имя + *и* «есть, имеется» = масдар». Композиционная семантика «имя+ есть имеется, становится» репрезентирует семантику деривата как единство именных и глагольных признаков, которые ограниченно реализуются в значении именного масдара (бытие действа), ср. к*1ич1* «петля, крючок»>*к1ич1-и* (крючок становление) > «искривление»; *бег1ер* «остро»> *бег1ер-и* (острота становление) > «заострение»; т*у* «плевок>* *ту-и* (плевок имеется) >*ту-й* «плевание; *соро* «*дрожь» *соро-и « дрожь есть*»>*сорой* «дрожание; *гьа-б,-в,-й* «это, этот, эта» +*и* «есть > это делание»: *дица х1алт1и гьаб-и* «мной работа есть > мной работа делание»; *а (-б -в,-й)* «это, этот, эта (о близко расположенном предмете) > *аб-и* «это есть» > это делание»: *дица раг1и аб-и*» мной слово есть > мной слово говорение». В последних двух случаях, как и в предыдущих, имеет место транспозиция бытия в действо в соответствии с ситуацией. Ср. также морфологию авар. *гь-а(-б, -в,-й) –и* «именно это бытие» с транспозицией в «делание», бытие ситуации транспонируется в действо. И в этом случае глагол *гьабизе* «делать» не

моноконсонантен, а является отыменным глаголом с тремя корневыми элементами *– гь, - а, (-б, -в. –й)* и показателем масдара - *и* «есть, становится» с переходом в «делание».

В лакском языке масдарообразование присоединением компонента *аабу/ааву> абу/аву* явление относительно позднее и носит инновационный характер [Абдуллаев, 1989 :122].

Наше исследование вопроса свидетельствует о возможности сближения этого масдарообразующего форманта лакского языка с аварским *гь-а-б-и* «делание», *а-б-и «*говорение*» (дица раг1и аби «*мной слова делание*»* равно *«*мной говорение*»*, которые изоморфны *лакскому а-аб-у* ср. также табасарансий масдар *а-п1-у-б* и лезгинский *а-в-у-н*):

- местоимение *а* «этот, ближний» лакского *а-аб-у* соответствует первому согласному *гь-* аварского местоимения *гь-аб* «этот ближний»;

- морфема *–аб*-лакского *а-аб-у* соответствует классному показателю с препозитивным *–а* аварского *гь-аб* «это нечто, субстантированное классным показателем (этот инвариантный объект; ср. также аварское *аб, ав, ай* «это, этот эта», ср. также лезгинское *а* «тот, та, то»;

- конечный гласный *– у* «есть, имеется, становится; бытие» (об этом выше упоминалось) лакского форманта *а-аб-у,* образующего масдар, изоморфен конечному гласному-*и* «есть, имеется; бытие» аварского масдара *гьаб-и* «делание».

Таким образом, аварский масдар *гь-аб-и «*делание» формально и семантически изоморфен лакскому аффиксу масдара *а-аб-у* «делание/становление». В обоих случаях «бытие (кем-то) некоего инвариантного субстантированного «нечто» транспонируется в «делание» в аварском языке и, отражая экстралингвистическую ситуацию, - в «делание/становление» в лакском языке: ср. *магьи марц1 б-ав-у* (слоновая кость чистый становление) «очищение слоновой кости»; (пример заимствован у Г.О. Кукуевой из» Отглагольные образования в ИКЯ, с.150). Следовательно, отыменные масдары не есть уникальное явление только аварского языка [Атаев,1998:131(со ссылкой на С.М.Хайдакова)]. Из этого следует, что, суффиксы-гласные масдаров, должны иметь инвариантное значение «есть, имеется. становится», которые, отражая ситуацию могут транспонироваться в «бытие, становление, делание», например,: *жаб-е* «чтение»; *во-,йе,- бех–е* «взятие» ахвахского [,Магомедова, Абдуллаева, 2007 :693]; *бах-е* «примирение» (масдар равен чистой основе) чамалинского [Магомедова, 2000 :477]; *серц1-и* «накоплять» (накопление), *саъ-а* «сохнуть» (высыхание) будухского [Мейланова,1984] языков.

Семантика масдарообразующих формантов с конечным согласным – *н,* например*:* в авароском, (*вач1-ин)*, андийском (*бах-он*)[Саидова 2000:286], (даргинском (*ваш-ни) < (*ваш*-ин) [Мусаев, Магомедова, 2000:12]; лезгинских (рутульском –*-ын (седх-ын); -ин (гивихь-ин* «молчание [Ибрагимов, 1978:101], Алисултанов, Сулейманова, 2019:508; удинском-*ун* (*бес-ун)* «делание» [Панчвидзе, Джейранишвили,1967: 684] становится эксплицитной в сочетании с предшествующими им гласными, что наиболее отчетливо видно на материале лезгинского языка, в котором формант масдара *–ун - ин, -уьн* в форме наиболее употребительного *-ун* [Гайдаров, Гюльмагомедов, Мейланова, Талибов 2009:177] является функционирующим в языке автономным словом. Исторически *ав-ун* «делание» является следствием композиционной семантики, где *а* «тот» > *ав* «тот с классным показателем (субстантированое местоимение) ср. аварское аб*, ав, ай «*этот нечто», «эта нечто», «это нечто» и лезгинский *а* «тот». Следовательно, *ав-ун* это- исторически субстатированное «то есть, имеется, становится» с транспозицией в «то -делание > делание*»,* отражая ситуацию, ибо значение обусловлено ситуацией (meanings are relativized) [Филлмор, 1981:497].

Из сказанного следует, что суффикс масдара нахско-дагестанских языков, имеющий морфологию «гласный + *н*», исторически имеет значение «есть, имеется становится + *н* «нечто» с ситуативной транспозицией в «становление, делание». Носовой согласный – *н* должен иметь значение «нечто», и на это указывает существительное ботлихского языка *на, нан (*во втором случае *ан* назализованный) 1) «вещь, предмет» 2) «штука, отдельный предмет» 3) «вещество» [Саидова, Абусов, 2012 :294; Алексеев, Азаев, 2019 : 334], т.е. инвариантное «нечто».

В затронутом аспекте интересным представляется лакские глаголы *ан* 1) родить (мальчика); 2) сделать кого-либо кем-либо; привести кого-либо в какое-либо состояние; *бан* 1) делать, свершать; 2) вспомогательный глагол (*марцсса б*ан «делать чистым «очищать»; *дан* «делать свершать». Инвариантным для всех трех глаголов является корневая морфема, выраженная гласным – *а* «бытие с переходом в действо»; конечный – *н* «нечто»; согласные в препозиции – классные показатели (в случае *ан* класный показатель синкопировался и им должн быть – *в*. Об этом свидетельствует формально невыраженная семантика *(*в-) ан* «родить» (мальчика), точнее исчезнувший классный показатель= *в.

Формально морфема *-б* как показатель отглагольного имени действия наиболее убедителен в табасаранском языке, где формант масдара *-б* синонимичен классному экспоненту – б, ср. *ч1ур* «поле,

(природа) > *ч1ур-у,* «дикий, плохой, нехороший», *ч1уру-б* «нечто нехорошее, дикое», *ч1уру-р* «некто нехороший»; *лиг-уб* «некое смотрение». Дополнение глагольной семантики корня *лиг-(уз*) «смотреть» классным показателем – *б «*нечто*»* с предшествующим ему гласным – *у* «есть, имеется, становится» придает глагольной основе *лиг*-уб ограниченные именные признаки, которые вкупе с глагольными параметрами транспонируются в значение масдара. Прототипом -*б* в функции масдарообразующего форманта и классного показателя может быть первый слог в морфологии даргинского *ба-(ягъи) «*один, некий, какой-то*»*

В хиналугском языке масдар образуется от основы причастия присодинением суффикса – *вал*: *ку-и-вал* «хождение» при этом между основой причастия и суффиксом возникает гласный – *и*- [Ганиева, 2002: 486]. Семантика суффикса *–вал,* образующего масдар в хиналугском языке, сравнима с корнем - *ал* глагола *бо- йо-,-ов -ал* <**во-ал* «делание» бежитинского [Хайдаков, 1973:124] языка. Суффикс *–ал\ол* является масдарообразующим и в будухском языке, ср. *алкъ-ал* «сеяние» [Мейланова. 1984 :195]

В аварском [Хангереев, 2011:12], бежитинском [Халилов, 1995:406] и гинухском [Халилов, Исаков, 2005;588] языках масдар образуется посредством присоединения к производящей основе суффикса – *лъи*. Причем масдарообразующим формантом считается гласный *(лъ)–и* этой морфемы [Маллаева, 2007 :312-313]. Однако отрыв гласного от согласного вряд ли оправдан, ибо исторически согласные без гласных не могли быть коммуникативными единицами в силу своей недистантности [см. Абдуллаев, 1999 :30].

На наш взгляд, морфема *лъи* исторически была недостаточным глаголом с инвариантным значением «есть, имеется, становится». Об этом свидетельствует ее (морфемы) даргинский коррелят - глагол *ле-б, ле-в, ле-й* «есть, имеется, становится» при закономерном соответствии аваро-андо- цезского *лъ* даргинскому *л* [СИЛДЯ, 57]. Ср. также корневой согласный *лъ* в морфологии глаголов со значением бытия в цезском *йолъ* «есть, имеется» и гинухском *голъ* в том же значении при закономерности звукосоответствий *лъ* в аварском, гинухском и цезском языках [СИЛДЯ, там же]. Следовательно, глагол *лъизе* функционирующий в морфологии глаголов типа *лъик1лъизе* имеет значение «быть, становиться, иметь», *лъи* –масдарообразующий суффикс – «есть, имеется, становится». Композиционная семантике *лъик1* «хорошо» + *лъи* (хорошо становится) > «улучшение» > *лъик1-лъи-зе* «улучшаться» вполне закономерное явление для аварского отыменного словообразования.

В арчинском языке отглагольное имя действия образуется присоединением к глагольной основе суффикса – *мул: ал-ес «*приходить*»* > *ал-мул «*приход,*» къац-ас «*мириться*»* > *къац-мул «*примирение» [Самедов, 2000:297]. Историческое значение морфемы – *мул,* образующего масдар в арчинском языке, обнаруживается в структуре нахских: чеченских *мил-а* «что», *мал* «что», ингушского *мал-а* «что» (вне вопросительного значения) [Комри, Халилов, 2010: 756]; чеченского слова *муьл(-хха*) «всякий, всякое» [Алироев, 2005 :93].

В крызском языке морфология отглагольного имени действия предполагает формант – *ж* [дж], которому предшествуют гласные – *а,- аь –и. –ы, - у: уг-аж* «гореть\горение», *йиз-аж* «сеять\сеяие», *къат1-- иж* «ударить\удар» *лып-ыж* «сказать\говорение» [Саадиев, 1967:636]. Лексико-семантческий прототип форманта масдара – *ж* крызского языка обнарживается в аварском *жо, жу* «вещь, предмет», воспринятый как инвариантное «нечто». Композиционная семантика глагольного корня + *аж* «нечто» кодифицирует отглагольное имя действия как инвариантное действо, сочетающее в себе как именные, так и глагольные признаки.

В морфологии моделей масдара типа «*имя + и* «есть, имеется, становится» суффиксы, образующие именной масдар, должны иметь глагольное значение: «имя + именной суффик» не может порождать глагольного значения действия. К таковым относится, например, авар. *гъиз* «грязь»> *гъиз-ин (*становление грязи*)* «загрязнение». В подобных конструкциях гласный с глагольным значением «есть, становится, имеется» в сочетании с *–н* «нечто» образует сочетание - *ин* «становление, бытие, делание» ср, лезгинские *ун* «делание» и его грамматические синонимы – форманты масдара – *ин* (*ф-ин* «хождение»), *-уьн (туьн» «*кушание»*).*

Комплекс масдарообразующих формантов нахско-дагестанских языков согласно нашей выборке предполагет суффиксы:

1) «*гласный + -н*» в аварском, андийском, ахвахском, бежитинском, ботлихском, будухском, гинухском, даргинском, инхокваринском, лезгинском, рутульском и цахурском язках и исторически является элементов слова *на-* «вещь» (ср. еще раз уже цитированное ботлихское слово «*на* «вещь»); ср. также лезгинское *ун* «делание»;

2) «*гласный +–л»* в бежитинском и будухском языках (ср. бежитинское *бо-йоов –ал* < **во-ал* «делание*»);*

3)«гласный+р» в андийском, багвалинском, будухском, цахурском годоберинском, инхвакваринском и табасаранском языках;

4) *«гласный + ж (дж)» –* в будухском языке (ср. аварское *жо*, *жу* «вещь»);

5)«гласный+-*й*»в рутульском;

6) -*мул* в арчинском языке (ср. чеченские *мил*, что» *мал* «что, *муьл*-хха «всякий»», ингушское *мал-а «*что»;

6) -вал в хиналугском *(ср.* уже приведенно*е бо- йо- ов- ал <*во ал «*делание*»* бежитинского языка).

В функции классных экспонентов выступают *б, д, й, р, в, л. м, п, ж, ц, ч, с, з* [СИЛДЯ, 78]. Для некоторых из перечисленных классных показателей обнаружены их прототипы - имена с инвариантным значением «вещь, нечто», «всякое» или «что», ср,: *б*- даргинское *ба-ягъи* «всякий»: *н* – ботлихское *на* «вещь, предмет», лезгинское *ун* «делание», *ж* – аварское *жо, жу* «вещь*», - мул –*чеченское *муьл-(хха)* «всякий», ингушское *мал-а* «что», *л* – бежитинское бо-,йо, -ов -*ал <*во-ал*«делание», аварское *къайи* «вещь.нечто»

Это допускает тезис о том, что классные показатели -реликты исторических именных языковых единиц с инвариантными значениями «нечто, всякий».

ГЛАВА XIII. О ПОЛИКОНСОННАНТНОСТИ ГЛАГОЛЬНОГО КОРНЯ

В нахско-дагестанском языкознании утвердился тезис о моноконсоннантности глагольного корня. Однако это не отрицает возможности наличия глаголов с двумя и боле корневыми согласными. Прежде всего напоминаем морфологию слов в значении «солнце», которые предполагают исторические сочетания двух корней «**ра* «свет» + *гъун* «ноша» > *ра-гъ* «солнце в случае лезгинского языка.

С солнцем и светом связана и семема «сохнуть» в дагестанских языках, номинированная лексемами: авар. *бокъизе* < **бо-ркъ-и-зе,* дарг. *би-ръ-ес,* лак. *кьакь-ан,* лезг. *кьур-ун,* таб. *у-ркъ-уз, кьур-у* «сухой». Считается, что в качестве корневого элемента выступают *кьв, кь, къ, ъ*, которые закономерно восходят к геминированному лабиализованному **кькьв*. После корневого элемента в лезгинских языках имеет место детерминативный суффикс – *ур, -ар* [СИЛДЯ, 268].

Концептуально наиболее информативен лезгинский глагол *кьу-ра-з* «сохнуть»: первый слог *кьу-* имеет значение «держание, сохранение», ср. лезг. *кьу-н* «держание», *кьаз* «держать»; второй слог *кьу-ра-з* «сохнуть» имеет значение *-ра* «*солнце, свет» и ситуативно – «тепло». Композиционная семантика *кьу-ра* «*тепло держание» транспонируется на результат этого феномена – высыхание. Таким образом, в сознании древнего лезгина и более широко – дагестанца - высыхание отложилось как воздействие солнца, тепла на денотат.

Биконсоннантными являются и корни лексем, обозначающих «собирать»: авар. *бак1аризе,* ахвах. *бак1арил,* гинух. *бак1алол.* В морфологии этих слов *к1ар-* принимается за простую основу. Из сравнения с гинух. *рок1ал, бок1ал*, гунз. *рок1-* делается вывод о том, что компонент *ро-* является классным показателем [СИЛДЯ, 267].

Однако это не касается простой основы – *(ба)-к1ар-(изе).* Наше исследование морфологии глагола *ба-к1ари-зе* «собирать» показывает, что морфема *-к1а-* соотносится с ментальной сущностью «место, пространство», ср. *ба-к1* «место, пространство». Вторая корневая морфема *–ри-* глагола *ба-к1а-ри- зе* номинирует частоту, густоту чего-либо, ср. *ри-з-аб* «густой», «частый». Композиционная семантика - *к1а-ри-* «густое место» по ассоциативной связи «густое собранное» номинирует ментальную сущность «собрать» с соответствующим оформлением грамматической семантики

Чистить. Авар. *бацIцIизе,* ахвах. *мацIцI-*, анд. *бе-р-цIцIо-меду,* лак. ма-р- цIа-н, [*ма-р-цц-сса]* «чистый», таб. *ма-р-цц апIуб* «чистить». Элемент -р-, следующий за классными показателями *ба-, бе, - ма-* является фонетическим наращением. Корневым для приведенных глаголов постулируется смычно-гортанная геминированная аффриката *цIцI*. [СИЛДЯ, 268].

Сравнение глаголов в значении «чистить» с семемой «гумно», например, (авар. *гьоцIцIо*) свидетельствует о формальной и семантической связи между глаголами и существительными: историческим корневым для цитированных глаголов и для слов в значении «гумно» является геминированный **цIцI* Эксплицитнее всего это отражено в материалах табасаранского языка, ср. *ма- р-цц-и* - «чистый», *ма-р-цц апIуб* «чистить» и *ра-цц* «гумно». Если принять во внимание тот факт, что гумно являет собой круглую площадку, на которой обмолачивают и очищают (веют) зерно, то становится понятной связь между *ра-* «*солнцем» и метафоричским перносом по форме *на ра-(цц*) «гумно».

Вторая корневая морфема в сруктуре *ра-цц «*гумно*»* соотносится с семеой «вол, бык»: тягловая сила на гумне, как правило, волы, ср. таб. ра-цц «гумно» и «бык» в дагестанских языках: таб. *йа-ц/йиц,* лезг. *йа-ц*, авар. *оц,* цез. *оц* (*оцби)* «гумно» и «быки». Таким образом, *рацц* «гумно» явилось прототпической основой номинации *ма-рцц-и <*ма-ра-цц-и* «чистый» по функциональной особенности гумна, предназначенного для очистки хлебов.

Биконсоннантным является и глагол аварского языка *ворчIизе <*во-ро-чIи-зе «*просыпаться. Корневая морфема *–рчI-* является следствием синкопы безударного гласного *–о-* в морфологии **во-ро-чIизе > ворчIизе*. Первая корневая морфема **ро > р* имеет значение «свет», вторая - *чIи-* *«звезда», ср. авар. *ро-гьин* «рассвет», табасаранскокое *чIи-з «*звезда». Корреляция аварского *–чI-* и табасаранского *-чI-* закономерна [СИЛДЯ, 186]. Композиция семем семем **ро* «свет» + чIи «звезда» отражает ситуацию рождения дня, когда люди просыпаются, и эта ситуация по смежности переходит на «просыпание».

Материалы дагестанских языков свидетельствуют также о поликонсоннантноси глагола, ср. таб. *тта-р –а-хьу-б <дар-а-хьу-б* (не есть –есть. имеется- бытие) с транспозицией в «небытие» > «разрушение, рассыпание»: *хулар ттар-а-хь-ну* (дом не есть стал) «рассыпался». (О поликонсоннантности дагестанского глагольного корня см. Абдуллаев, 2003)

В морфологии глагола может и не быть ни одной корневой морфемы, номинирующей данную реальность – случаи, когда вербализуемая ментальная сущность обусловлена ситуацией “meanings arerelativizied”[Филлмор,1981:497]. Например, вышеприведенный аварский глагол *гь-а-б(-в-й-)-и-зе,* корень которого состоит из трехкомпонентного субстантированного указательного местоимения, *гь-а-б=* показателя масдара – *и*; суффикс -*зе* имеет значение «нечто», ср. лак. *за* «вещь». Это же касается и нахско-дагестанских глаголов с суффиксами – *не, (*авар. *воржине,* лак *бан, дан,* чечен. *дан,* лезг. *авун рут. вын; -з, (авар. гьабизе,* лезг. *ийиз,* таб. *апйуз) – с:* агул *акьас,* дарг. *аркъас),- ж* [*дж*], крыз. *ихьаьдж* (звукосоответстия исторического * *з > ж, *з> с* закономерны [СИЛДЯ, 55].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Реконструкция исторической памяти исконной лексики нахско-дагестанских языков свидетельствует о том, что:

1) сводимость лексики к одной корневой морфеме близких по форме и значению слов может быть свидетельством их родства на доязыковом уровне:

2) бесспорным свидетельством родства лексических единиц может быть их сводимость к единой форме, значению и одинаковой концептуализации номинируемой реальности;

3) все более растущая дагестанская и нахская лексикография позволит более точно реконструировать историческую память исконной лексики, видение мира на уровне образования отдельного слова и языка в целом.

Продолжение работы в затронутом аспекте создаст условия для составления словарей внутренней формы, которые в языкознании, насколько нам известно, еще не отмечены

ЛИТЕРАТУРА

1. Абдуллаев И.Х. Суффикс –у в отглагольных именах лакского языка // Отглагольные образования в ИКЯ. – Черкесск, 1989, - С. 119 – 122.

2. Абдуллаев И.Ш. Действо как бытие ситуации. К проблеме этимологической семантики компонентов содержательной структуры дагестанского глагола. - Махачкала, 2003 – 44 с.

3. Абдуллаев И.Ш. Введение в генетику дагестанских языков. – Махачкала, 1999 -174 с.

4. Абдуллаев И.Ш. Индоевропейцы: реальность и мифы. –Махачкала, 2021, 82 с.

5. Абдуллаев И.Ш. До-ПОТОП-ная картина мира, или пиар экспликативной лингвистики. – Махачкала, 2022 – 73 с.

5. Абдуллаев И.Ш., Гаджиалиева М. Г. Картины мира древних народов. Вып. 1. -Махачкала, 2016, - 42 с.

6. Абдуллаев И.Ш., Гаджиалиева М.Г. Картины мира древних народов. 1.Индоевропейцы. 2.Семиты. 3. Тюрки. 4.Дагестанцы и Вайнахи. – Махачкала, 2019 – 140 с.

7. Алексеев М.Е.Вопросы сравнительно-исторической грамматика лезгинских языков. Морфология. Синтаксис – М., 1985.

8. Асельдерова Р. О. Концептуализация грамматических значений в аварском языке в сравнительном освещении - Махачкала, 2112 - 170 с

9. Атаев Б.Ь. К вопросу о типах масдара в аварском языке // Отглагольные образования в ИКЯ. – Черкесс, 1989 - С.133-135.

10. Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов – М., 1995. – 456 с.

11. БокаревЕ.А. Сравнительно-историческая фонетика восточнокавказских языков. – М., 1981.

12. Бурчуладзе Г.Т. Об исторических взаимоотношениях масдара и инфинитива в лакском языке //Отглагольные образования в ИКЯ, - Черкесск, 1989 – С. 133 – 135.

13. Гайдаров Р.И. Ахтынский диалект лезгинского языка (По данным сел. Ахты) – Махачкала, 1961 – 102 с.

14 Гайдаров Р.И. Основы словообразования и словоизменения в лезгинском языке. – Махачкала, 1991.

15 Гайдаров Р. И., Гюльмагомедов А.Г., Мейланова У.А., Талибов Б.Б. Современный лезгинский язык. - Махачкала, 2009.

16. Гамкрелидзе, Т. В., Иванов, Вяч. Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. Т. 1-2. Тбилиси, 1984

17. Добродомов И. Г. Еще раз об исторической памяти в языке. // ВЯ. 2002, № 2, - С. 103-108.

18. Ибрагимов Г. Х. Рутульский язык. – М., 1978.

19. Ибрагимов Г.Х. Цахурский язык. – М., 1990.

20. Исаев М.Г. Сравнительный анализ глагольных категорий аварского языка. – Махачкала, 2003.

21. Исаев. И.А. Гунзибский язык. // Языки Дагестана. Махачкала – Москва, 2000, - С. 391-407.

22. Исакова А.А. Гинухский язык. // Языки Дагестана. – Махачкала- М. 2000. –С. 347 – 390.

23. Каидов З.Г. Словобразование в агульском языке. –Махачкала. 2012.

24. Кибрик А. Е., Кодзасов С.В. Сопоставительное изучение дагестанских языков. Имя. Фонетика. – М., 1990

25. Кукуева Г.О. Масдарные конструкции как разновидность терминов лакских народных ремесел. // Отглагольные образования в ИКЯ. –Черкесск, 1989 – С. 149-151.

26. Курбанов К.К. Грамматический очерк табасаранского языка. // Ханмагомедов Б-. Х-К., Шалбузов К.Т. Табасаранско-русский словарь. М., 2001 – С. 397 -476.

27. Магомедбекова З.М. Ахвахский язык // Языки Дагестана. Махачкала-Москва. 2000. – С.306 -390.

28. Магомедбекова З.М. Каратинский язык. //Языки Дагестана. – Махачкала – Москва. С.418- 421.

29. Магомедов М.И. Алиханов С.З. Словообразование в аварском языке. – Махачкала, 2008.

30.Магомедова П.Т. Тиндинский язык. // Языки Дагестана. Махачкала-Москва. 2000 – С.421- 435.

31. Магомедова П.Т. Чамалинский язык. //Языки Дагестана. Махачкала –Москва, 2000 – С.468 -482

32.Магометов А. А. Агульский язык. (Исследование и тексты) – Тбилиси, 1970 – 242 с.

33. Маллаева З. Глагол аварского языка. Структура, Семантика, Функции. – Махачкала, 2007.

34. Мейланова У.А. Очерки лезгинской диалектологии. --Махачала, 1964.

35. Микаилов Ш.И. Сравнительно-историческая морфология аварских диалектов. – Махачкала -1964. 2010.

36. Николаева Т.М. «Скрытая память» языка. Попытка постановки проблемы. // ВЯ. 2002, № 4. С. 26-41

37. Омаров А.А. Масдар в даргинском и арабском языках: морфологический аспект. Автореф. дисс. На соиск. учен. степени канд филолог наук – Махачкала - 2009

38. Панчвидзе, В.Н., Джейранашвили Е.Ф.Удинский язык.// Языки народов СССР. Иберийско-кавказские языки. – 1967. С.676-687.

39. Саадиев, Ш.М. Крызский язык. //Языки Дагестана. Махачкала – Москва, 20000. С. 457 -511.

40. Саидова П.А. Андийский язык. \\ Языки Дагестана. – Махачкала. 2000. - С.275 -288.

41. Саидова П.А., Гарунова К.И. К характеристике масдарных словосочетаний в аварском языке //Отглагольные образования в ИКЯ. – Черкесск, 1989 –С. 178 -181.

42. Самедов Д.С. Арчинский язык/ /Языки Дагестана. – Махачкала-Москва, 2000 _С.299- 305– 1971.

43. Самигулина А. С. «Скрытая память слова» (на примере метафорических номинаций) // ВЯ. 2009, № 4. – С. 110 – 118.

44. Сравнительно-историческая лексика дагестанских языков. – М., 1971 (СИЛДЯ).

45. Топуриа Г.В. Удинский язык //Языки Дагестана - Махачкала – Москва, 2000- С. 512-522

46.Трубецкой, Н.С. Заметки о глагольных показателях в чечено-лезгинских (восточно-кавказских языках) языках. / Трубецкой, Н.С. Избранные труды о филологии. -М.,1997, - С.324 – 337.

47. Филлмор, Ч. Дело о падежах открывается вновь. //Новое в лингвистике. Вып. X., - М., 1981, - С. 496 – 531.

48. Хайдааков С.М..Сравнительно-сопоставитльный Словарь Дагестанских языков. – М., 1973.

49. Хайдаков С.М. Арчинский язык. // Языки народов СССР. Иберийско- кавказские языки.М., 1967, - С.608 -626.

50. Хайдаков С.М. Система глагола в дагестанских языках. – М., 1975.

41. Хайдаков С.М. Сравнтельно-сопоставительный словарь дагестанских языков. – М., 1973 (СССДЯ).

52. Хангереев М.-Б. Д.-Г. Парадигматическая система глагола в аварском языке. – Махачкала, 2011.

53. Шейхов Э.М. Будухский язык // Языки Дагестана. Махачкала – Москва. 2000 – С.483 -497

Словари

1. Алиханов С.З. Аварско-русский словарь. - Махачкала, 2003.

2. Атаев Б.М. Русско-аварский словарь. Махачкала,

3. Вагапов А. Этимологический словарь чеченского языка. – Тбилиси, 2011 (ЭСЧЯ).

4. Гаджиев М. М. Русско-лезгинский словарь. – Махачкала, 2009.

5. Гаджиев М.М., Талибов Б.Б. Лезгинско-русский словарь

6. Гимбатов М. М. Аварско-русский словарь. – Махачкала, 2006.

7. Гимбатов М.М. Русско-аварский словарь. – Махачкала, 2006.

8. Гюльмагомедов А.Г. Толковый словарь лезгинского языка. Т. 1-2. – Махачкала. 2013

9. Джидалаев Н.С. Русско-лакский словарь – Махачкала, 1994.

10. Казыми П. Ф., Насретдинов Р.А. Русско-азербайджанский универсальный словарь. – М., - 2010.

11. Климов Г.А..Халилов М.Ш. Словарь кавказских языков. Сопоставление основной лексики. – М., 2000.

12. Комри Б., Халилов М. Словарь языков и диалектов народов Северного Кавказа. – Лейпциг-Махачкала, 2010 (СЯиДНСК).

13. Магомедова П.Т. Багвалинско-русский словарь. – Махачкала, 2004.

14. Магомедова П.Т. Чамалинско-русский словарь. – Махачкала. 1999.

15. Магомедова П.Т., Абдуллаева И. А. Ахвахско-русский словарь. - Махачкала, 2007.

16. Мейланова У.А. Будухско-русский словарь. –Махачкала. 1984.

17. Саидов М.-С.Д. Аварско-русский словарь. – М., 1967

18. Саидова П.А. Абусов М.Г. Ботлихско-русский словарь. Махачкала. 2012.

19. Саидова П.А. Годоберинско-русский словарь. – Махачкала, 2000.

20. Хайдаков С.М. Лакско-русский словарь. – М. -1962.

21. Хайдаков С.М. Сравнительно-сопоставительный-словарь дагестанских языков. – М., - 1973.

22 Халилов М.Ш. Бежитинско-русский словарь. – Махачкала, 2015.

22. Халилов М.Ш., Исаков И.А. Гинухско-русский словарь - Махачкала. 2005.

23. Ханмагомедов Б.Г-К.. Шалбузов К.Т. Табасарнско-русский словарь. М. – 2001.

24. Эфендиев И.И. Словарь нахско-дагестанских языков: сопоставление иранских заимсвований- Махачкала – 2010.

25. Юзбекова С.Б., Абдулмуталибов. Русско-лезгинский словарь. – Махачкала, 2013.

26. Юсупов Х.А. Даргинско-русский словарь. – Махачкала, 2010.

27. Юсупов Х.А. Русско-даргинский словарь. – Махачкала, 2005.

Алфавитный указатель исторической памяти к именному словарю

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ НАЗВАНИЙ ЯЗЫКОВ И ДИАЛЕКТОВ

авар. – аварский язык
агул. – агульский язык
азер. – азербайджанский язык
анд. – андийский язык
араб. – арабский язык
арчин. – арчинский язык
гинух. – гинухский язык
годоб. – годоберинский язык
гунзиб. – гунзибский язык
дарг. – даргинский язык
инг. – ингушский язык
крыз. – крызский язык
лак. – лакский язык
перс. – персидский язык
рутул. – рутульский
язык таб. – табасаранский язык
тинд. – тиндинский язык
удин. – удинский язык
хварш. – хваршинский язык
хиналуг. – хиналугский язык
цахур. – цахурский язык
цез. – цезский язык
чамал. – чамалинский язык
чеч. – чеченский язык

ТРАНСКРИПЦИЯ

Материал дагестанских языков передается согласно транскрипции, принятой СИЛДЯ

а – негубной гласный заднего ряда, нижнего подъема
б – губно-губной звонкий смычный
в – губно-губной и губно-зубной звонкий
г – заднеязычный звонкий смычный и спирант
гъ – звонкий увулярный спирант
гь – глухойларингальный спирант
г1 – звонкий ларингальный спирант
д – переднеязычный звонкий смычный
дж – переднеязычная звонкая шипящая аффриката
дз – переднеязычная свистящая звонкая африката
э (е) – негубной гласный переднего ряда среднего подъема
ж – переднеязычный звонкий шипящий спирант
з – перднеязычный звонкий свистящий спирант
и – негубной гласный переднего ряда верхнего подъема
й – срденеязычный звонкий спирант
к – заднеязычный глухой смычный
къг – звонкая увулярная аффриката
къ – глухая увулярная непридыхательная аффриката
кь – смычно-гортанный увулярный
кьь – геминированная смычно-гортанная латеральная аффриката
кь1 – негеминированная смычно-гортанная латераьная аффриката
к1 – заднеязычный смычно-гортанный
л – переднеязычный боковой сонант
лъ – негеминированный глухой латеральный спирант
л1 – негеминированная глухая латеральная аффриката
м – губно-губной носовой смычный сонант
о – губной гласный заднего ряда среднего подъема
п – губно-губной глухой мычный
п1 – губно-губной абруптив
р – переднеязычный дрожащий сонант
с – переднеязычный глухой свистящий спирант
с1 – преднеязычный геминрованный свистящий спирант
т – переднеязычный глухой смычный
т1 – переднеязычный глухой смычный абруптив
у – губной гласный заднего ряда верхнего подъема
ф – губно-зубной глухой спирант

х – хрипящий увулярный глухой спирант
хъ – увулярный глухой придыхательный
хь – заднеязычный глухой фрикатив
х1 – глухой фарингальный спирант
ц – переднеязычная глухая свистящая аффриката
ц1 – переднеязычный свистящий глухой абруптив
ч – переднеязычный глухой шипящий смычный
чв – преднеязычный глухой огубленный шипящий смычный
ч1 – переднеязычный глухой шипящий абруптив
ч1в – переднеязычный шипящий огубленный абруптив
ш – переднеязычный, шипящий глухой фрикатив
шв – преднеязычный шипящий огубленный глухой фрикатив
ы – негубной гласный среднего ряда верхнего подъема
ъ – ларингальный смычно-гортанный

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Абдуллаев Ибадулла Шахович – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Дагестанского государственного университета народного хозяйства, окончил аспирантуру в Ленинградском отделении Института языкознания АН СССР, специалист в области романского и общего языкознания.

Основные работы

1. Введение в генетику дагестанских языков – Махачкала. 1999 – 176 с.
2. Действо как бытие ситуации – Махачкала, 2003 – 46 с.
3. Просодическая структура романского слова // Введение в историческую фонетику французского языка- Махачкала, 2004, С. 59-71.
4. Размышления по поводу «произвольности» лингвистического знака // Языкознание в Дагестане. Вып. 9. 2006.
5. Картины мира древних народов. Вып. 1 -3, -Махачкала, 2016, 2019а, 2019б (в соавторстве с М. Г. Гаджиалиевой).
6. Индоевропейцы: реальность и мифы. (Опыт реконструкции исторической памяти слова) – Махачкала. 2021- 80 с.
7. До-ПОТОП-ная картина мира, или пиар экспликативной лингвистики. – Махачкала, 2022, -73 с.

Научное издание

Абдуллаев Ибадулла Шахович

ПРАЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА
ДАГЕСТАНЦЕВ И ВАЙНАХОВ
(Опыт реконструкции исторической памяти слова)

Подготовка оригинал-макета *Мухумаалиев К. М.*
Дизайн обложки *Мухумаалиев К. М.*

Подписано в печать 13.02.2023 г. Формат $60 \times 84^{1}/_{16}$.
Гарнитура «Таймс». Бумага офсетная. Печать ризографная.
Усл. п. л. 6,16. Уч.-изд. л. 5,5. Тираж 500 экз. Заказ №23-02-229.

Отпечатано в типографии АЛЕФ
367002, РД, г. Махачкала, ул. М. Гаджиева 64
Тел.: +7 (8722) 935-690, 599-690, +7 (988) 2000-164
www.alefgraf.ru, e-mail: alefgraf@mail.ru